

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Материалы IX Международной
научно-практической конференции

(Екатеринбург, 3 апреля 2026 г.)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Свердловская региональная общественная организация
Вольного экономического общества России

Северо-Западный университет сельского и лесного хозяйства
(Китайская Народная Республика)

Бухарский государственный университет

Уральский государственный экономический университет

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

М а т е р и а л ы

IX Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 3 апреля 2026 г.)

Екатеринбург
2026

УДК 338.23(075.8)
ББК 65.2/4-98я73
Э40

Ответственные за выпуск:

доктор экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления
Уральского государственного экономического университета
И. А. Антипин;

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права
Уральского государственного экономического университета
Г. З. Мансуров

Редакционная коллегия:

доктор экономических наук, доцент *И. А. Антипин* (секция 1);
доктор юридических наук, доцент *Г. З. Мансуров* (секция 2);
доктор медицинских наук, профессор *И. В. Борзунов* (секция 3)

Э40 **Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности** : материалы IX Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 3 апреля 2026 г.) / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Свердловская региональная общественная организация Вольного экономического общества России, Северо-Западный университет сельского и лесного хозяйства (Китайская Народная Республика) [и др.] ; ответственные за выпуск И. А. Антипин, Г. З. Мансуров. — Екатеринбург : УрГЭУ, 2026. — 181 с.

IX Международная научно-практическая конференция «Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности» прошла в стенах Уральского государственного экономического университета. В работе конференции приняли участие работники образовательных и научных учреждений, бизнес-субъектов, органов государственной власти, органов местного самоуправления. Сборник научных статей подготовлен по материалам выступлений участников.

Предназначено для профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов, бакалавров, а также специалистов-практиков.

УДК 338.23(075.8)
ББК 65.2/4-98я73

© Авторы, указанные в содержании,
2026

© Уральский государственный
экономический университет, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Уральском государственном экономическом университете сложилась многолетняя традиция совместного обсуждения юристами и экономистами наиболее важных общественных проблем на стыке экономики и права. Поэтому 3 апреля 2026 г. в состоялась IX Международная научно-практическая конференция «Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности», организованная силами экономистов (кафедра региональной, муниципальной экономики и управления; кафедра экономики социальной сферы) и юристов (кафедра гражданского права).

Проблематика экономической безопасности в современных условиях сохраняет статус одного из ключевых направлений научных исследований, что обусловлено возрастанием комплексности угроз, ускорением структурных изменений в экономике и усилением взаимосвязи между экономическими, социальными, правовыми и технологическими факторами. В условиях трансформации экономических систем особую значимость приобретают вопросы выявления, оценки и нейтрализации рисков, способных оказывать деструктивное воздействие на устойчивость организаций, отраслей, регионов и стран.

Актуальность представленных материалов определяется тем, что экономическая безопасность сегодня не может рассматриваться исключительно в рамках финансово-экономических параметров. Она предполагает учет демографических, социальных, правовых, организационных и технологических факторов, формирующих общую устойчивость систем различного уровня. Именно поэтому включенные в сборник материалы характеризуются междисциплинарностью и ориентированы на раскрытие взаимосвязей между состоянием экономики, качеством институциональной среды и параметрами общественного развития. В совокупности это придает изданию научную значимость и практическую востребованность.

В первую секцию включены исследования, посвященные анализу экономической безопасности в контексте структурных и институциональных изменений, происходящих в национальной и региональной экономике. Рассматриваются вопросы финансового оздо-

рования организаций, оценки качества жизни населения, анализа социально-демографических рисков, цифровой зрелости предприятий, устойчивости финансового сектора и влияния технологий искусственного интеллекта на систему экономической безопасности.

Содержательно представленные в секции статьи ориентированы на выявление факторов, определяющих устойчивость хозяйствующих субъектов и территориальных систем в условиях усиления внешних и внутренних вызовов. Авторы предлагают различные подходы к оценке рисков, мониторингу угроз и формированию механизмов адаптации организаций к изменяющимся условиям функционирования. В ряде работ значительное внимание уделено вопросам применения цифровых технологий, прогнозным моделям и конфигурационным методам анализа, что отражает современный уровень научного осмысления проблематики.

Вторая секция посвящена исследованию правовых средств обеспечения экономической безопасности, которые в современных условиях приобретают особое значение в связи с усложнением экономических отношений и ростом числа правовых рисков. В статьях рассматриваются вопросы регулирования критической информационной инфраструктуры, антимонопольных иммунитетов, института банкротства граждан, правового статуса участников договорных отношений, особенностей интернет-права и правовых последствий трансформации международных экономических связей. Отдельного внимания заслуживает анализ новых цифровых угроз, включая распространение дипфейков, что демонстрирует адаптацию правовой науки к актуальным вызовам. Тем самым в материалах секции отражена необходимость совершенствования правового инструментария в целях защиты экономических интересов государства, общества и хозяйствующих

Третья секция объединяет исследования, посвященные взаимосвязи экономической безопасности и устойчивого развития социальной сферы. В работах анализируются динамика бюджетных показателей и заработной платы, состояние здоровья населения, организация системы скорой медицинской помощи, управление коррупционными рисками, результаты контрольной деятельности в здравоохранении, состояние занятости населения и особенности функционирования малых предприятий в условиях изменений налогового контроля. Существенное значение придается вопросам эффективности

социальных институтов и устойчивости инфраструктуры, обеспечивающей качество общественных услуг. Тематика секции показывает, что социальная сфера рассматривается авторами не только как объект государственной политики, но и как важнейший элемент системы экономической безопасности.

Представленный сборник отражает современное состояние научных исследований в области экономической безопасности и демонстрирует широкий спектр методологических и прикладных подходов к изучаемой проблеме. Работы, включенные в издание, отличаются актуальностью, междисциплинарным характером и ориентацией на решение значимых теоретических и практических задач. Существенным достоинством сборника является сочетание исследований, посвященных экономическим, правовым и социальным аспектам безопасности, что расширяет возможности его использования в научной и образовательной деятельности.

СЕКЦИЯ 1

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

А. В. Арманов

Московский университет «Синергия», г. Москва

Формы и методы финансового оздоровления компаний в системе обеспечения экономической безопасности

Аннотация. В статье анализируются формы и методы финансового оздоровления отечественных компаний во взаимосвязи с задачами обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов. Исследуется противоречие между потребностью экономики в реабилитации кризисных предприятий и фактическим доминированием ликвидационных процедур в практике российского банкротства. Обоснована необходимость дифференцированного подхода к выбору инструментов оздоровления с учетом отраслевого контекста и санкционных ограничений.

Ключевые слова: финансовое оздоровление; экономическая безопасность; антикризисное управление; финансовая устойчивость; санкционное давление; банкротство; корпоративные финансы.

Экономическая безопасность хозяйствующего субъекта представляет собой состояние защищенности его финансовых, производственных и кадровых ресурсов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее способность организации к устойчивому функционированию и развитию. Одной из наиболее острых угроз данному состоянию выступает утрата платежеспособности, которая при отсутствии своевременных мер оздоровления приводит к банкротству и полной ликвидации предприятия. Между тем ликвидация компании несет в себе угрозу экономической безопасности уже не только самой организации, но и ее контрагентов, работников, регионального бюджета, а в случае стратегических предприятий и безопасности отрасли в целом. Именно этим объясняется тот факт, что финансовое оздоровле-

ние сегодня рассматривается не просто как процедура восстановления платежеспособности, а как один из ключевых инструментов обеспечения экономической безопасности на микро-, мезо- и макроуровне.

Статистика последних лет свидетельствует о том, что действующие механизмы финансового оздоровления не справляются с возложенной на них задачей защиты хозяйствующих субъектов. По данным Федресурса за 2025 г. реабилитационные процедуры (внешнее управление и финансовое оздоровление) были введены лишь в 59 случаях, что составило менее 1 % от общего числа процедур банкротства¹. Остальные 99 % компаний были направлены на ликвидацию. С точки зрения экономической безопасности подобное соотношение означает, что существующий институциональный механизм фактически не выполняет реабилитационной функции, а работает преимущественно как инструмент прекращения деятельности неплатежеспособных субъектов. Каждая ликвидированная компания представляет собой утраченные рабочие места, разрушенные кооперационные связи и выпавшие налоговые поступления, совокупный эффект которых подрывает экономическую безопасность территории присутствия [2].

Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» трактует финансовое оздоровление как процедуру восстановления платежеспособности и погашения задолженности по утвержденному графику. Однако такая трактовка фиксирует лишь реактивную составляющую, тогда как логика экономической безопасности построена на упреждении угроз [4]. Финансовое оздоровление поэтому нуждается в расширительном понимании, охватывающем превентивные меры выявления и купирования рисков на ранних стадиях.

Угрозы, нейтрализуемые средствами оздоровления, проявляются на трех уровнях. На микроуровне это утрата платежеспособности и рост долговой нагрузки, на мезоуровне банкротство запускает цепную реакцию разрушения кооперационных связей отрасли, на макроуровне массовые банкротства сжимают налоговую базу и деловую активность.

¹ Банкротства в России: 2025 г. Статистический релиз / Федресурс (ЕФРСБ). — URL: <https://fedresurs.ru/news/0fb732a9-dcd6-457c-b72d-5d6227977a0f> (дата обращения: 15.05.2026).

Выбор инструментов оздоровления с позиции безопасности подчиняется иной логике, нежели в традиционном финансовом менеджменте. Финансовые методы (реструктуризация задолженности, оптимизация оборотного капитала, привлечение антикризисного финансирования) обеспечивают тактическую защиту, но не затрагивают причин кризиса. Организационно-управленческие методы (пересмотр бизнес-модели, реорганизация производства, выход на новые рынки) устраняют структурные предпосылки и формируют долгосрочную устойчивость [6]. Компании, ограничивающиеся только финансовыми мерами, в значительной доле случаев повторно утрачивают платежеспособность. При этом учет отраслевой специфики нередко оказывается решающим фактором, поскольку для промышленных предприятий приоритетом является сохранение производственного потенциала, а для сервисных компаний определяющую роль играет реструктуризация операционной модели [5].

Санкционные ограничения обесценили ряд классических инструментов оздоровления и потребовали расширения арсенала за счет переориентации хозяйственных связей, расчетов в национальных валютах и импортозамещения критически важных компонентов [1]. Результативность любых мер при этом напрямую зависит от того, насколько рано обнаружена угроза, что делает работоспособный внутренний контроль обязательным условием эффективного оздоровления [3].

Мораторий на банкротство 2020 и 2022 гг. формально защитил компании от ликвидации, но не обеспечил реального оздоровления. За январь и февраль 2024 г. были признаны несостоятельными 1 342 компании (рост на 59 % к аналогичному периоду предыдущего года), что свидетельствует лишь об отложенной, а не нейтрализованной реализации угроз. Обсуждаемая реформа института банкротства способна повысить долю реабилитационных исходов, однако лишь при условии, что она будет подкреплена системными мерами поддержки кризисных предприятий. Дальнейшее развитие рассматриваемого направления связано с разработкой комплексных методик финансового оздоровления, интегрированных в систему обеспечения экономической безопасности и учитывающих современный опыт российских компаний, совершенствованием нормативной базы реабилитационных процедур в направлении усиления их оздоровительного, а не ликвидационного потенциала, а также формирова-

нием системы мониторинга финансового состояния предприятий, позволяющей инициировать защитные мероприятия на ранних стадиях нарастания угроз, что в совокупности обеспечит снижение социально-экономических потерь от банкротства и укрепление экономической безопасности хозяйствующих субъектов.

Библиографический список

1. *Богатырев А. В., Бубнова О. Ю.* Банкротство юридических лиц как угроза экономической безопасности: статистический анализ // На страже экономики. — 2019. — № 4 (11). — С. 5–12.

2. *Девяткин О. В.* Корпоративные банкротства и кризисы: анализ и тенденции // Экономика, предпринимательство и право. — 2023. — Т. 13, № 7. — С. 2329–2340.

3. *Егорова Е. В., Евраев Л. О.* Внутренний контроль и экономическая безопасность // Вестник экономической безопасности. — 2022. — № 3. — С. 277–279.

4. *Лавлинская А. Л., Бичева Е. Е., Шульгина В. В.* Финансовое оздоровление организации: понятие и механизм // Актуальные проблемы финансов, денежного обращения и кредита в аграрной сфере: материалы нац. конф., посвящ. 25-летию кафедры финансов и кредита Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I (Воронеж, 28 сентября 2021 г.). — Воронеж: ВГАУ, 2021. — С. 55–62.

5. *Ряховская А. Н.* Влияние экономических санкций на платежеспособность и финансовую устойчивость российских компаний // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2019. — Т. 219, № 5. — С. 165–176.

6. *Сенков В. А., Домничев Д. Ю., Кречетова А. В.* Финансовая устойчивость предприятия в сфере внешнеэкономической деятельности в условиях антироссийских санкций как основа экономической безопасности // Экономическая безопасность. — 2023. — Т. 6, № 2. — С. 793–806.

И. А. Владимиров

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Качество жизни населения в системе индикаторов социально-экономической безопасности региона

Аннотация. В исследовании рассматриваются теоретико-методологические аспекты показателей качества жизни населения в системе мониторинга социально-экономической безопасности региона. Анализируются проблемы формирования индикативных систем оценки, а также ключевые проблемы регионального мониторинга в условиях нарастающей межтерриториальной дифференциации.

Ключевые слова: качество жизни; социально-экономическая безопасность; регион; индикаторы; мониторинг; уровень жизни.

Актуальность исследования проблем социально-экономической безопасности регионов в современных условиях определяется глубиной структурных трансформаций, происходящих в российской экономике под влиянием санкционного давления, демографических вызовов и нарастающей межрегиональной дифференциации. Региональная система безопасности оказывается перед необходимостью выработки таких инструментов диагностики, которые позволяли бы фиксировать не только формальные макроэкономические параметры, но и реальное состояние жизнедеятельности населения, поскольку именно деградация условий жизни выступает наиболее ранним и надежным признаком нарастания угроз устойчивому развитию территории. Анализ проблем социально-экономической безопасности России в современных условиях показывает, что состояние жизнеобеспечения граждан представляет собой интегральный индикатор реальной устойчивости региональной системы, синтезирующий в себе как экономические, так и социальные параметры [3].

Теоретическая конструкция, связывающая качество жизни с состоянием региональной безопасности, требует прежде всего четкого разграничения двух близких, однако не тождественных понятий. Уровень жизни традиционно трактуется как совокупность количественно измеримых материальных характеристик условий существования населения, прежде всего доходов, потребления и обеспеченности базовыми благами. Понятие «качество жизни» значительно шире: наряду с объективными показателями оно включает субъективную удовлетворенность граждан социальным статусом, условиями труда и здравоохранения, доступностью образования, экологи-

ческой средой и возможностями профессиональной самореализации, а также характеристиками, не поддающимися прямому стоимостному измерению [6]. Принципиальным следствием данного разграничения для задач обеспечения безопасности служит то обстоятельство, что снижение качества жизни способно формировать социальную напряженность значительно быстрее, чем об этом свидетельствуют сугубо количественные индикаторы уровня доходов. В данных социологического мониторинга российских городов зафиксирована устойчивая взаимосвязь между субъективными оценками населением условий жизнедеятельности и такими угрозами национальной безопасности, как рост гражданской нестабильности, делегитимизация властных институтов и нарастание протестного потенциала [2].

Методологические подходы к формированию индикативных систем оценки качества жизни в целях мониторинга региональной безопасности существенно разнятся в зависимости от целей исследования. На международном уровне широко применяется индекс человеческого развития, разработанный в рамках Программы развития ООН, учитывающий показатели ожидаемой продолжительности жизни, образования и дохода на душу населения как равнозначные составляющие общего уровня благополучия. Анализ качества жизни населения за многолетний период подтверждает, что ни один из названных компонентов не является достаточным в отрыве от остальных, а попытки редуцировать безопасность к монофакторным моделям неизменно ведут к недооценке реальных угроз [4]. Применительно к российской региональной специфике центральное место занимает РИА Рейтинг, охватывающий 66 показателей, сгруппированных в блоки, отражающие уровень доходов населения, жилищные условия, состояние здоровья, занятость, обеспеченность социальной инфраструктурой и экологическую ситуацию. По результатам рейтинга за 2024 г. медианное значение рейтингового балла по всем субъектам РФ составило 55,34 пункта, что на 1,71 пункта выше показателя предыдущего года; среди факторов роста выделяются повышение денежных доходов, снижение уровня безработицы и рост ожидаемой продолжительности жизни, тогда как разрыв между лидерами и замыкающими рейтинг регионами по-прежнему остается весьма значительным¹.

¹ *Рейтинг регионов по качеству жизни — 2024* // РИА Рейтинг. — 2025. — 17 февр. — URL: <https://riarating.ru/regions/20250217/630276677.html> (дата обращения: 04.04.2026).

Сопоставление названных методик позволяет сформулировать авторскую позицию относительно места качества жизни в системе региональных индикаторов безопасности.

Существующие подходы, как правило, рассматривают данный показатель как один из равнозначных блоков наряду с финансовой устойчивостью бюджета, инвестиционной активностью и производственным потенциалом. Между тем подобная логика представляется методологически уязвимой: высокие значения инвестиционных и бюджетных показателей региона, не транслируясь в ощутимое улучшение условий жизни населения, не устраняют, а лишь временно маскируют накапливающиеся угрозы стабильности.

С учетом изложенного качество жизни целесообразно рассматривать не как рядовой блок индикаторов, а как валидирующий критерий всей системы: положительная динамика прочих показателей безопасности должна признаваться достаточной лишь при условии, что она сопровождается верифицируемым улучшением условий жизнедеятельности граждан. Регион, демонстрирующий рост ВРП и профицит бюджета на фоне стагнации реальных доходов и субъективной неудовлетворенности населения, не может считаться экономически безопасным в полном смысле слова, поскольку разрыв между макроэкономическими результатами и их социальным воплощением сам по себе является угрозой устойчивости территориальной системы.

Наряду с дискуссиями о составе индикативных систем в научном сообществе обозначилась устойчивая группа методологических проблем, существенно ограничивающих результативность мониторинга.

Первая из таких проблем связана с несопоставимостью методик, применяемых различными субъектами статистического наблюдения, что затрудняет межрегиональное сравнение показателей, собранных по разным основаниям и в разные периоды.

Вторая проблема состоит в значительных временных лагах между формированием реальной угрозы безопасности и ее фиксацией в официальной статистике: инфляционный шок или резкое падение реальных доходов населения трансформируются в официально признанную угрозу лишь спустя несколько отчетных периодов, что многократно снижает эффективность превентивных управленческих мер [5].

Третья проблема заключается в неравновесном соотношении объективных и субъективных показателей в большинстве действующих методик.

Исследования уровня жизни населения как индикатора региональной безопасности убедительно показывают, что система ключевых параметров должна органично сочетать статистические данные о доходах, занятости, демографии и здоровье с результатами опросных методов, фиксирующих субъективное восприятие населением условий жизнедеятельности, поскольку именно расхождение между объективными и воспринимаемыми показателями формирует устойчивые очаги нестабильности [1].

Самостоятельной сложностью служит и то обстоятельство, что качество жизни в высокодотационных регионах нередко поддерживается преимущественно за счет федеральных трансфертов, не отражая реального потенциала территориальной экономики и создавая искаженную картину при сравнении регионов с принципиально разными структурами бюджетов.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что качество жизни населения занимает положение ведущего интегрального индикатора в системе мониторинга социально-экономической безопасности региона, поскольку синтезирует в себе как результаты экономического развития территории, так и степень реализации конституционных социальных гарантий граждан. Формирование полноценной индикативной системы регионального уровня предполагает не только расширение состава используемых показателей, но и переход от ретроспективных фиксаций к проактивному мониторингу, способному своевременно сигнализировать о нарастающих угрозах благополучию населения.

Перспективным направлением представляется интеграция данных гражданских цифровых платформ и результатов региональных социологических обследований в единую систему индикаторов наравне с официальной статистикой, что позволит существенно сократить временные лаги и расширить информационную базу для обоснованного принятия управленческих решений в сфере региональной безопасности.

Библиографический список

1. Алляева Т. В., Кованова Е. С., Кегдеева Е. М. Уровень жизни населения как индикатор экономической безопасности регионов // Экономическая политика и финансовые ресурсы. — 2023. — Т. 2, № 2. — С. 10–20.
2. Зубец А. Н., Хоконов А. А. Качество жизни, протестная активность населения и проблемы обеспечения национальной безопасности России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2022. — Т. 12, № 3. — С. 57–64.
3. Соколов А. П., Атаманчук М. О. Анализ проблем социально-экономической безопасности России в современных условиях // Индустриальная экономика. — 2022. — Т. 8, № 5. — С. 798–803.
4. Сырчин В. А., Елкин С. Е. Анализ качества жизни населения Российской Федерации: итоги десятилетия // Теоретическая экономика. — 2021. — № 8 (80). — С. 92–104.
5. Терещенко А. П. Высокая инфляция и снижение уровня жизни россиян как угрозы экономической и национальной безопасности государства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 1. — С. 205–207.
6. Штанько О. П. Анализ дифференциации уровня и качества жизни населения в Центральном федеральном округе // Экономика, предпринимательство и право. — 2023. — Т. 13, № 12. — С. 6463–6472.

М. Н. Гончарова, М. И. Титанова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Вызовы поликризиса и синергия угроз для экономической безопасности России

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния поликризиса на экономическую безопасность России в 2019–2025 гг. На основе динамики ВВП выявлены этапы кризиса, восстановления и структурной адаптации. Доказано, что синергия разнородных угроз требует новых подходов к управлению рисками. Предложены меры по улучшению системы экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность; поликризис; синергия угроз; управление рисками.

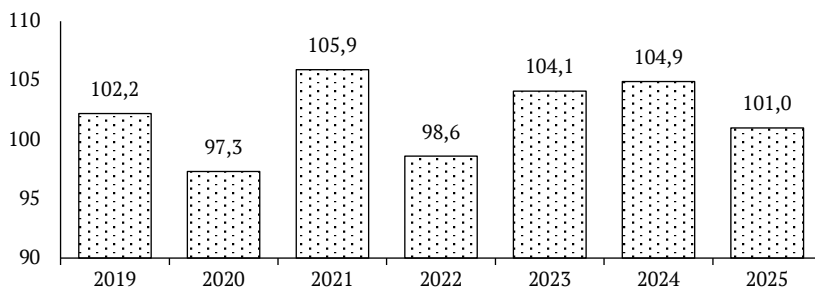
Состояние мировой экономики подвергается множеству негативных тенденций, вызванных пандемией коронавируса, нестабильной политической обстановкой и связанным с ней энергетическим кризисом, увеличением долгового бремени, последствиями изменения климата и другими причинами. Особенно частыми стали шоко-

вые изменения в 2020 г. экономика существенно пострадала от пандемии COVID-19, а в 2022 г. — от массированных антироссийских санкций [3]. Как отмечают С. В. Фрумина и И. П. Хоминич, в этих условиях финансовые рынки и национальные экономики сталкиваются с наложением старых и новых рисков, требующих пересмотра подходов к управлению [5]. Актуальность данного научного исследования обоснована возрастающим вниманием к глобальным трансформациям, обусловленным кризисными явлениями, влияющими на Российскую Федерацию.

Риски становятся гораздо сложнее и взаимосвязаннее. Они возникают из-за того, что природа, общество и технологии развиваются, организуются и смешиваются друг с другом. Это приводит к неожиданным последствиям, таким как нестабильность, нарушение равновесия и непредсказуемые изменения [2].

Целью статьи является определение эффектов множества вызовов и определение основных направлений построения новой системы обеспечения экономической безопасности в период поликризиса.

Для анализа динамики экономической безопасности страны был взят индекс физического объема валового внутреннего продукта на период 2019–2025 гг., который является одним из показателей состояния экономической безопасности, отмеченных в Указе Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.». Выбранный период охватывает пандемию, санкционные ограничения и структурную перестройку. Данная динамика представлена на рисунке.

Индексы физического объема валового внутреннего продукта
в рыночных ценах, % к предыдущему году

Анализ динамики индекса физического объема валового внутреннего продукта за период 2019–2025 гг. позволяет оценить уровень экономической безопасности Российской Федерации в условиях поликризиса. Выбранный временной интервал охватывает как фазу кризисного падения, так и периоды восстановительного роста, что позволяет оценить не только глубину кризисных явлений, но и эффективность мер экономической политики.

В 2019 г. индекс ВВП составил 102,2 %. Этот год характеризовался умеренным экономическим ростом, однако уже тогда нарастали внешние риски, связанные с изменением геополитической обстановки. Пандемийный 2020 г. стал годом глубокого шока: индекс снизился до 97,3 %, что зафиксировало спад экономической активности на фоне введенных ограничений, падения внутреннего спроса и разрыва производственно-логистических цепочек. С точки зрения экономической безопасности такое падение продемонстрировало уязвимость экономики перед немедленными внешними воздействиями, однако последовавшая за этим реакция государственных механизмов поддержки позволила предотвратить более глубокую рецессию.

Уже в 2021 г. экономика продемонстрировала ярко выраженное восстановление: индекс ВВП достиг 105,9 %. Однако с точки зрения экономической безопасности важно отметить, что это восстановление происходило в условиях сохраняющейся внешней напряженности, и уже в 2022 г. экономика столкнулась с новым мощным вызовом — санкциями, что привело к снижению индекса до 98,6 %.

В последующие годы — 2023, 2024 и 2025 — динамика ВВП демонстрирует переход к фазе роста. В 2023 г. индекс составил 104,1 %, в 2024 г. — 104,9 %, что свидетельствует о превышении докризисного уровня деловой активности и формировании новой модели экономического развития, опирающейся на импортозамещение. Для преодоления давления России потребовались институциональные и структурные изменения в экономической политике [4]. В 2025 г. показатель снизился до 101 %, что может интерпретироваться не как признак нового кризиса, а как возвращение к более умеренным темпам роста. Выявленная динамика согласуется с результатами исследований Е. И. Козыренко, З. Р. Хамбулатовой и Р. М. Бирюкова, которые, анализируя период 2020–2024 гг., приходят к выводу, что российская экономика продемонстрировала способность к структурной адапта-

ции, несмотря на совокупное воздействие пандемийных, санкционных и технологических шоков [1].

В рассматриваемый период могли повлиять энергетический кризис, связанный с нарушением логистики поставок и колебанием цен на энергоносители; фискально-долговой кризис, выражающийся в росте долговой нагрузки на бюджеты и корпоративный сектор на фоне ужесточения денежно-кредитной политики; а также климатические и структурно-технологические вызовы, требующие перестройки производственных цепочек и инвестиций в импортозамещение на фоне разрыва кооперационных связей.

Оценивая представленную динамику со стороны экономической безопасности, можно сделать вывод, что российская экономика в период 2019–2025 гг. продемонстрировала способность к преодолению проблем. Ключевыми факторами, обеспечившими безопасность, выступили: наличие бюджетных и резервных фондов, позволивших реализовать антикризисную поддержку; адаптивность реального сектора к изменению логистических и технологических цепочек; а также переориентация экономической политики на цели структурной независимости. С точки зрения долгосрочной экономической безопасности ключевым вызовом остается переход от фазы восстановления и адаптации к фазе устойчивого роста, что требует дальнейшего трансформирования экономики и снижения зависимости от внешних факторов нестабильности.

Результаты исследования подтверждают, что традиционная структура системы экономической безопасности, построенная на классических методах, не всегда достаточно предотвращает последствия условий поликризиса. Предлагаются практические рекомендации, включающие три основных аспекта, представленные в таблице.

Меры по формированию новой системы экономической безопасности в условиях поликризиса

Подход	Конкретные меры
Институциональный	Сформировать при Совете безопасности РФ или Правительстве РФ постоянно действующий центр по управлению синергетическими рисками с участием Минэкономразвития, Минфина, ЦБ РФ, Минпромторга, ФСБ
Методологический	Дополнить традиционный мониторинг индикаторов регулярной (ежеквартальной) оценкой матриц сопряженности угроз

Подход	Конкретные меры
Инструментальный	Разработать и внедрить специализированные аналитические панели, отображающие одновременное приближение нескольких рисков к критическим значениям

Гипотеза исследования подтверждена: в условиях поликризиса синергия разнородных угроз создает дополнительный эффект снижения экономической безопасности, не учитываемый традиционными методами. Предложенные меры позволят повысить результативность управления рисками в условиях нарастающей нестабильности.

Библиографический список

1. Козыренко Е. И., Хамбулатова З. Р., Бирюков Р. М. Российская экономика в условиях системных вызовов: анализ угроз и стратегии реагирования // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2025. — № 5 (175). — С. 7–14.
2. Кравченко С. А. Диагностика синергийно сложных рисков через призму генотипа культуры // Социологические исследования. — 2024. — № 8. — С. 125–136.
3. Плотников А. В. Моделирование форм проявления кризиса в национальной экономике под воздействием неэкономического шока (на примере кризисов в России 2020 и 2022 гг.) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2022. — № 5-2. — С. 194–199.
4. Плотников В. А., Маршанкулова А. А. Внешние санкции и Российская экономика: состояние и перспективы // Деловой вестник предпринимателя. — 2022. — № 10 (4). — С. 56–59.
5. Фрумина С. В., Хоминич И. П. Современные финансовые рынки в условиях поликризиса и кризиса стоимости жизни // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. — 2024. — Т. 21, № 3 (135). — С. 156–163.

Е. Б. Дворядкина, С. А. Мубаракишина
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблема выбора метода оценки рисков для обеспечения экономической безопасности организации сферы строительства жилых и нежилых зданий

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ трех методов оценки рисков для организаций сферы строительства жилых и нежилых зданий: метода анализа «галстук-бабочка», метода диаграммы Исикавы и авторской методики оценки совокупного риска в строительстве, разработанной М. В. Герасимовой и Л. А. Авдеевой. Для каждого метода выделены ключевые преимущества и недостатки с точки зрения их применимости в отрасли.

Ключевые слова: оценка рисков; строительство жилых и нежилых зданий; строительная организация; методы оценки рисков; сравнительный анализ; экономическая безопасность.

Любой метод оценки рисков при его разработке должен быть создан с учетом положений, указанных в национальном стандарте о принципах и руководстве менеджмента риска¹. Поэтому перед изучением основных методов измерения рисков организации сферы строительства жилых и нежилых зданий рассмотрим этапы, представленные в стандарте.

В определении термина «оценка риска» в основу заложены перечисления этапов — «это процесс, охватывающий идентификацию риска, анализ риска и оценивание риска»².

Таким образом, оценка рисков как процесс включает в себя три этапа (см. рисунок):

- 1) идентификацию;
- 2) анализ;
- 3) оценивание рисков.

Далее рассмотрим каждый из них по отдельности.

В современной литературе выделяют большое количество разнообразных методов оценки рисков, начиная от методов оценки конкретных факторов и заканчивая специфичными (в зависимости от

¹ ГОСТ Р ИСО 31000-2019. Менеджмент риска. Принципы и руководство. — М.: Стандартинформ, 2020. — 19 с.

² ГОСТ Р 51897-2021 (ISO Guide 73:2009). Менеджмент риска. Термины и определения. — М.: Российский институт стандартизации, 2021. — С. 11.

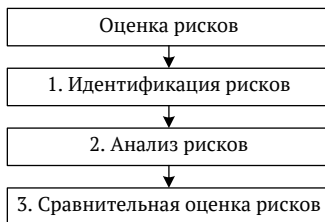
отрасли специализации организации) методами. Однако все они подразделяются на две группы методов: качественные и количественные [3].

Рассмотрим и проанализируем некоторые из известных методов оценки рисков организации сферы строительства жилых и нежилых зданий. При этом следует отметить, что одним из главных критериев при выборе метода является возможность его проведения без привлечения экспертов и применимость к организации этой сферы.

Метод анализа «галстук-бабочка» — «простой схематический способ описания и анализа путей реализации риска (от причин до последствий) и результатов), а также анализа методов управления» [5, с. 55]. Анализ «галстук-бабочка» «используют для исследования риска на основе демонстрации диапазона возможных причин и последствий» [5, с. 55]. «Выходными данными метода является простая диаграмма, показывающая основные пути опасных событий и установленные барьеры, направленные на предотвращение или смягчение нежелательных последствий и (или) усиление и ускорение ожидаемых последствий» [5, с. 56].

Метод диаграммы Исикавы («рыбья кость») — метод, при котором «определяются факторы, влияющие на определенный результат (желаемый или нежелательный)» [4, с. 432]. Данный метод является «графическим способом исследования и определения наиболее существенных причинно-следственных взаимосвязей между факторами и последствиями в исследуемой ситуации или проблеме» [1, с. 19]. «Сопутствующие факторы обычно делятся на предопределенные категории и отображаются в древовидной структуре или диаграмме» [4, с. 432].

Метод оценки совокупного риска в строительстве, разработанный М. В. Герасимовой и Л. А. Авдеевой — методика, позволяющая «произвести идентификацию рисков для последующего измерения

Этапы оценки рисков
в соответствии
с ГОСТ Р 51897-2021¹

¹ Составлено по: ГОСТ Р 51897-2021 (ISO Guide 73:2009). Менеджмент риска. Термины и определения. — М.: Российский институт стандартизации, 2021. — 19 с.

количественных показателей потерь для строительной организации, которые зависят от вероятности наступления рассматриваемых рисков» [2, с. 746]. Результатом проведения методики является оценка совокупного риска, который включает в себя две большие группы рисков: производственные (природно-экологические, имущественные, технологические, организационно-социальные) и финансовые (кредитные, риски банкротства, ликвидности, инфляционные [2, с. 746]. Оценка проводится в три этапа:

1) *этап идентификации рисков* («предполагает выявление и описание производственных и финансовых рисков» [2, с. 747–748]);

2) *этап измерения рисков* («предполагает оценивание экспертами вероятности возникновения риска по 5-балльной шкале и величины возможных потерь в процентах от плановой прибыли. После определения величины потерь от рисков, необходимо рассчитать индекс риска — балльная оценка значимости риска» [2, с. 748–749]);

3) *этап оценки уровня риска* («предполагает определение экспертами на основе индексов уровня производственного и финансового рисков по шкале от низкого до высокого, а также выявление совокупного риска в строительстве, который равен их комбинации по шкале» [2, с. 750–752]).

По результатам проведенной методики составляется таблица по уровням строительного совокупного риска [2].

Далее, изучив вышеперечисленные методы, выявим их преимущества и недостатки (см. таблицу).

Сравнительная таблица методов оценки рисков организации сферы строительства жилых и нежилых зданий

Метод	Преимущества	Недостатки
Метод анализа «галстук-бабочка»	«Обеспечение наглядного и простого графического представления проблемы. Метод ориентирован на средства управления, направленные на предупреждение и (или) уменьшение последствий опасных событий, и оценку их эффективности. Метод может быть применен в отношении благоприятных последствий.	«Он не позволяет отображать совокупности причин, возникающих одновременно и вызывающих последствия. Метод может представить сложные ситуации в чрезмерно упрощенном виде, особенно при применении количественной оценки» [5, с. 71]

Окончание таблицы

Метод	Преимущества	Недостатки
	Не требуется привлекать высококвалифицированных экспертов» [5, с. 71]	
Метод диаграммы Исайявы («рыбья кость»)	«Визуализация способствует более качественной систематизации факторов. Способствует выявлению причинно-следственных связей, более четкому ранжированию факторов влияния, концентрации на основной проблеме. Является основой для дискуссии по актуальным вопросам. Выявляет сопутствующие основной проблеме слабые стороны. Не требуется привлекать высококвалифицированных экспертов» [1, с. 20]	«Отсутствует формализация правил проверки сформулированных логических цепочек. Нет рамок в проблематике (широкий спектр проблем и факторов может привести к ошибочным выводам). Сложная и многоуровневая диаграмма не всегда позволяет правильно сформулировать выводы» [1, с. 20]
Метод оценки совокупного риска в строительстве, разработанный М. В. Герасимовой и Л. А. Авдеевой	Обеспечивает системный и структурированный взгляд на риски, объединяя их в две большие группы: производственные и финансовые. Позволяет количественно оценить риск через расчет индекса. Визуализация результатов в виде таблицы упрощает восприятие. Учитывает отраслевую специфику строительства, предлагая релевантные категории рисков [2]	Высокая зависимость от субъективных оценок экспертов. Качественная балльная оценка может не отражать реальные финансовые масштабы потенциального ущерба. Для корректного применения требует сформированной системы риск-менеджмента и сбора релевантных данных. Комбинаторный подход к определению совокупного риска может скрывать критически высокий уровень одного из видов риска за счет низкого уровня другого [2]

В завершение хочется отметить, что сектор строительства жилых и нежилых зданий характеризуется высокой степенью сложности и многочисленными рисками, а также неопределенностью, что обуславливает значимость оценки рисков в системе принятия решений для устойчивого функционирования организации данной сферы. На сегодняшний день, несмотря на ограниченное количество

специализированных методов оценки рисков для организации сферы строительства жилых и нежилых зданий, объясняющееся от-носительной новизной науки о рисках, все же существуют методики, которые возможно применить в общем контексте.

Библиографический список

1. *Анкинович Ю. Е.* Диаграмма Исикавы — креативный метод ситуаци-онного анализа // Менеджмент и маркетинг: опыт и проблемы: сб. науч. тр. / под общ. ред. И. Л. Акулича. — Минск: А. Н. Вараксин. — 2020. — С. 19–21.
2. *Герасимова М. В., Авдеева Л. А.* Методический подход к оценке сово-купного риска строительного предприятия // Интернет-журнал «Науковеде-ние». — 2015. — Т. 7, № 3 (28). — URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/150EVN315.pdf> (дата обращения: 14.02.2026).
3. *Касьяненко Т. Г.* Анализ и оценка рисков в бизнесе: учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт. — 2025. — 456 с.
4. *Пахомова В. С.* Применение инструментов риск-менеджмента в строительной компании // Развитие современной науки и технологий в условиях трансформационных процессов: сб. материалов XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 28 июля 2023 г.). — СПб.: Печатный цех. — 2023. — С. 430–434.
5. *Шевченко Ж. А.* Управление рисками и страхование в инвестици-онно-строительной сфере: учеб.-метод. пособие. — Н. Новгород: ННГАСУ. — 2022. — 166 с.

Е. Б. Дворядкина, Р. А. Тюлькаев

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Индивидуальное предпринимательство и экономическая безопасность региона

Аннотация. В статье проводится характеристика индивидуального предпринимательства и экономической безопасности региона. Представ-лена отраслевая структура индивидуального предпринимательства Сверд-ловской области в контексте ее влияния на уровень экономической безопас-ности региона.

Ключевые слова: индивидуальное предпринимательство; регион; экономическая безопасность региона.

Индивидуальное предпринимательство (ИП) представляет со-бой важную составляющую современной экономической системы, оказывающую существенное влияние как на социально-экономиче-

ское развитие регионов, так и на уровень их экономической безопасности. Следует согласиться с мнением А. В. Харламова и М. А. Арефьева о том, что «...в процессе обеспечения экономической безопасности на базе рыночных механизмов следует опираться, прежде всего, на предпринимательскую среду. Наличие высокоразвитой предпринимательской среды представляет собой базовую основу, позволяющую решать широкий круг задач национального и регионального масштаба, и экономическая безопасность не является здесь исключением» [2, с. 47].

А. Ш. Хуажева с соавторами отмечают: «В условиях санкций одним из неотъемлемых элементов экономической безопасности и общественного развития является микро-, малый и средний бизнес, который намного быстрее реагирует на изменения внешних обстоятельств и способствует формированию альтернатив ограничений (незаконных санкций) недружественных стран, а также временного параллельного импорта при его необходимости» [3, с. 29].

Экономическая безопасность региона — это состояние защищенности региональной экономики от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее устойчивое развитие территории, рост благосостояния населения и реализацию стратегических интересов. Взаимосвязь устойчивого развития территории, предпринимательства и экономической безопасности аргументировали О. В. Кожевина и Л. А. Беляевская-Плотник [1], а также А. П. Шихвердиев, Н. А. Оганезова и В. В. Миронов [4].

Динамика основных показателей развития ИП в Свердловской области представлена в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

**Основные показатели развития
индивидуального предпринимательства в Свердловской области¹**

Показатель	2023	2024	2025
Численность занятых в сфере ИП, чел.	247 507	244 546	253 527

¹ Составлено по: *Основные показатели деятельности индивидуальных предпринимателей Свердловской области по видам экономической деятельности* / Управление Федеральной службы государственной статистики Свердловской области и Курганской области. — URL: <https://66.rosstat.gov.ru/folder/30387> (дата обращения: 15.02.2026).

Окончание табл. 1

Показатель	2023	2024	2025
Численность наемных работников, занятых в сфере ИП, чел.	112 961	107 217	113 879
Численность фактически действующих ИП, чел.	105 037	107 862	109 761
Объем выручки (с учетом налогов и аналогичных обязательных платежей) от продажи товаров, продукции, работ, услуг, млн р.	914 414,8	1 083 859,1	1 307 225,6

Представленные в табл. 1 показатели свидетельствуют о положительной динамике развития ИП в Свердловской области: за период 2023–2025 гг. численность занятых в сфере ИП увеличилась на 6 020 чел., или на 2,43 %, а численность фактически действующих ИП выросла на 4 724 чел., или на 4,5 %, что положительно влияет на уровень экономической безопасности региона. Доля занятых в сфере ИП деятельности в общей численности занятых в экономике Свердловской области за период 2023–2025 гг. выросла с 11,88 % до 11,98 %.

В отраслевом разрезе динамика характеризуется показателями, представленными в табл. 2.

Топ-6 видов экономической деятельности — лидеров в отраслевой структуре по представленным показателям — оптовая и розничная торговля, деятельность по операциям с недвижимым имуществом, транспортировка и хранение, строительство, обрабатывающие производства, а также деятельность профессиональная, научная и техническая. В 2023 г. совокупная доля этих видов деятельности в общих показателях по ИП составила: по численности фактически действующих ИП — 79,93 %, по численности занятых в сфере индивидуальной предпринимательской деятельности — 80,04 %, по объему выручки от продажи товаров, продукции, работ, услуг — 87,26 %; в 2025 г. — соответственно 75,28 %, 75,86 %, 84,48 %. При этом самые существенные структурные сдвиги наблюдаются по сфере торговли, доля которой по всем показателям сократилась, что обусловлено активным развитием торговых сетей, с которыми ИП не в состоянии конкурировать.

Роль ИП в обеспечении экономической безопасности региона проявляется через несколько ключевых направлений.

Основные показатели ИП в Свердловской области по видам экономической деятельности¹

Вид экономической деятельности	Численность фактически действующих ИП, чел.			Объем выручки (с учетом налогов и аналогичных обязательных платежей) от продажи товаров, продукции, работ, услуг, млн р.			Численность занятых в сфере ИП, чел.		
	2023	2024	2025	2023	2024	2025	2023	2024	2025
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	1 439	1 470	1 396	8 923,60	10 815,40	13 395,30	3 821,00	4 161,00	4 484,00
Обрабатывающие производства	6 334	6 578	7 168	78 752,80	91 658,00	107 425,10	18 171,00	20 677,00	22 589,00
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	68	39	72	187,80	583,20	664,30	114,00	189,00	196,00
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	277	289	247	3 926,50	3 773,60	4 985,20	654,00	595,00	679,00
Строительство	8 042	9 748	11 158	44 678,80	61 428,60	85 849,60	17 460,00	20 125,00	24 524,00
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	37 682	33 973	27 427	497 012,80	551 565,00	608 804,70	112 020,00	96 385,00	84 380,00
Транспортировка и хранение	14 582	14 814	15 837	55 913,40	70 410,30	94 068,80	24 591,00	25 616,00	28 259,00

¹ Составлено по: Основные показатели деятельности индивидуальных предпринимателей Свердловской области по видам экономической деятельности / Управление Федеральной службы государственной статистики Свердловской области и Курганской области. — URL: <https://66.rosstat.gov.ru/folder/30387> (дата обращения: 15.02.2026).

Окончание табл. 2

Вид экономической деятельности	Численность фактически действующих ИП, чел.			Объем выручки (с учетом налогов и аналогичных обязательных платежей) от продажи товаров, продукции, работ, услуг, млн р.			Численность занятых в сфере ИП, чел.		
	2023	2024	2025	2023	2024	2025	2023	2024	2025
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	3 082	3 156	3 468	26 629,70	35 455,40	42 286,90	12 108,00	12 550,00	14 031,00
Деятельность в области информации и связи	3 965	4 321	4 898	19 320,40	25 608,80	32 174,20	5 831,00	6 524,00	7 479,00
Деятельность финансовая и страховая	558	592	605	1 187,60	1 523,70	2 077,00	711,00	697,00	882,00
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	8 500	8 960	10 094	72 884,90	90 082,80	131 444,70	12 308,00	12 756,00	15 252,00
Деятельность профессиональная, научная и техническая	8 822	10 077	10 939	48 760,80	62 682,80	76 710,30	13 571,00	14 510,00	17 311,00
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	3 848	4 416	5 050	21 887,90	31 365,40	40 012,10	7 095,00	8 461,00	10 312,00
Образование	1 785	2 391	2 598	3 473,50	3 654,10	4 960,10	3 105,00	3 495,00	3 570,00
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	482	551	633	1 364,90	1 611,50	2 150,90	1 380,00	1 464,00	1 455,00
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	1 510	1 741	2 277	10 129,40	14 039,20	20 401,30	3 589,00	4 047,00	4 452,00
Предоставление прочих видов услуг	4 040	4 732	5 887	19 256,10	27 157,60	39 438,00	10 947,00	12 232,00	13 601,00
Всего	105 037	107 862	109 761	914 414,80	1 083 859,10	1 307 225,60	247 507,00	244 546,00	253 527,00

Во-первых, ИП способствуют росту экономической активности на местном уровне. Малые и микропредприятия, к которым относится большинство ИП, оперативно реагируют на изменения рыночного спроса, заполняют ниши, не охваченные крупным бизнесом, и обеспечивают население товарами и услугами первой необходимости.

Во-вторых, ИП создает новые рабочие места, снижая уровень безработицы и социальную напряженность. Развитие малого бизнеса позволяет задействовать трудовые ресурсы в отдаленных и депрессивных районах, где крупные предприятия отсутствуют или сокращают производство.

В-третьих, ИП формируют налоговую базу региона. Упрощенные режимы налогообложения (УСН, патентная система) делают этот сектор привлекательным для регистрации бизнеса и обеспечивают стабильные поступления в местные бюджеты. Эти средства могут быть направлены на развитие социальной инфраструктуры, поддержку образования и здравоохранения.

В-четвертых, ИП стимулирует конкуренцию, что ведет к повышению качества товаров и услуг, сдерживанию цен и улучшению потребительского выбора. Конкуренция препятствует монополизации рынков и способствует более эффективному распределению ресурсов.

В-пятых, ИП часто выступают инициаторами локальных инноваций. Гибкость и мобильность малого бизнеса позволяют быстрее внедрять новые технологии, адаптировать зарубежные практики и развивать нишевые производства, что повышает общую конкурентоспособность региональной экономики.

В-шестых, ИП укрепляет экономическую самостоятельность регионов. Локальные предприятия меньше зависят от глобальных колебаний, поддерживают местные цепочки поставок и способствуют формированию устойчивых хозяйственных связей внутри территории.

Резюмируя изложенное, отметим, что ИП сохраняет свое значение в качестве фактора обеспечения экономической безопасности региона.

Библиографический список

1. Кожевина О. В., Беляевская-Плотник Л. А. Управленческая модель экономической безопасности территории в контексте целей устойчивого развития // Финансы и кредит. — 2024. — Т. 30, № 2 (842). — С. 435–453.
2. Харламов А. В., Арефьев М. А. Взаимосвязь предпринимательской среды и национальной экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2024. — № 1. — С. 46–53.
3. Хуажева А. Ш., Буш В. Г., Кунаковская И. А., Бондарь О. О. Экономическая безопасность страны и роль малых и средних организаций в ее обеспечении // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2024. — Т. 4, № 11 (152). — С. 20–31.
4. Шихвердиев А. П., Оганезова Н. А., Миронов В. В. Активизация потенциала региона для развития малого и среднего предпринимательства как драйвера обеспечения экономической безопасности // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. — 2025. — Т. 5, вып. 2. — С. 181–192.

Е. Г. Ефимова, Я. Е. Ефремова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы оценки экономической безопасности функционирования некоммерческой организации

Аннотация. Исследование определяет важность оценки рисков для деятельности некоммерческих организаций и выполнения их социальной миссии. Обозначена ключевая проблема — недостаток адаптированных методик, учитывающих специфику деятельности некоммерческих организаций.

Ключевые слова: риск; оценка; методы; некоммерческая организация; конкуренция; социальная миссия.

Актуальность темы обусловлена ключевой ролью некоммерческих организаций (НКО) в решении общественных задач, так как государство и бизнес в силу институциональных ограничений не всегда могут оперативно и гибко реагировать на удовлетворение растущих социальных запросов. При этом деятельность НКО сопряжена с рисками, которые требуют идентификации и классификации.

В целом деятельность НКО также сопряжена с рисками, что сформулировано различными авторами в исследованиях [5; 7], где

выявление и оценка рисков, снижение влияния угроз — необходимое условие их устойчивого развития [5; 8]. Таким образом, и для НКО оценка рисков — это «количественный анализ, предполагающий численное определение отдельных рисков и риска при принятии решения в целом» [2, с. 349]. Она также предполагает «регулярность процедур анализа риска, идентификацию источников возникновения, ... масштабов последствий...» [3, с. 125]; и «определения вероятности возникновения» [6, с. 93].

Применительно к социально ориентированным НКО (СО НКО) риск определяют явлением многогранным, требующим системного подхода к идентификации и оценке. Выделение видов рисков для СО НКО необходимо, так как, с одной стороны, они являются полноправными экономическими субъектами (согласно ОКВЭД), с другой стороны, их деятельность, сопряженная с выполнением социальной миссии, является менее гибкой в условиях рыночной экономики, но остается значимой для общества.

Исследователи доказывают: по вероятности возникновения наибольшего внимания требуют риски, связанные с внешним финансированием и человеческим капиталом [1; 4]. Целью исследования является вопрос применимости имеющихся методик для оценки и анализа рисков деятельности СО НКО в аспекте безопасности.

Согласно ГОСТ Р ИСО 31000-2019¹, оценка рисков включает три этапа: идентификацию, анализ и оценку. Отметим, что данная методика актуальна для деятельности коммерческих организаций. Есть мнение, что для оценки деятельности НКО, ориентированных на социальный результат [6], наиболее эффективны комбинированные методы, сочетающие экспертные оценки и финансовые коэффициенты. Качественные методы (SWOT-анализ, карта рисков, экспертные опросы) доступны даже при отсутствии длинных статистических рядов. Количественные методы (коэффициенты ликвидности, вариации поступлений) позволяют численно измерить угрозы [6], но поскольку финансовые показатели НКО — это целевые средства, данные методы не в полной мере применимы для их оценки.

Для выбора методики нужно определить показатели, характеризующие социальный результат деятельности СО НКО. Для этого

¹ ГОСТ Р ИСО 31000-2019. Менеджмент риска. Принципы и руководство. — М.: Стандартинформ, 2020. — 19 с.

проведем анализ на примере АНО САДОР «Твой старт» (г. Красноярск), зарегистрированной в 2018 г., реализующей проекты адаптивного футбола для детей с ментальными нарушениями. Основные показатели деятельности данной СО НКО для проведения анализа и оценки приведены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Основные показатели АНО САДОР «Твой старт»¹

Показатель	2022	2023	2024
Финансирование всего, тыс. р.	10 647	6 046	8 089
Расходы на целевые мероприятия, тыс. р.	1 504	7 948	6 055
Оплата труда работников, тыс. р.	949	4 780	2 323
Численность благополучателей, чел.	60	77	84
Численность работников, чел.	6	6	7
Количество реализованных проектов, ед.	3	4	6

Объем финансирования к 2024 г. снижается, на что влияет характер финансирования — зависимость от грантов, других источников. При этом расходы на целевые мероприятия выросли в 2023 г. в 5,3 раза, но в 2024 г. снизились на 23,8 %, где наиболее активным был 2023 г.

Расходы на оплату труда работников зависят от размера финансирования, что видно по динамике показателя в табл. 1. Число благополучателей за период наблюдений растет, что означает востребованность реализуемых организацией проектов, а данный показатель — один из ключевых индикаторов востребованности услуг в обществе.

В табл. 2 приведены показатели размера грантов, являющихся частью от общего объема финансирования организации.

За период наблюдения виден рост объема реализуемых грантов. Низкие показатели в 2020 г. связаны с ограничениями COVID-19. Так как деятельность СО НКО зависит от полученных грантов и субсидий, есть риск снижения реализации числа социальных проектов при изменении политики грантодателей, спонсоров и др.

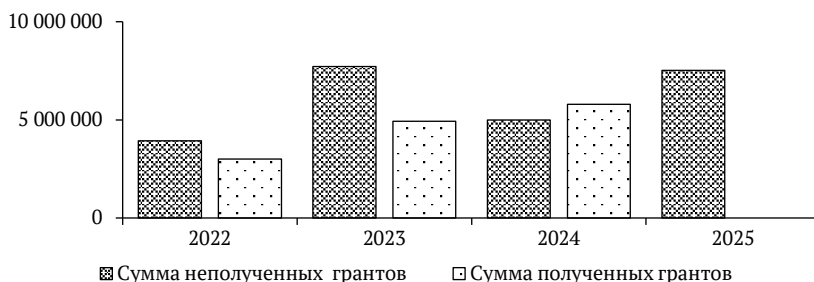
¹ Составлено по: Информационный ресурс Audit-IT. — URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1182468038224_ano-sador-tvoy-start (дата обращения: 25.03.2026); Информационный ресурс АНО «Твой старт». — URL: <https://www.tvoystart24.ru/> (дата обращения: 25.03.2026).

Т а б л и ц а 2

Реализуемые проекты АНО САДОР «Твой старт»¹

Год	Наименование проекта	Фонд Президентских грантов, р.
2020	Музыкальная реабилитация детей-инвалидов «Следуй за мечтой»	499 941,00
2021	«Маленький шаг к большой победе»	2 972 813,00
2022	«Футбол — моя жизнь», «Спорт как средство физического воспитания и социальной адаптации людей с ментальными нарушениями»	2 998 089,17
2023	«Инклюзивный футбол как инновация физического воспитания и социализации людей с ментальными нарушениями»	4 919 808,15
2024	«Мы вместе. Футбол»	5 790 094,15

Все средства АНО САДОР «Твой старт» (табл. 2) являются целевыми и имеют стратегическую зависимость от внешних источников. Любое изменение в конкурсной системе может значительно ограничить доступ к ресурсам, что станет риском реализации проектов. Рассмотрим динамику полученных и не полученных грантов на рисунке.

Динамика полученных и не полученных грантов АНО САДОР «Твой старт»²

Наибольшая сумма не полученных грантов была в 2023 и 2025 гг., что определяет наличие конкуренции и уязвимость НКО к измене-

¹ Составлено по: Информационный ресурс Президентские гранты. — URL: <https://президентскиегранты.рф/> (дата обращения: 25.03.2026).

² Составлено по: Информационный ресурс Президентские гранты. — URL: <https://президентскиегранты.рф/> (дата обращения: 25.03.2026).

ниям приоритетов грантодателей. Это может вызвать риск снижения числа реализуемых проектов и охвата благополучателей.

Существенно могут влиять на условия работы СО НКО законодательные изменения. Например, в Федеральном законе от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О деятельности некоммерческих организаций», в 2020 г. мы выделили три изменения, а в 2024 г. их уже семь. Данный аспект определяет рост административной нагрузки и необходимость постоянного мониторинга требований. Для АНО САДОР «Твой старт» изменения в названном законе повлекли рост отчетности и потребность в юридической поддержке.

В 2024 г. в организации работает всего семь сотрудников, и нагрузка на них растёт, что отвлекает от основной деятельности — реализации социальной миссии. При этом кадры — значимый показатель деятельности организации, где наличие специалистов, работающих с особенными детьми, влияет на качество и условия реализуемых услуг, устойчивости ее деятельности (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Показатели кадровой нагрузки в АНО САДОР «Твой старт»¹

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Число сотрудников, чел.	5	6	6	7	7
Количество благополучателей, чел.	50	60	60	77	84
Нагрузка на одного сотрудника, чел.	10	10	10	11	12

Рост нагрузки при неизменной численности штата влечет риск кадрового напряжения. Для АНО САДОР «Твой старт» это может повлечь снижение качества индивидуальной работы с особыми детьми, в том числе рост психологической нагрузки на работников, и в конечном итоге — риск снижения социальной эффективности реализуемых проектов.

Таким образом, учитывая специфику деятельности НКО, можно выделить необходимые для включения в методику оценки показатели:

— финансовые — государственное финансирование, гранты, субсидии, средства спонсоров, партнеров и т. п.;

¹ Составлено по: Информационный ресурс АНО САДОР «Твой старт». — URL: <https://www.tvoystart24.ru/> (дата обращения: 25.03.2026).

- кадровые — число, квалификационный уровень;
- спрос на социальные услуги — число благополучателей;
- операционные — количество проектов (реализованных, не-реализованных), виды и направления проектов, законодательные изменения, конкуренция;
- репутационные — прецеденты использования средств, судебные иски.

В заключение следует сказать, что разработка адаптированной методики оценки деятельности НКО требует продолжения исследования авторов.

Библиографический список

1. Бланк И. А. Управление финансовыми рисками: учебник. — Киев: Ника-Центр, 2019. — 600 с.
2. Данов А. А. Понятие и оценка риска // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2008. — № 9. — С. 348–351.
3. Кулик Ю. А., Волович В. Н., Привалов Н. Г., Козловский А. Н. Классификация и качественная оценка рисков инвестиционных проектов // Записки Горного института. — 2012. — Т. 197. — С. 124–128.
4. Петрова И. А. Управление рисками в некоммерческих организациях: современные вызовы и методы // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2023. — № 5. — С. 52–58.
5. Простова Д. М. Оценка экономической безопасности социально ориентированных некоммерческих организаций // Проблемы экономической безопасности в условиях многополярности современного мира: монография: в 2 ч. / под ред. А. В. Карпушкиной. — Челябинск: ЮУрГУ, 2025. — Ч. 2. — 505 с.
6. Раскатова М. И. Оценка рисков: конспект лекций. — Челябинск: ЮУрГУ, 2021. — 125 с.
7. Чубарова О. И. Образовательный риск как экономическая категория, его сущность // Ползуновский вестник. — 2005. — № 1. — С. 199–208.
8. Яковлева Т. В. Риск-менеджмент в некоммерческом секторе: теория и практика: монография. — М.: ИНФРА-М, 2022. — 187 с.

О. Ю. Иванова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Развитие транспортного машиностроения как фактор обеспечения экономической безопасности железнодорожного транспорта в Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена анализу угроз деятельности железнодорожного транспорта, сформировавшихся в связи с трансформацией внешнеэкономической политики Российской Федерации. На основе проведенного анализа выделены направления противодействия угрозам, составляющие основу перспективного развития отрасли.

Ключевые слова: экономическая безопасность отрасли; угрозы экономической безопасности отрасли; железнодорожный транспорт; экономические санкции; импортозамещение.

Роль железнодорожного транспорта в экономике Российской Федерации, особенно в контексте экономических и географических особенностей нашей страны, определяется колоссальным вкладом в обеспечение транспортных связей между регионами, содействием развитию торговли, промышленности и туризма. Согласно статистическим данным, в 2024 г. железнодорожным транспортом в Российской Федерации было перевезено 1 306 млн т грузов, а также 1 295 млн пассажиров¹. Железнодорожный транспорт является незаменимым в дальних перевозках по стране и за рубеж грузов и пассажиров, о чем свидетельствуют показатели грузооборота и пассажирооборота (в 2024 г. 2 525 млрд т·км и 146 млрд пасс.-км соответственно)².

После изменения Российской Федерацией своей внешнеэкономической политики и начала специальной военной операции (СВО) 24 февраля 2022 г., деятельность железнодорожного транспорта столкнулась с рядом значительных вызовов, содержащих в себе угрозы ее экономической безопасности. Среди них — разрыв договоров с рядом зарубежных компаний, поставлявших в Россию скоростные поезда и уход их с отечественного рынка. В числе таких компаний Siemens (Германия), поставлявшая скоростные пассажир-

¹ *Российский статистический ежегодник. 2025: стат. сб. / Росстат. — М., 2025. — 621 с.*

² *Там же.*

ские составы «Сапсан», Talgo (Испания), экспортировавшая в Россию «Стрижи», Alstom (Франция), производившая поезда Allegro и др.

Ответом на этот вызов стала замена большинства зарубежных составов локомотивами и вагонами отечественного производства, поэтому в краткосрочном периоде воздействие этой угрозы ощущается слабо, более того, к концу 2024 г. относительно 2021 г. (до начала СВО) рабочий парк пассажирских вагонов вырос с 12,1 тыс. до 13,4 тыс.¹ Однако, как отмечает независимый транспортный эксперт М. Д. Бурцев, «более серьезное влияние санкций вся транспортная отрасль, не только железнодорожная, ощутит через 3–5 лет», что вызвано имеющимися сложностями обновления расходных материалов и программных продуктов [6]. В сфере грузовых железнодорожных перевозок следствием санкций и масштабной перестройки логистических потоков, по мнению ряда экспертов, угрозой может стать «падение погрузки и увеличение профицита пустых грузовых вагонов» [8]. Однако, согласно статистическим данным, рабочий парк груженых железнодорожных вагонов (в среднем в сутки) в период 2021–2024 гг. только увеличился с 396 тыс. до 494 тыс.

Гораздо большей угрозой, вызванной санкционной политикой зарубежных государств, по нашему мнению, может стать возрастание уровня износа подвижного состава на железнодорожном транспорте. Оценить вероятность реализации данной угрозы затруднительно в связи с тем, что Росстат предоставляет данные об уровне износа основных фондов в целом по виду деятельности «Транспортировка и хранение», данные же об уровне износа подвижного состава в статистических сборниках отсутствуют.

Тем не менее косвенные данные позволяют судить о том, что износ подвижного состава значительный. Так, по данным годового отчета АО «ФПК» (дочерняя компания ОАО «РЖД») за 2024 г. средний возраст вагонов поездов дальнего следования составляет 17,5 лет; износ — 53,6 %². Есть еще пригородный железнодорожный транспорт, именно он имеет наибольший износ: «около 60 % парка пригородных железнодорожных составов имеют повышенный физический износ, 80 % — моральный износ. Возраст электричек в среднем по России

¹ *Транспорт* в России. 2024: стат. сб. / Росстат. — М., 2024. — 100 с.

² *Годовой отчет* АО «ФПК» за 2024 г. — URL: <https://ar2024.fpc.ru/ru> (дата обращения: 15.02.2026).

составляет 18 лет, но в некоторых регионах подвижной состав служит по 25–30 лет» [4].

В складывающихся условиях важнейшим направлением противодействия угрозам становится развитие собственного железнодорожного машиностроения. На сегодняшний день крупнейшей в России и СНГ машиностроительной группой является Трансмашхолдинг, в состав которого входят такие крупные предприятия, как Новочеркасский электровозостроительный завод, Брянский машиностроительный завод, Демидовский машиностроительный завод, Коломенский завод, Луганский тепловозостроительный завод и др. Ежегодно они выпускают тысячи грузовых и пассажирских вагонов, сотни тепловозов и электровозов. Динамика промышленного производства в России отдельных элементов подвижного состава с 2020 по 2024 г. представлена в таблице.

**Динамика промышленного производства
отдельных элементов подвижного состава с 2020 по 2024 г.¹**

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Электровозы магистральные, шт.	341	290	321	314	338
Тепловозы магистральные, секций	233	244	177	218	281
Вагоны трамвайные пассажирские самоходные (моторные), шт.	189	252	264	328	503
Вагоны метрополитена самоходные (моторные), шт.	690	440	370	562	583
Вагоны пассажирские железнодорожные, шт.	1 962	1 561	1 444	1 682	1 649
Вагоны грузовые магистральные широкой колеи, тыс. шт.	57,1	63,1	50,2	63,9	74,7

Как следует из таблицы, после небольшого снижения объемов производства в 2022 г. в последующие годы наблюдается рост, превышающий показатели досанкционного периода. Однако развитие далеко не всегда опирается исключительно на количественные показатели.

Анализ различных научных трудов, посвященных исследованиям транспортного машиностроения и импортозамещения в Российской Федерации, долгосрочного научно-технологического развития и формирования экономического роста отечественной экономики, в числе которых работы, В. Н. Борисова, Д. А. Плотниковой [2],

¹ Составлено по: *Промышленное производство в России. 2025: стат. сб.* / Росстат. — М., 2025. — 250 с.

Н. М. Абдикеева [1], Д. Б. Кувалина [3], Д. Р. Белоусова, И. Э. Фролова [7] и др., позволяет выделить следующие наиболее значимые направления развития железнодорожного машиностроения в России:

- локализация производства ключевых компонентов современной железнодорожной техники (например, освоение серийного производства редукторов для моторвагонного подвижного состава, локализации критических компонентов для тепловозов, тормозного оборудования для электропоездов);

- подготовка инновационного подвижного состава нового поколения для развития высокоскоростного и тяжеловесного движения, а также внедрение интеллектуальных систем в пассажирское вагоностроение, нацеленных на повышение комфорта и безопасности путешественников;

- разработка и внедрение отечественных разработок в области автоматизированных систем управления, мониторинга, диагностики состояния железнодорожного подвижного состава;

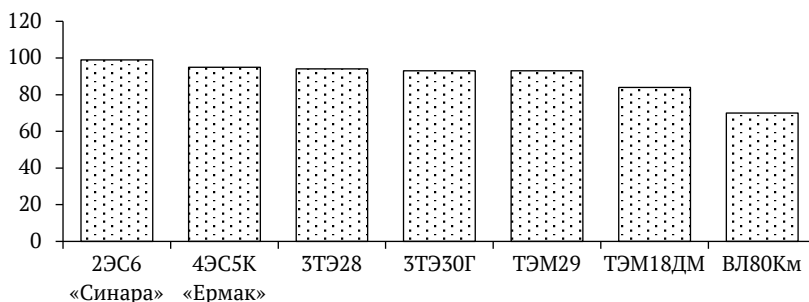
- цифровизация выстраивания транспортных логистических цепочек, обеспечения процессов функционирования клиентских сервисов и услуг;

- укрепление «зеленого вектора» в железнодорожном машиностроении, в частности, отказ от тепловозов в пользу локомотивов, работающих на сжиженном природном газе или водородных топливных элементах, применение рекуперативных тормозных систем и использование композиционных материалов для строительства вагонов.

Крупнейшей компанией в сфере железнодорожных перевозок ОАО «РЖД» совместно с производителями подвижного состава и комплектующих для железнодорожной техники уже проведена большая работа в сфере импортозамещения и технологического совершенствования подвижного состава — определены аналоги для 301 ед. продукции. Также в 2023 г. ОАО «РЖД» была утверждена Стратегия цифровой трансформации до 2024 г., целью которой стало импортозамещение программного обеспечения и радиоэлектронной продукции, достижение компанией цифровой зрелости. В результате ее реализации доля расходов на закупку российского программного обеспечения и связанных с ним работ (услуг) в общем объеме расходов на закупку программного обеспечения выросла с 56,6 % (в 2022 г.) до 94,5 % (в 2024 г.); доля расходов на закупку российской

радиоэлектронной продукции в общем объеме расходов на закупку этой продукции выросла с 70 % (в 2022 г.) до 98,1 % (в 2024 г.)¹.

Крупнейшие предприятия в сфере железнодорожного машиностроения, в свою очередь, также ориентированы на повышение уровня автономии производства от иностранных поставок, разработку и внедрение прогрессивных отечественных технологий. Согласно данным аудиторской компании «Деловой профиль», в 2025 г. в производстве новых локомотивов 97–99 % компонентов являются российскими [5]. На рисунке показано, какой уровень локализации достигнут в производстве разных локомотивов, где 2ЭС6 «Синара», 4ЭС5К «Ермак», ВЛ80Км — это грузовые электровозы, 3ТЭ28 и 3ТЭ30Г — грузовые тепловозы, ТЭМ29 и ТЭМ18ДМ — маневровые тепловозы.

Уровень локализации производства новых локомотивов в 2025 г.

Ключевыми технологическими направлениями разработок отечественных предприятий железнодорожного машиностроения являются альтернативные виды топлива (сжиженный природный газ, водород, комбинированное топливо), цифровизация и «умные» системы (бортовые микропроцессорные системы управления, автоведение и машинное зрение, цифровые двойники и системы прогнозирования износа), модульность и ремонтпригодность (новые платформы проектируются по модульному принципу с быстрой заменой узлов и агрегатов). В перспективах отмечается разработка новейших локомотивов для Арктики, адаптированных к экстремаль-

¹ Годовой отчет АО «ФПК» за 2024 г. — URL: <https://ar2024.fpc.ru/ru> (дата обращения: 15.02.2026).

ным природным условиям, а также производство скоростных локомотивов для ВСМ Москва-Санкт-Петербург.

Таким образом, обобщая оценку состояния железнодорожного машиностроения в Российской Федерации, можно заключить, что в целом отрасль встала на устойчивую траекторию развития. С одной стороны, она демонстрирует устойчивость за счет тесной интеграции с ОАО «РЖД» (на долю которого приходится около 70 % всех закупок) и реализации программ импортозамещения; с другой — она сталкивается с глубокими структурными проблемами: высоким износом парка, технологическим отставанием в ряде узлов, ограниченными производственными мощностями и зависимостью от единого производственного холдинга — «Трансмашхолдинга» (ТМХ). В сложившихся условиях устойчивое развитие отрасли в долгосрочной перспективе должно опираться на сбалансированную государственную политику, сочетающую несколько взаимосвязанных направлений, среди которых финансовая поддержка, включение в национальные проекты, регулирование закупок, стимулирование инноваций и поддержка экспорта. Реализация комплекса указанных направлений нацелена на постепенное осуществление плавного перехода от имманентной государственной поддержки (прямые инвестиции, льготный лизинг) к самостоятельному стратегическому развитию.

Библиографический список

1. Абдикеев Н. М. Импортозамещение в высокотехнологичных отраслях промышленности в условиях внешних санкций // Управленческие науки. — 2022. — Т. 12, № 3. — С. 53–69.
2. Борисов В. Н., Плотникова Д. А. Железнодорожное машиностроение и производство электропоездов в условиях импортозамещения // Вестник НГТУ. — 2023. — № 1. — С. 108–128.
3. Кувалин Д. Б. Российская экономика в условиях жестких внешних санкций: проблемы, риски и возможности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2022. — Т. 15, № 6. — С. 79–93.
4. Кузнецова М. Большинство электричек в регионах имеют физический и моральный износ // Российская газета. — 2025. — 28 апр. — URL: <https://rg.ru/2025/04/28/bolshinstvo-elektrichek-v-regionah-imeyut-fizicheskij-i-moralnyj-iznos.html> (дата обращения: 15.02.2026).
5. Локомотивостроение России // Деловой профиль. — 2025. — 17 окт. — URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/lokomotivostroenie-rossii/> (дата обращения: 15.02.2026).

6. Николаев М. Вагон качается: как санкции повлияли на скоростные поезда в России и когда начнутся настоящие проблемы // ФедералПресс. — 2023. — 24 июля. — URL: <https://fedpress.ru/article/3256141> (дата обращения: 15.02.2026).

7. О долгосрочном научно-технологическом развитии России: монография / под ред. Д. Р. Белоусов, И. Э. Фролов. — М.: Динамик принт, 2022. — 168 с.

8. Эксперты оценили влияние санкций на железнодорожную погрузку в России // Прайм. — 2022. — 29 июля. — URL: <https://1prime.ru/20220729/837640233.html> (дата обращения: 15.02.2026).

Е. И. Кайбичева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Социально ориентированные некоммерческие организации и обеспечение экономической безопасности региона

Аннотация. В статье с помощью статистических показателей принята попытка оценить вклад социально ориентированных некоммерческих организаций в укрепление экономической безопасности региона. Представлена характеристика существующих источников о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций.

Ключевые слова: социально ориентированные некоммерческие организации; регион; региональная экономика.

Понятие «экономическая безопасность региона» является установившимся в научной и учебной литературе. Считаем возможным остановиться на одной из его трактовок: «Под экономической безопасностью территориального образования (области, республики, федерального округа) понимается совокупность условий и факторов, характеризующих текущее состояние экономики, стабильность, устойчивость и поступательность ее развития, степень ее самостоятельности в процессах интеграции с экономикой Федерации» [2, с. 29].

Одним из секторов экономики любого региона являются некоммерческие организации (НКО). Стоит отметить разнородность самого некоммерческого сектора. С 2010 г. в его составе выделяются социально ориентированные некоммерческие организации (СОНКО). Отметим, что СОНКО имеют принципиальное отличие, позволяющее вычленив их среди сектора НКО, — закрепление в уставах организации определенных видов деятельности, определенных на феде-

ральном и (или) региональном (местном) уровнях. Несмотря на многочисленность СОНКО и освещение проблематики их деятельности в научной литературе, вопросы о влиянии СОНКО на экономическую безопасность региона остаются недостаточно исследованными. Среди работ по данной теме можно отметить следующие. В работе Н. Я. Чепелюк [4] оценивается «токсичность НКО», в статье Г. Р. Хамидуллиной [3] выделены проблемы, приводящие к неэффективному использованию ресурсов третьего сектора в экономическом развитии региона. Д. М. Простова [1] оценивает роль СОНКО через их участие в реализации стратегических целей развития региона. При этом в открытом доступе не представлены более масштабные исследования вклада некоммерческого сектора в достижение экономической безопасности региона, что, возможно, связано с ограниченностью информационной базы

Статистическая база о деятельности СОНКО представлена данными Росстата (в части показателей работы СОНКО), которая основана на данных выборочных обследований, сведениями Минюста России (в части регистрации организаций), Министерства экономического развития Российской Федерации (в части предоставления мер поддержки СОНКО органами власти различных уровней), информацией региональных и местных органов власти (в части наличия СОНКО на территории, проведения ими отдельных мероприятий и (или) реализации проектов, получения государственной или муниципальной поддержки), Фонда культурных инициатив и Фонда-оператора президентских грантов (в части подачи заявок на участие в конкурсах фондов и получения поддержки на реализацию поданных проектов).

Опираясь на используемое в настоящей статье определение и учитывая угрозу национальной безопасности «снижение качества и доступности образования, медицинской помощи и, как следствие, снижение качества человеческого потенциала»¹, которая может быть транслирована на региональный уровень, попробуем оценить влияние СОНКО на экономическую безопасность субъекта Российской Федерации.

¹ *Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208.*

Исследование проведено на примере Свердловской области, отличающейся наиболее высокими показателями по количеству СОНКО в Уральском федеральном округе. Для оценки используем показатели, собираемые Министерством экономического развития Российской Федерации (см. таблицу).

**Вклад СОНКО в развитие социальной сферы Свердловской области
в 2021–2024 гг.¹**

Показатель	2021	2022	2023	2024	2024 к 2021
Удельный вес численности воспитанников частных образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам дошкольного образования, в общей численности воспитанников образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам дошкольного образования, %	1,87	1,85	1,81	1,76	–5,88
Доля негосударственных (немунципальных) медицинских организаций, участвующих в реализации территориальной программы обязательного медицинского страхования, в общем количестве медицинских организаций, участвующих в реализации территориальной программы обязательного медицинского страхования, %	26,69	28,07	29,13	28,51	+6,82
Удельный вес учреждений социального обслуживания, основанных на иных формах собственности, в общем количестве учреждений социального обслуживания всех форм собственности, %	10,5	24	25,24	25,49	+142,76
Доля негосударственных организаций, проводивших культурно массовые и просветительские мероприятия за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, в общем числе организаций всех форм собственности, проводивших культурно-массовые и просветительские мероприятия за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, %	28,26	28,26	27,96	27,47	–2,80

Анализ данных таблицы показывает, что за период с 2021–2024 гг. увеличился вклад СОНКО в реализацию программы ОМС, а также в сферу социального обслуживания населения. При этом незначительно уменьшилась доля воспитанников частных детских садов, что обусловлено предоставлением детям путевок в муниципаль-

¹ Составлено по: Система поддержки СОНКО. — URL: <https://gis-sonko-portal.economy.gov.ru/content/dostup-nko-na-rynok-uslug/> (дата обращения: 29.03.2026).

ные дошкольные образовательные учреждения. Доля негосударственных организаций, проводивших культурные мероприятия за счет средств субъекта РФ, за четыре года практически не изменилась (-0,79 п. п.).

Таким образом, можно сделать вывод, что СОНКО Свердловской области вносят свой вклад в развитие социальной сферы региона, способствуют повышению доступности образования, медицинской помощи, социального обслуживания и культуры, обеспечивая тем самым повышение экономической безопасности региона.

Библиографический список

1. *Простова Д. М.* Деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций как фактор обеспечения экономической безопасности региона // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 мая 2018 г.). — Екатеринбург: УрГЭУ, 2018. — С. 155–158.

2. *Татаркин А. И., Ку克林 А. А.* Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона // Экономика региона. — 2012. — № 2 (30). — С. 25–39.

3. *Хамидуллина Г. Р.* Роль и Актуальные проблемы развития некоммерческих организаций в системе экономической безопасности региона // Russian journal of economics and law. — 2009. — № 1 (9). — С. 80–83.

4. *Chepelyuk N. Ya.* Methodological aspects of assessing a non-profit organization's influence on ensuring of economic security // Ecological-socio-economic systems: models of competition and cooperation (ESES 2019), vol. 392. — Kurgan: Atlantis Press, 2019. — P. 595–600.

Защита интеллектуальной собственности как условие обеспечения экономической безопасности креативных индустрий региона

Аннотация. В статье рассматривается защита интеллектуальной собственности как одно из условий обеспечения экономической безопасности креативных индустрий региона. Показано, что для креативного сектора результаты интеллектуальной деятельности выступают не только объектом правовой охраны, но и базовым экономическим активом, определяющим доходность, инвестиционную привлекательность и устойчивость бизнеса. Обосновано, что недостаточная защищенность интеллектуальных прав усиливает риски контрафакта, снижает возможности коммерциализации и ограничивает доступ субъектов креативных индустрий к финансовым ресурсам. Сделан вывод о необходимости включения механизмов охраны и коммерциализации интеллектуальной собственности в систему региональной политики развития креативных индустрий.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; экономическая безопасность региона; креативные индустрии; региональная политика; коммерциализация интеллектуальных прав; креативная экономика.

В условиях социально-экономических трансформаций возрастает значение отраслей, которые обеспечивают не только экономический рост, но и устойчивость региональной экономики. К их числу относятся креативные индустрии, где добавленная стоимость формируется за счет творческого труда, интеллектуальной деятельности и управления правами на результаты этой деятельности [5]. В научной литературе подчеркивается, что креативные индустрии становятся источником ускорения экономического развития, роста занятости и расширения несырьевого сектора экономики [2; 6]. Одновременно их развитие требует иных институтов регулирования, чем в традиционных отраслях, поскольку ключевым активом здесь выступает интеллектуальная собственность [5].

Специфика креативных индустрий состоит в том, что их экономический результат определяется созданием, использованием и коммерциализацией объектов авторского права, смежных прав, товарных знаков, программ для ЭВМ, баз данных, промышленных образцов и иных результатов интеллектуальной деятельности [4]. Исследователи отмечают, что в основе креативности лежит управление интеллектуальными активами и авторскими правами на них, а креатив-

ное предпринимательство ориентировано на получение дохода на основе интеллектуальной собственности [6]. Следовательно, нарушение прав на такие объекты означает не только правовой конфликт, но и прямую экономическую потерю для бизнеса и территории.

С позиций региональной экономики это особенно важно, поскольку экономическая безопасность региона трактуется как совокупность условий и факторов, характеризующих текущее состояние экономики, стабильность, устойчивость и поступательность ее развития, а также как система мер по защите регионального экономического пространства от внутренних и внешних угроз [7]. В таком понимании защита интеллектуальной собственности должна рассматриваться не как частная юридическая задача отдельных правообладателей, а как элемент системы экономической безопасности региона.

Креативные индустрии формируют особую модель создания стоимости. Если в традиционных секторах основу конкурентоспособности составляют сырье, оборудование или масштаб производства, то в креативной экономике определяющее значение имеют оригинальная идея, уникальный контент, дизайн, бренд и иные нематериальные активы. Именно поэтому исследователи выделяют интеллектуальную составляющую как самостоятельное направление анализа креативных индустрий. Высокий уровень такой составляющей наиболее выражен в архитектуре, программном обеспечении, развлечениях, образовании и архивной деятельности [5].

Интеллектуальная собственность выполняет здесь сразу несколько функций:

- 1) она закрепляет исключительные права на результат творческого труда и обеспечивает возможность его законного оборота;
- 2) она позволяет извлекать доход из лицензирования, франчайзинга, передачи прав и иных форм коммерциализации;
- 3) наличие защищенного интеллектуального актива повышает инвестиционную привлекательность компании и расширяет возможности привлечения финансирования.

Следовательно, чем выше уровень правовой защиты и экономического использования объектов интеллектуальной собственности, тем выше устойчивость самих креативных индустрий [1; 6].

Недостаточная защищенность интеллектуальной собственности порождает комплекс экономических угроз. На микроуровне это выражается в прямых потерях правообладателей, снижении мотива-

ции к созданию новых продуктов, росте транзакционных издержек на защиту прав и ослаблении конкурентных позиций добросовестных участников рынка. На мезоуровне возникают более широкие эффекты: ухудшается инвестиционный климат, снижается налоговый потенциал креативного сектора, замедляется развитие малого и среднего предпринимательства, усиливается зависимость от внешних технологических и контентных платформ.

Особую опасность представляет цифровое пиратство, которое в креативных индустриях распространяется быстрее, чем в большинстве традиционных отраслей. Если объектом незаконного использования становится произведение, программный продукт, аудиовизуальный контент или дизайнерское решение, правообладатель теряет возможность контролировать каналы распространения и монетизации результата труда. В результате сокращаются доходы не только конкретной компании, но и совокупная добавленная стоимость, создаваемая в регионе. Это снижает устойчивость креативного сектора и повышает его уязвимость перед внешними шоками [3; 6].

Существенная проблема связана и с низкой капитализацией интеллектуальной собственности. Даже при наличии зарегистрированных прав такие активы часто слабо используются как предмет залога и редко выступают основой для привлечения заемного капитала. В результате креативные компании, обладающие значительным нематериальным потенциалом, сталкиваются с ограничениями в доступе к финансированию и масштабированию бизнеса. Для региона это означает недоиспользование одного из перспективных ресурсов экономического роста.

Современная практика показывает, что защита интеллектуальной собственности постепенно включается в систему управления развитием креативных индустрий. На региональном уровне целесообразно развивать несколько взаимосвязанных направлений:

- 1) необходимы консультационные и сервисные механизмы поддержки субъектов креативных индустрий по вопросам регистрации и защиты прав;

- 2) требуется формирование инфраструктуры коммерциализации, включая центры лицензирования, сервисы оценки стоимости нематериальных активов, программы сопровождения сделок с объектами интеллектуальной собственности;

3) важно развивать цифровой мониторинг нарушений, особенно в отношении контента, распространяемого в сети Интернет;

4) следует интегрировать вопросы охраны интеллектуальной собственности в региональные меры поддержки экспорта, поскольку слабая защищенность прав на внешних рынках существенно повышает риски для производителей креативной продукции.

Необходимо учитывать, что защита интеллектуальной собственности имеет не только экономическое, но и стратегическое значение, так как способствует закреплению в регионе человеческого капитала, повышает заинтересованность авторов и предпринимателей в долгосрочной работе на своей территории, укрепляет доверие инвесторов и создает условия для расширенного воспроизводства нематериальных активов.

Таким образом, защита интеллектуальной собственности выступает важным условием обеспечения экономической безопасности креативных индустрий региона. Для креативного сектора интеллектуальные права представляют собой не только юридический атрибут, но и экономический ресурс, от которого зависят доходность, инвестиционная привлекательность и устойчивость бизнеса. Следовательно, региональная политика в сфере креативной экономики должна включать не только общие меры поддержки предпринимательства, но и специальные инструменты охраны, учета, оценки и коммерческого использования объектов интеллектуальной собственности.

Библиографический список

1. Акимова О. Е., Волков С. К., Симонов А. Б. Креативные индустрии в России: тенденции развития и потенциал роста // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2022. — № 1. — С. 96–114.

2. Аузан А. А., Бахтигараева А. И., Брызгалов В. А. Развитие креативной экономики России в контексте современных вызовов // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2022. — № 2 (54). — С. 213–220.

3. Боос В. О., Шубина В. И., Куценко Е. С. Между культурой и экономикой: факторы, мотивирующие регионы поддерживать креативные индустрии // Экономика региона. — 2024. — Т. 20, № 4. — С. 1041–1057.

4. Григорьева А. Д. Ретроспектива и перспективы правового регулирования креативных индустрий // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). — 2025. — № 1. — С. 80–97.

5. Гумерова Г. И., Шаймиева Э. Ш. Интеллектуальная составляющая российских креативных индустрий в период их становления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2022. — № 3. — С. 129–143.

6. Молчанов И. Н. Творческие индустрии: механизмы развития человеческого потенциала // Экономика. Налоги. Право. — 2022. — Т. 15, № 2. — С. 52–62.

7. Региональная экономика: курс лекций / Е. Г. Анимица, П. Е. Анимица, И. А. Антипин и др. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2020. — 417 с.

А. В. Копчугов

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва*

Сбалансированная система показателей BSC в системе обеспечения экономической безопасности организаций финансового сектора

Аннотация. В статье исследуется роль сбалансированной системы показателей BSC в обеспечении экономической безопасности организаций финансового сектора. Обосновывается необходимость адаптации классической четырехперспективной модели Каплана и Нортон к специфике деятельности финансовых организаций с учетом регуляторных требований и санкционных угроз. Предлагается расширенная структура BSC, интегрирующая индикаторы экономической безопасности в систему стратегического управления кредитных организаций.

Ключевые слова: сбалансированная система показателей; BSC; экономическая безопасность; финансовый сектор; стратегическое управление.

Финансовый сектор занимает особое место в системе национальной экономики, выступая ключевым звеном перераспределения ресурсов и обеспечения непрерывности воспроизводственного процесса. В условиях нарастающей геополитической турбулентности, расширения санкционного давления на российскую банковскую систему и стремительного роста киберугроз обеспечение экономической безопасности организаций финансового сектора приобретает принципиально новое измерение.

На протяжении 2023 г. в России было зафиксировано свыше 105 тыс. экономических преступлений с совокупным ущербом, превышающим 311 млрд р., причем банковская сфера демонстрирует устойчивую тенденцию к вовлечению в орбиту цифровых преступлений, а число зарегистрированных киберпреступлений за январь —

октябрь 2024 г. возросло на 14,6 % по отношению к аналогичному периоду предшествующего года [6]. Вместе с тем традиционные инструменты стратегического управления нередко оказываются недостаточными для своевременного выявления угроз, что актуализирует поиск методологических решений, способных объединить стратегическое целеполагание с мониторингом состояния экономической безопасности.

Система сбалансированных показателей BSC строится на принципе интеграции финансовых и нефинансовых индикаторов результативности в рамках четырех взаимосвязанных перспектив, а именно финансовой, клиентской, внутренних бизнес-процессов, а также обучения и развития. В отечественной науке убедительно показано, что ориентация исключительно на финансовые метрики ведет к несбалансированной картине деятельности организации, тогда как концепция BSC обеспечивает согласованность стратегических и тактических целей на всех уровнях управления [5]. Применительно к задачам повышения устойчивости предприятий исследователи фиксируют, что внедрение BSC обеспечивает переход от реактивного финансового контроля к проактивному стратегическому управлению рисками, повышая прозрачность деятельности и согласовывая работу всех подразделений организации [1]. Наряду с системным характером BSC научный интерес представляет возможность включения в состав перспектив специфических индикаторов угроз, которые в классической четырехперспективной модели не предусмотрены [4].

Финансовый сектор предъявляет к системе стратегического управления требования, существенно отличающие его от иных отраслей. Кредитная организация функционирует в условиях жестко регламентированной надзорной среды, что предопределяет необходимость включения в архитектуру BSC перспективы регуляторного соответствия наряду с классическими четырьмя проекциями. Установлено, что кредитным организациям, наряду с оценкой финансовой устойчивости и выполнением нормативных требований регулятора, необходимо выстраивать систему сбалансированных показателей, результатами оценки которых становились бы стоимостные характеристики, отражающие влияние уровня экономической безопасности на финансовые показатели и достаточность капитала [8]. Санкционные ограничения, введенные в отношении России на протяжении 2014–2024 гг., существенно модифицировали ландшафт

угроз: ограничения возможности привлечения иностранного капитала, нестабильность ключевой ставки и давление на ликвидность банковского сектора потребовали переосмысления стратегических приоритетов управления [7]. Следует отметить, что исследование последствий санкционного давления за указанный период свидетельствует об устойчивости российского финансового рынка, однако трансформация условий функционирования неизбежно формирует запрос на обновление управленческого инструментария [2].

На основании проведенного анализа представляется возможным предложить расширенную модель BSC для организаций финансового сектора, в которой традиционные четыре перспективы дополняются двумя специфическими проекциями (см. таблицу).

**Расширенная модель BSC
для обеспечения экономической безопасности
финансовой организации¹**

Перспектива	Стратегические цели	Ключевые индикаторы
Финансовая	Рост капитализации, управление прибыльностью	ROE, ROA, норматив достаточности капитала H1
Клиентская	Лояльность, удержание доли рынка	NPS, динамика клиентской базы
Внутренних процессов	Операционная эффективность, киберзащита	Доля автоматизированных операций, число инцидентов
Обучения и развития	Цифровые компетенции персонала	Индекс цифровой зрелости, затраты на обучение
Регуляторного соответствия	Выполнение нормативов Центрального банка Российской Федерации	Нормативы H2–H6, уровень комплаенс-аудита
Экономической безопасности	Нейтрализация внешних и внутренних угроз	Доля проблемных активов, динамика экономической преступности

Интеграция перспективы экономической безопасности в архитектуру BSC позволяет выстроить систему опережающих индикаторов угроз, функционирующих наряду с запаздывающими финансовыми метриками. Принципиально важным является то обстоятельство, что научные исследования в данной области рассматривают экономическую безопасность кредитной организации с двух сторон: с одной стороны, как категорию, отражающую степень правовой за-

¹ Составлено по: [4; 8].

щиты гарантий вкладчиков и инвесторов, с другой — как характеристику устойчивости развития в условиях рыночной неопределенности с учетом регуляторных требований [3]. Разработанная расширенная модель BSC, обеспечивающая мониторинг угроз в режиме реального времени, способна фиксировать ранние сигналы дестабилизации еще до того, как негативные тенденции проявятся в традиционных финансовых показателях организации [4].

Проведенное исследование свидетельствует о том, что сбалансированная система показателей BSC обладает значительным потенциалом в качестве инструмента обеспечения экономической безопасности организаций финансового сектора. Расширение классической четырехперспективной модели двумя специфическими проекциями, а именно перспективой регуляторного соответствия и перспективой экономической безопасности, создает методологическую основу для интеграции задач стратегического управления и противодействия угрозам в единый управленческий контур. Анализ актуальной научной литературы подтверждает, что выявление угроз на основе системы сбалансированных показателей позволяет организациям финансового сектора перейти от ситуативного реагирования к системному проактивному управлению, что приобретает особое значение в условиях структурных экономических трансформаций [1].

Перспектива дальнейших научных исследований связана с разработкой отраслевого стандарта BSC для российских финансовых организаций с учетом требований Центрального банка Российской Федерации и текущего санкционного контекста. Выработка унифицированных пороговых значений для индикаторов каждой перспективы применительно к различным типам финансовых организаций, включая системно значимые банки, страховые компании и профессиональных участников рынка ценных бумаг, представляет собой актуальное направление последующих исследований, а нарастающая роль цифровых угроз дополнительно обосновывает необходимость регулярного пересмотра состава индикаторов перспективы внутренних бизнес-процессов [6].

Библиографический список

1. Абулмуслимов З. Ш., Сорокина Ю. В. Применение системы сбалансированных показателей для повышения финансовой устойчивости транс-

поротно-логистического предприятия // Молодой исследователь Дона. — 2025. — Т. 10, № 6 (57). — С. 123–127.

2. Ван Я. Анализ влияния санкций на экономическую безопасность России: вызовы и возможности // Финансы и управление. — 2024. — № 4. — С. 181–202.

3. Губанов Р. С. Экономическая безопасность субъектов банковского бизнеса в современных реалиях // Экономические исследования. — 2025. — № 1. — С. 1–9.

4. Еронкевич Н. Н. Сбалансированная система показателей как эффективный инструмент стратегического менеджмента при обеспечении экономической безопасности бизнеса // Теневая экономика. — 2023. — Т. 7, № 4. — С. 391–406.

5. Корчагина Е. В. Сбалансированная система показателей как инструмент управления развитием компании: сравнение российского и зарубежного опыта // Проблемы современной экономики. — 2009. — № 4 (32). — С. 158–163.

6. Курманова Л. Р. Экономическая безопасность банковского сектора России // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2025. — № 1 (171). — С. 198–205.

7. Переход С. А., Мхитарян А. В., Селифонкина Д. С. Международные санкции против России (2014–2024 гг.): оценка и последствия для финансового рынка // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2024. — № 4. — С. 116–138.

8. Семенов К. О. Методика оценки уровня экономической безопасности коммерческих банков // Инновации и инвестиции. — 2021. — № 5. — С. 110–115.

К. В. Кузнецов

*Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»,
г. Москва*

Цифровая зрелость промышленных предприятий как индикатор угроз экономической безопасности в условиях постсанкционной трансформации

Аннотация. В рамках исследования установлено, что 80–85 % отечественных предприятий находятся на первом и втором уровнях BCG DAI, генерируя системные угрозы экономической безопасности предприятий, операционной устойчивости и технологического суверенитета. Обоснована необходимость переориентации государственной поддержки с продуктового импортозамещения на устранение структурных разрывов в управленческом цикле.

Ключевые слова: цифровая зрелость; промышленные предприятия; экономическая безопасность; цифровая трансформация; импортозамещение; ERP-системы.

Санкционный удар 2022 г. по цифровой инфраструктуре российской промышленности обнажил структурную уязвимость, формировавшуюся на протяжении десятилетий. С российского рынка ушло более 200 иностранных поставщиков и около 2 тыс. цифровых продуктов [3], а ключевые вендоры (SAP и Oracle) в течение 2022–2023 гг. последовательно прекратили техническую поддержку своих решений, оставив сотни промышленных предприятий в ситуации стремительно устаревающих управленческих систем [5]. Стало очевидным, что зависимость от иностранного программного обеспечения является угрозой экономической безопасности как на уровне предприятия, так и в масштабах государственной промышленной политики.

До 2022 г. в научном сообществе активно обсуждались концептуальные подходы к цифровой трансформации промышленных бизнес-моделей, однако акцент делался преимущественно на конкурентных преимуществах и управленческих инновациях, тогда как измерение экономической безопасности оставалось в тени [4]. Постсанкционный контекст принципиально изменил эту расстановку приоритетов: готовность предприятия к цифровой трансформации, его цифровая зрелость, стала одновременно индикатором операционной устойчивости и барометром технологического суверенитета.

Следует отметить, что угрозы, генерируемые низким уровнем цифровой зрелости, структурируются на трех уровнях:

- операционном (нарушение управленческого цикла при утрате доступа к зарубежному программному обеспечению);
- конкурентном (технологическое отставание от незатронутых санкциями игроков);
- стратегическом (невозможность реализации государственных программ импортозамещения и промышленной политики).

Для диагностики уровня зрелости в настоящем исследовании используется методология BCG Digital Acceleration Index (DAI), охватывающая четыре измерения (стратегию и культуру, технологии, таланты и экосистемные связи) и распределяющая предприятия по четырем уровням от «цифрового новичка» ($DAI \leq 25$) до «цифрового чемпиона» ($DAI \geq 67$)¹. По данным Министерства цифрового развития Российской Федерации, целевой показатель цифровой зрелости обрабатывающей промышленности составляет 85 % к 2030 г., тогда как фактическое значение на 2023 г. оценивалось приблизительно в 45 % — разрыв превышает 40 п. п.² Данные исследования SBS Consulting (2024 г.) свидетельствуют о том, что интегрированная ERP-система как базовый инструмент замыкания управленческого цикла присутствует лишь у 14 % промышленных предприятий обрабатывающих отраслей³, тогда как подавляющее большинство производств управляет внутренними процессами на основе локальной автоматизации отдельных операций.

Угрозы экономической безопасности, соответствующие каждому уровню зрелости, систематизированы в таблице.

Немедленной реакцией государства и рынка на санкционный вызов стало ускоренное наращивание отечественного рынка корпоративного программного обеспечения: компания «1С» заняла около 45 % рынка по числу проектов, а спрос на российские программные

¹ *Digital acceleration index: the strategic imperative* / Boston Consulting Group. — URL: <https://www.bcg.com/publications/2021/digital-acceleration-index> (дата обращения: 03.04.2026).

² *Об утверждении Стратегии цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности*: распоряжение Правительства РФ от 6 ноября 2021 г. № 3142-р.

³ *Анализ уровня цифровизации российских предприятий обрабатывающей промышленности* / SBS Consulting. — URL: <https://sbs-consulting.ru/researches/uroven-tsifrovizatsii-predpriyatii-obrabatvyayushchey-promyshlennosti-rossii/> (дата обращения: 03.04.2026).

решения в период 2022–2024 гг. вырос кратно [5]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть принципиальное ограничение происходящего импортозамещения: продуктовая замена без организационной трансформации не устраняет угроз экономической безопасности. Исследователи фиксируют, что главным тормозом остается не отсутствие отечественного продукта, а неготовность организационной среды — дефицит квалифицированных кадров, слабость процессной архитектуры и фрагментарность данных в унаследованных информационных системах [6].

Угрозы экономической безопасности промышленных предприятий в зависимости от уровня цифровой зрелости (DAI)¹

Уровень цифровой зрелости (DAI)	Доля предприятий (оценка)	Ключевая угроза экономической безопасности	Характерные операционные риски
Уровень 1. «Цифровой новичок» (DAI ≤ 25)	~40–45 %	Критическая зависимость от ручного управления; полная уязвимость при утрате доступа к программному обеспечению иностранного поставщика	Разрывы управленческого цикла; неконтролируемые производственные потери; невозможность цифрового мониторинга
Уровень 2. «Цифровой грамотей» (DAI 26–50)	~40–45 %	Фрагментарная автоматизация без интеграции данных; «цифровые острова» без сквозного управления	Дублирование функций; задержки в принятии решений; риск несовместимости при переходе на отечественный стек
Уровень 3. «Цифровой исполнитель» (DAI 51–66)	~10–15 %	Недостаточность предиктивных инструментов; ограниченное покрытие аналитических фаз цикла (Check–Act)	Реактивное управление качеством и ресурсами; неполное использование данных для обеспечения устойчивости
Уровень 4. «Цифровой чемпион» (DAI ≥ 67)	~2–5 %	Риски зависимости от единственной платформы; уязвимости цифровой инфраструктуры при кибератаках	Концентрация критических данных; необходимость постоянного обновления защиты интегрированных систем

Иными словами, замена иностранного вендора на отечественного при сохранении управленческих пробелов лишь перемещает точку уязвимости, не устраняя угрозу по существу. Особую остроту данная проблема приобретает в условиях нарастающего кибердавления

¹ Составлено и рассчитано по: [1; 3].

ния: активизация рынка «пиратских» высокотехнологичных продуктов и ослабление киберзащиты объектов цифровой инфраструктуры выступают дополнительными векторами угрозы экономической безопасности в постсанкционный период [2].

Стратегический ответ на выявленные угрозы требует переосмысления приоритетов государственной поддержки по трем направлениям.

Первое — устранение структурных разрывов в аналитических фазах управленческого цикла: покрытие инструментами фазы исполнения близко к 100 %, тогда как аналитические и управленческие фазы (check — act) остаются инструментально незащищенными на большинстве предприятий, что делает управленческий цикл незакрытым даже при наличии отечественного программного обеспечения.

Второе — преодоление кадрового и компетентностного дефицита как системного барьера цифровой зрелости: без формирования внутри предприятий достаточного уровня управленческих и технологических компетенций ни один реестровый продукт не реализует своего потенциала в части экономической безопасности.

Третье — создание межотраслевых платформенных механизмов управления цифровой трансформацией, нивелирующих территориальные ограничения и позволяющих промышленным предприятиям любого масштаба получить доступ к компетенциям, необходимым для повышения уровня зрелости [1].

Таким образом, цифровая зрелость промышленных предприятий является не просто технологическим показателем, но структурным индикатором угроз экономической безопасности в условиях постсанкционной трансформации российской экономики. Сохранение 80–85 % предприятий на первом–втором уровнях DAI генерирует устойчивые угрозы операционной управляемости, конкурентоспособности и реализуемости государственной промышленной политики. Инструментальное замещение иностранного программного обеспечения отечественным — необходимое, но недостаточное условие обеспечения безопасности: оно должно сопровождаться организационной трансформацией, кадровым развитием и созданием интегрированной архитектуры управления внутренними процессами, замыкающей управленческий цикл на всех его фазах. Именно комплексный подход к повышению цифровой зрелости, а не точеч-

ное продуктивное импортозамещение, способен превратить цифровую трансформацию из источника угроз в устойчивый ресурс экономической безопасности промышленности России.

Библиографический список

1. *Великороссов В. В., Акулинин Ф. В., Озеров С. Л.* Российский рынок ERP-систем. Импортозамещение и тенденции развития // *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы.* — 2023. — № 2. — С. 139–146.
2. *Гудкова О. Е.* Выявление направлений цифровой трансформации российского бизнеса в условиях международных санкций // *Финансовые рынки и банки.* — 2024. — № 4. — С. 334–340.
3. *Доржиева В. В.* Цифровая трансформация промышленности и промышленная политика в условиях внешних ограничений // *Вопросы инновационной экономики.* — 2023. — Т. 13, № 2. — С. 637–648.
4. *Кочелаба Ж. В., Курбанов А. Х., Лаптев С. В.* Цифровая трансформация в мире и в России: разработка путей решения проблем реализации (на примере оборонно-промышленного комплекса) // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета.* — 2023. — № 4 (142). — С. 145–150.
5. *Краковская И. Н.* Цифровая трансформация промышленных бизнес-моделей: концептуальные подходы и сценарии // *π-Economy.* — 2025. — Т. 18, № 3. — С. 7–28.
6. *Лавренко Е. В., Мечикова М. Н.* Цифровая трансформация промышленности: российский и зарубежный опыт // *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий.* — 2022. — Т. 11, № 1. — С. 47–52.

М. А. Лесничий

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва

Методические подходы к оценке демографических рисков рынка труда в контексте обеспечения экономической безопасности

Аннотация. В статье рассматриваются демографические процессы, дестабилизирующие сбалансированность рынка труда Российской Федерации, и обосновывается подход к их количественной оценке посредством корреляционно-регрессионного анализа и методов системной динамики. Установлено, что сокращение суммарного коэффициента рождаемости, старение рабочей силы и структурный дефицит кадров формируют устойчивые угрозы экономической безопасности.

Ключевые слова: демографические риски; рынок труда; экономическая безопасность; математическое моделирование; дефицит трудовых ресурсов; прогнозирование.

Нарастающий разрыв между предложением трудовых ресурсов и потребностью национальной экономики в кадрах приобрел характер структурной угрозы экономической безопасности Российской Федерации. По данным Банка России, к апрелю 2024 г. доля предприятий, столкнувшихся с нехваткой рабочей силы, достигла 70 % против 56 % годом ранее, уровень безработицы опустился до рекордных 2,8 %, а численность занятых в экономике по итогам 2023 г. составила 71,9 млн чел. при прогнозируемом приросте до 73,3 млн к 2026 г.¹ Суммарный коэффициент рождаемости снизился до критического значения 1,41 в 2023 г. при пороговом уровне простого воспроизводства 2,1, а естественная убыль населения за 2024 г. составила 596,2 тыс. чел. Второй этап депопуляции начался в России с 2016 г., когда смертность вновь превысила рождаемость, и прогнозные оценки свидетельствуют о нарастании данного негативного тренда в ближайшие десятилетия [6]. Совокупность приведенных показателей доказывает, что дефицит кадров имеет демографическое происхождение и не может быть устранен исключительно краткосрочными мерами стимулирования занятости.

¹ *Строительева М.* Займут делом: за три года число работающих граждан вырастет на 1,5 млн // Известия. — 2024. — 25 апр. — URL: <https://iz.ru/1687117/mariia-stroiteleva/zaimut-delom-za-tri-goda-chislo-rabotaiushchikh-grazhdan-vyrastet-na-15-mln> (дата обращения: 15.03.2025).

Теоретическую основу изучения взаимосвязи демографических изменений и рынка труда формируют несколько направлений научных исследований. Авторы, изучающие демографию как фактор воздействия на рынок труда, устанавливают, что основная угроза состоит не в текущем сокращении численности трудоспособного населения, а в неравноценной замене поколений, неизбежно генерирующей острый дефицит рабочей силы в среднесрочной перспективе — за период 1992–2018 гг. лишь четыре года наблюдался положительный естественный прирост [3]. Параллельно исследователи указывают, что демографические изменения воздействуют на базовые темпы экономического роста, инвестиционную активность и объем социальных расходов, тогда как сокращение трудовых ресурсов при одновременном росте нагрузки на пенсионную систему способно существенно замедлить динамику внутреннего валового продукта [5]. Применительно к инструментарию прогнозирования системная динамика, связывающая демографические модели с моделями рынка труда и системы образования, признается необходимым условием формирования информационной базы для согласованных управленческих решений, однако на текущий момент системное прогнозирование рынка труда в России находится в начальной стадии развития [4].

Оценка демографических рисков реализуется через многоуровневый количественный подход, сочетающий корреляционно-регрессионный анализ панельных данных с имитационными методами. На диагностическом уровне зависимой переменной регрессионной модели выступает индекс напряженности рынка труда, а в состав регрессоров включаются суммарный коэффициент рождаемости с лаговым сдвигом 20–25 лет, коэффициент старения рабочей силы, смертность в трудоспособном возрасте и сальдо трудовой миграции. Значимость демографических переменных в подобных спецификациях достигает уровня объясненной дисперсии R^2 в диапазоне 0,7–0,8 [3], что обосновывает рождаемость как опережающий индикатор будущего кадрового дефицита с горизонтом опережения, соответствующим периоду формирования нового трудоспособного поколения. Для прогнозирования на горизонте 10–15 лет методология системной динамики предполагает описание рынка труда в виде системы потоков и накопителей, граничными условиями которой служат демографические прогнозы Росстата [4]. Сценарный расчет

показывает, что при реализации низкого демографического сценария численность занятых к 2035 г. сократится приблизительно на 6 млн человек, или порядка 8 % [2], превращая демографическую составляющую из фонового фактора в структурную угрозу, подлежащую встроенному мониторингу в системе индикаторов экономической безопасности.

Взаимосвязь метода оценки демографических рисков рынка труда и используемого объекта моделирования для расчетов приведена в таблице.

Математические методы оценки демографических рисков рынка труда¹

Метод	Объект моделирования	Горизонт прогноза
Корреляционно-регрессионный анализ панельных данных	Индекс напряженности по регионам	3–5 лет
Системная динамика (потоки и накопители)	Численность трудовых ресурсов	10–15 лет
Сценарный демографический прогноз	Занятость при разных вариантах рождаемости	15–20 лет

Практическим измерением демографической угрозы служат региональные диспропорции рынка труда. По данным FinExpertiza, по итогам 2023 г. в Тульской области на одного соискателя приходилось 20,6 вакансии, в Нижегородской области аналогичный показатель составлял 12,7, в Ямало-Ненецком автономном округе 11,3. Территориальная асимметрия формируется под воздействием неравномерного демографического старения регионов, различий в их миграционной привлекательности и отраслевой специализации. В обрабатывающей промышленности дефицит рабочей силы достиг максимальных значений за всю историю наблюдений: нехватку кадров в мае 2023 г. ощущали 35 % промышленных предприятий². Рост номинальных заработных плат, опережающий рост производительности труда, транслируется в устойчивое инфляционное давление и подрывает конкурентоспособность продукции обрабатывающего сектора, в ре-

¹ Составлено по: [2; 4].

² Рынок труда в России: анализ показателей занятости и дефицита кадров / TAdviser. — URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рынок_труда_в_России (дата обращения: 15.04.2025).

зультате чего демографический риск приобретает макроэкономическое измерение, выходящее за рамки кадровой политики отдельных предприятий. Интеграция демографических переменных в систему индикаторов экономической безопасности создает условия для своевременной корректировки миграционной и образовательной политики, что подтверждается практикой региональных моделей диагностики рискообразующих факторов [1].

Анализ демографических рисков с применением количественных методов показывает, что угрозы сбалансированности рынка труда носят долгосрочный и структурный характер: суммарный коэффициент рождаемости ниже уровня простого воспроизводства, нарастающее старение рабочей силы и территориальная асимметрия кадрового дефицита образуют взаимосвязанную систему угроз, устойчивость которой подтверждается как ретроспективными данными, так и сценарными расчетами Росстата. Корреляционно-регрессионный анализ и модели системной динамики обеспечивают инструментарий для идентификации данных угроз с необходимым опережением, однако превращение математических прогнозов в управленческие решения требует встраивания демографического блока в архитектуру национальной системы обеспечения экономической безопасности.

Дальнейшее развитие темы предполагает расширение модельного инструментария за счет агент-ориентированного моделирования, позволяющего учитывать поведенческие стратегии работодателей и домохозяйств в условиях кадрового дефицита, а также включение в прогнозные модели переменных автоматизации и роботизации производства как факторов, способных частично компенсировать демографические потери предложения рабочей силы в трудодефицитных отраслях.

Библиографический список

1. Безденежных Т. И., Кормановская И. Р., Кадничанская М. О. Факторный подход к оценке рисков регионального развития (на примере Новгородской области) // Региональная экономика: теория и практика. — 2015. — № 32 (407). — С. 32–44.
2. Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов: препринт WP3/2023/02. — М.: ВШЭ, 2023. — 78 с.

3. Константинова Д. С. Демография как фактор влияния на рынок труда // Дискуссия. — 2019. — № 6 (97). — С. 66–75.

4. Курятков В. А., Конюшевская К. О. Прогнозирование рынка труда региона методами системной динамики // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. — 2012. — № 9 (51). — С. 94–100.

5. Мустафин А. Р., Казаков Р. А. Оценка угроз в демографической сфере и их влияние на экономическую безопасность страны // Цифровое моделирование экономики. — 2024. — № 4. — С. 227–238.

6. Федоров Д. Ю. Демографический вызов России. Итоги 2025 г. (Аналитический обзор) // Перспективы. — 2025. — № 4 (43). — С. 126–131.

А. Д. Мищич

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва

Цифровая зрелость как индикатор устойчивости финансовых организаций в условиях монетарного ужесточения

Аннотация. В статье обосновывается применимость индекса цифровой эффективности финансового менеджмента (DFEI) в качестве инструмента выявления угроз устойчивости финансовых организаций как элемента системы экономической безопасности. Апробация методики на 11 организациях российского финансового сектора при ключевой ставке Центрального банка Российской Федерации 21 % годовых показала, что цифровая зрелость является более стабильным предиктором совокупной эффективности, нежели краткосрочная финансовая результативность.

Ключевые слова: цифровая зрелость; финансовый менеджмент; экономическая безопасность; DFEI; цифровая трансформация; монетарная политика.

Устойчивость финансового сектора занимает одно из центральных мест в системе экономической безопасности государства¹. Финансовые организации обеспечивают перераспределение ресурсов между секторами экономики, а их дестабилизация формирует системные риски, напрямую затрагивающие реальный сектор и благосостояние граждан [1]. В условиях одновременного развертывания жесткой монетарной политики и масштабной цифровой трансформации традиционные показатели финансовой результативности утрачивают достаточную диагностическую ценность. Организация,

¹ *Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208.*

сохраняющая удовлетворительные значения рентабельности в краткосрочном периоде, способна одновременно накапливать системную слабость по операционным и цифровым измерениям, которая в среднесрочной перспективе реализуется как угроза устойчивости.

Ужесточение денежно-кредитной политики в 2024–2025 гг. (ключевая ставка Банка России достигла 21 % годовых¹) ударило по финансовому сектору сильнее, чем ожидалось. Удорожание пассивов съело большую часть выигрыша от роста кредитных портфелей: у большинства универсальных банков спред между рентабельностью капитала и стоимостью фондирования ушел в минус. На этом фоне привычный мониторинг по пруденциальным нормативам и финансовым коэффициентам стал давать сбои: он перестал отличать организации, которые просели в рентабельности из-за инвестиций в цифровизацию, от тех, у кого проблема глубже — в самой бизнес-модели. Оба случая выглядят одинаково в стандартной отчетности, хотя природа угрозы принципиально разная.

Для разграничения этих ситуаций и предназначен индекс цифровой эффективности финансового менеджмента (DFEI) — взвешенная сумма четырех субиндексов:

- финансовой результативности (FR);
- операционной эффективности (OE);
- цифровой зрелости (DM);
- инновационного потенциала (IP).

Каждый субиндекс рассчитывается как среднегеометрическое нормализованных компонентов. Такой способ агрегирования не случаен: если хотя бы один компонент обнуляется, субиндекс падает независимо от остальных значений, что делает методику чувствительной к локализованным слабостям, которые линейное усреднение попросту скрывает. Весовая структура не унифицирована. Для универсального банка на первый план выходит финансовая результативность (вес 0,35), для цифрового банка существенно возрастает операционная эффективность (0,30), а для микрофинансовой организации относительно больший вес получает инновационный потенциал (0,20). Цифровизация финансов — это стратегически важный процесс, направленный на использование передовых цифро-

¹ Ключевая ставка / Центральный банк Российской Федерации. – URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 01.04.2026).

вых технологий с целью оптимизации финансовых процессов и услуг. Она включает в себя автоматизацию традиционных операций, анализ больших данных для прогнозирования, развитие цифровых платежных систем и внедрение блокчейн-технологий, что в итоге делает финансовые операции более эффективными, прозрачными и доступными как для частных лиц, так и для организаций [4]. Единая шкала здесь была бы методологически некорректной: организации с разными бизнес-моделями несут принципиально разные профили риска, и применение одних весов ко всем систематически смещает диагностику.

Апробация проводилась на данных финансовой отчетности за 9 мес. 2025 г. по 11 организациям: государственным и частным универсальным банкам, цифровому банку и микрофинансовой организации. Итоговые значения DFEI разошлись от 0,401 до 0,842 при среднем 0,592 и коэффициенте вариации 23,3 %, что говорит о хорошей дискриминирующей способности методики. Корреляционный анализ дал неожиданный результат: субиндекс цифровой зрелости DM оказался теснее связан с итоговым DFEI ($r = 0,62$), чем субиндекс финансовой результативности FR ($r = 0,51$). Иначе говоря, в период высокой ключевой ставки текущая рентабельность хуже предсказывает совокупную устойчивость организации, чем ее цифровая зрелость [2].

Результаты хорошо видно на контрастных примерах. ПАО «Сбербанк» занял второе место (DFEI = 0,754) несмотря на умеренную финансовую результативность (FR = 0,524) — сжатый спред между рентабельностью капитала и стоимостью привлечения ресурсов компенсировался высокой операционной эффективностью (OE = 0,886) и цифровой зрелостью (DM = 0,910). А у АО «Т-Банк» картина еще острее: FR = 0,303 при DFEI = 0,682. Масштабные инвестиции в развитие экосистемы давят на рентабельность, но развитая технологическая платформа (DM = 0,930) удерживает совокупную устойчивость [3]. Высокий уровень цифровой зрелости здесь работает как операционный буфер, не позволяющий финансовым шокам пробиться в итоговый показатель.

Принципиально другую ситуацию показывает КБ «Ренессанс Кредит» — последнее место, DFEI = 0,401. Примечательная деталь: его цифровая зрелость (DM = 0,673) выше, чем у предпоследнего АО «Россельхозбанк» (DM = 0,632). Деструктивным фактором выступает

низкая операционная эффективность ($OE = 0,353$ при коэффициенте издержек 97,2 %), обусловленная опережающим ростом расходов над доходами в период одновременного доначисления резервов и цифровой экспансии. Данный случай наглядно демонстрирует феномен цифровой ловушки. Инвестиции в технологии без обеспечения операционной дисциплины не повышают устойчивость, а создают дополнительную нагрузку на расходную базу, формируя новый источник угроз экономической безопасности.

Представленные результаты указывают на необходимость совершенствования инструментария мониторинга устойчивости финансовых организаций. Действующие надзорные инструменты, ориентированные преимущественно на пруденциальные нормативы, не в полной мере учитывают риски, формируемые в цифровом измерении деятельности. DFEI как многомерный инструмент позволяет диагностировать угрозы устойчивости до их отражения в традиционных финансовых коэффициентах. Снижение субиндексов цифровой зрелости или операционной эффективности сигнализирует о нарастающей уязвимости организации на стадии, когда показатели рентабельности еще остаются в допустимых пределах. Среди основных тенденций развития финансового сектора можно выделить цифровизацию информационных и операционных процессов, что повышает эффективность принятия решений, а также цифровизацию процессов корпоративного управления, упрощающую взаимодействие между собственниками и управленцами [4]. Необходимо подчеркнуть, что интеграция многомерных индексов подобного рода в систему мониторинга экономической безопасности финансового сектора представляется перспективным направлением развития инструментального арсенала регулятора и менеджмента финансовых организаций.

Библиографический список

1. Болонина С. Е., Орлова А. А. Технологические аспекты цифровизации российского банковского бизнеса // Экономическая безопасность. — 2025. — Т. 8, № 5. — С. 1205–1228.
2. Клюев К. В. Особенности управления рисками в сфере финансовой безопасности в условиях цифровой экономики // Цифровая экономика и финансы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 17–18 марта 2022 г.). — СПб.: Астерион, 2022. — С. 154–158.

3. Левитский Е. Б. Цифровая трансформация на финансовых рынках в современных условиях // Аудиторские ведомости. — 2025. — № 4. — С. 73–78.

4. Одинцов В. В., Прокопов М. А. Цифровизация и новые горизонты в государственных и корпоративных финансах: проблемы, перспективы и развитие в России // Аудиторские ведомости. — 2024. — № 3. — С. 93–98.

Н. В. Новикова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург;

И. А. Страхов

*Национальная ассоциация экспертов экономической безопасности,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва*

Влияние технологий искусственного интеллекта на обеспечение экономической безопасности региона

Аннотация. В статье исследуется влияние технологий искусственного интеллекта на обеспечение экономической безопасности региона. В качестве объекта анализа выбраны территории Уральского федерального округа и Уральского экономического района, обладающие выраженной отраслевой асимметрией и дифференцированными угрозами экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность региона; технологии искусственного интеллекта; цифровая трансформация; факторы региональной динамики.

Региональные экономические системы России вступили в период, когда технологии искусственного интеллекта (ИИ) начинают оказывать измеримое воздействие на устойчивость производственного потенциала, структуру занятости и инвестиционный климат территорий. Указ Президента Российской Федерации закрепил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 г., установив приоритет ускоренного внедрения ИИ-решений во всех секторах экономики¹. Реализация Стратегии непосредственно затрагивает задачи нейтрализации угроз технологического отставания и укрепления экономического суверенитета регионов, однако на субнациональном уровне темпы этой реализации различаются кардинально. Свердловская область, к примеру, по числу передовых

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490.

производственных технологий на тысячу занятых превышает среднероссийский показатель вдвое, тогда как Курганская область испытывает острый дефицит и ИИ-решений, и кадров для их освоения [2]. Результатом становится формирование зон технологической уязвимости, в которых накапливаются латентные угрозы устойчивому функционированию экономики.

По данным Н. В. Новиковой и Р. В. Трофимова, к 2023 г. в Уральском макрорегионе сконцентрировано 21,3 % используемых передовых производственных технологий страны [4]. Темп роста показателя за 2005–2023 гг. достиг 260,8 %, тогда как среднероссийское значение составило 197,6 %. Неоднородность характерна и для территорий Уральского федерального округа. В частности, нефтегазовые автономии Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ концентрируют предиктивную аналитику, ориентированную на снижение операционных рисков добычи.

Свердловская и Челябинская области встраивают ИИ в обрабатывающее производство через цифровые двойники и роботизированные линии. Курганская область находится на противоположном полюсе, испытывая дефицит как самих технологий, так и квалифицированных кадров.

Теоретическим фундаментом настоящего исследования послужили работы по трансформирующему воздействию ИИ на производственные и управленческие процессы. Российские ученые обосновывают, что применение методов ИИ в задачах цифровой трансформации выходит за рамки автоматизации и превращается в средство перестройки институциональных моделей за счет обработки данных в режиме реального времени [7]. Возможность выявлять угрозы на ранних стадиях их формирования принципиально меняет саму парадигму мониторинга, переводя ее из режима ретроспективной фиксации отклонений в режим проактивного прогнозирования рисков. Скорость и глубина подобного перехода, впрочем, обусловлены отраслевым контекстом и технологической зрелостью экономического пространства. Ю. В. Вертакова, Ю. В. Шульгина и Б. Ш. Собиров убедительно показали, что структура жизненного цикла цифровых инноваций на базе ИИ существенно зависит от этих параметров [1], и именно данная зависимость предопределяет принципиальные различия в уровне защищенности регионов от угроз технологической деградации. Неравномерность диффузии ИИ-технологий порождает эффект накопления технологического разрыва.

Масштаб ожидаемых эффектов заслуживает отдельного рассмотрения. Ожидаемый прирост ВВП за счет технологий ИИ в рамках национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» оценивается в 11,2 трлн р. к 2030 г. Вместе с тем субъекты демонстрируют значительную дифференциацию по уровню цифровой инфраструктуры и готовности кадров [5]. Россия входит в десятку ведущих стран по совокупным вычислительным мощностям с применением ИИ, и тем не менее межрегиональная асимметрия их распределения генерирует угрозу технологической поляризации пространства¹. Отстающие регионы утрачивают способность не только конкурировать за инвестиционные ресурсы, но и самостоятельно обеспечивать минимально приемлемый уровень технологической защищенности, попадая в ловушку зависимого развития.

Уральский федеральный округ и Уральский экономический район в этом контексте интересны двумя качественно различными механизмами встраивания ИИ в хозяйственные процессы. В Ханты-Мансийском автономном округе — Югре и Ямало-Ненецком автономном округе технология обеспечивает устойчивость ресурсной базы и снижает вероятность техногенных и операционных угроз через предиктивную аналитику отказов оборудования, оптимизацию параметров добычи и интерпретацию сейсмических данных. Прямого увеличения объемов выпуска при этом не происходит. Иную логику демонстрируют индустриальные субъекты. В Свердловской и Челябинской областях ИИ интегрируется в производство через цифровые двойники, системы контроля качества и управление роботизированными линиями, непосредственно укрепляя производственный потенциал обрабатывающих предприятий. Свердловская область по итогам 2023 г. лидирует по числу передовых производственных технологий на тысячу занятых, достигая 7,51 ед. при среднероссийском значении 3,82, а число замещенных рабочих мест с применением промышленных роботов составляет 93,46 ед. на 1 000 занятых [4].

Курганская область, как уже отмечалось, находится на противоположном полюсе [2]. Ее дефицит кадрового потенциала носит не

¹ Россия взялась за искусственный интеллект / ЦИПР. — URL: <https://cipr.ru/izdanie-2024/rossiya-vzyalas-za-iskusstvennyj-intellekt/> (дата обращения: 01.04.2025).

столько количественный, сколько качественный характер. Компетенции работников не соответствуют требованиям ИИ-насыщенных рабочих мест, и без целенаправленных программ переподготовки этот разрыв будет нарастать.

Для количественной оценки влияния ИИ на параметры региональной устойчивости методологически обоснованным представляется сочетание нескольких инструментов. Регрессионные модели с фиксированными эффектами позволяют выделить вклад цифровых переменных в динамику ключевых индикаторов (ВРП, уровень занятости, производительность труда). Нейросетевые методы улавливают нелинейные зависимости между интенсивностью ИИ-внедрения и устойчивостью отраслевых подсистем. Обоснованность подобного сочетания подтверждается пространственным анализом цифровизации промышленности российских регионов, проведенным И. В. Наумовым, Ю. В. Дубровской и Е. В. Козоноговой [3]. Перспективным дополнением служат агент-ориентированные модели, имитирующие диффузию ИИ-технологий через межотраслевые кооперационные связи. Именно агент-ориентированный подход позволяет моделировать сценарии «шоковых» воздействий, при которых выход из строя одного элемента технологической цепи провоцирует последовательное разрушение смежных звеньев, порождая кумулятивный ущерб, существенно превышающий первоначальный импульс.

Регионы с утвержденными стратегиями цифровой трансформации демонстрируют более высокие темпы внедрения ИИ-решений и более устойчивые позиции по индикаторам экономической безопасности. О. С. Сухарев обоснованно отмечает, что динамика технологического обновления промышленности определяется не только инвестициями в ИКТ, но и качеством взаимодействия предприятий с научно-образовательными центрами и органами государственного управления [6].

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов. ИИ-технологии оказывают структурно неоднородное воздействие на экономическую безопасность территорий, и механизм этого воздействия определяется отраслевой специализацией субъекта. В добывающих регионах ИИ повышает устойчивость ресурсной базы через снижение операционных угроз. В обрабатывающих субъектах канал влияния иной и связан с ростом промышленной производительности и укреплением производственного потенциала.

Предложенный подход применим к любому российскому макрорегиону с выраженной отраслевой асимметрией, будь то агропромышленные субъекты Южного федерального округа или технологические кластеры Центрального федерального округа. Адаптация модельного инструментария под специфику конкретного региона позволит органам управления получить сценарный механизм прогнозирования эффектов цифровизации, пригодный для включения в стратегические документы территориального развития.

Библиографический список

1. Вертакова Ю. В., Шульгина Ю. В., Собиров Б. Ш. Особенности структуры жизненного цикла цифровых инноваций, основанных на использовании искусственного интеллекта // *π-Economy*. — 2025. — Т. 18, № 5. — С. 81–99.
2. Келеш Ю. В., Бессонова Е. А. Реализация стратегических приоритетов цифровой трансформации региональной экономики // *Вестник НГИЭИ*. — 2021. — № 5 (120). — С. 111–125.
3. Наумов И. В., Дубровская Ю. В., Козоногова Е. В. Цифровизация промышленного производства в регионах России: пространственные взаимосвязи // *Экономика региона*. — 2020. — Т. 16, № 3. — С. 896–910.
4. Новикова Н. В., Трофимов Р. В. Уральский макрорегион в процессах обеспечения технологической независимости России // *Научные труды Вольного экономического общества России*. — 2025. — Т. 254, № 4. — С. 237–258.
5. Строев В. В., Сидоренко С. В. Анализ цифровой зрелости регионов Российской Федерации // *Вестник университета*. — 2024. — № 5. — С. 5–14.
6. Сухарев О. С. Цифровизация и направления технологического обновления промышленности России // *Journal of new economy*. — 2021. — Т. 22, № 1. — С. 26–52.
7. Яковлева Е. А., Виноградов А. Н., Александрова Л. В., Филимонов А. П. Роль технологий искусственного интеллекта в цифровой трансформации экономики // *Вопросы инновационной экономики*. — 2023. — Т. 13, № 2. — С. 707–726.

П. С. Парфенова, М. А. Антипин

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Оценка и управление рисками организации, осуществляющей деятельность в области архитектуры и проектирования

Аннотация. Статья посвящена системному управлению рисками в проектных организациях строительной отрасли. На основе международной практики выделены ключевые группы рисков, характерные для архитектурно-проектной деятельности. Исследованы современные барьеры внедрения риск-менеджмента в российских компаниях. Предложены практические рекомендации по созданию интегрированной системы управления рисками.

Ключевые слова: риск-менеджмент; проектная организация; архитектурно-строительная деятельность; цифровизация строительства; идентификация рисков; экономическая безопасность.

В условиях экономической неопределенности и динамичных технологических трансформаций управление рисками выходит на первый план как стратегический императив для организаций, занимающихся проектной деятельностью.

Эффективность в прогнозировании и снижении потенциальных угроз напрямую влияет на жизнеспособность и устойчивость бизнеса.

Отдельную комплексность представляет собой сфера архитектурно-строительного проектирования, характеризующаяся продолжительными циклами реализации, высокой ценой допускаемых просчетов и строгими нормативно-правовыми рамками [2].

Цель настоящей статьи — на основе анализа теоретических положений и практических аспектов управления рисками в архитектурно-проектных организациях разработать рекомендации по совершенствованию системы риск-менеджмента, учитывающие отраслевую специфику и современные тенденции цифровизации.

Деятельность организаций архитектурно-проектного комплекса сопряжена с широким спектром рисков, которые могут быть классифицированы по нескольким основаниям.

В таблице представлена обобщенная классификация рисков по признакам, адаптированная для проектных организаций на основе работ И. Б. Батовой и других авторов [1].

Классификация рисков в деятельности архитектурно-проектных организаций

Признак классификации	Классификация	Примеры для проектной организации
По времени возникновения	Ретроспективные, текущие, перспективные	Анализ прошлых ошибок, текущие задержки, прогноз изменений норм
По факторам возникновения	Политические, экономические	Изменение градостроительной политики, инфляция, валютные колебания
По месту возникновения	Внешние, внутренние	Конкуренция на рынке, дефицит квалифицированных кадров
По характеру последствий	Чистые (статические), спекулятивные (динамические)	Потери от ошибок в проектах, возможная дополнительная прибыль от инноваций
По сфере возникновения	Производственные, коммерческие, финансовые, страховые	Срыв сроков проектирования, снижение спроса, недостаток оборотных средств
По размеру возможных потерь	Допустимые, критические, катастрофические	Потеря прибыли, потеря выручки, банкротство

Для архитектурно-проектных организаций особое значение имеют следующие категории рисков:

— финансовые риски, включающие дефицит ликвидности, недостаток оборотных средств для завершения проектов, валютные и инфляционные риски. Анализ финансового состояния проектных организаций нередко выявляет хронический дефицит высоколиквидных активов и низкую долю собственного капитала в структуре пассивов, что создает угрозу кассовых разрывов даже при сохранении операционной прибыльности;

— операционные риски, связанные со срывом сроков выполнения проектных работ, недостатком квалифицированного персонала, проблемами с подрядчиками и исполнителями. Особую остроту приобретает кадровый дефицит: отрасли не хватает инженеров, способных работать с современными технологиями на всех этапах жизненного цикла объекта¹;

— риски качества, включающие ошибки в проектной документации и несоответствие проектных решений актуальным нормам

¹ Батова И. Б. Классификация рисков и причины их возникновения // Международный студенческий научный вестник. — 2015. — № 1. — URL: https://eduherald.ru/article/view?id=11976&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 14.02.2026).

и требованиям. Согласно аналитическим отчетам Главгосэкспертизы России, наиболее часто встречающимися ошибками являются: отсутствие необходимой исходно-разрешительной документации; низкая проработка предпроектной стадии; принятие проектных решений по недействующим строительным нормам; технические ошибки в расчетах, несущих конструкциях и проектных решениях, которые могут привести к аварийным ситуациям¹;

— рыночные риски, связанные со снижением спроса на услуги проектирования и высокой конкуренцией на рынке архитектурно-проектных услуг²;

— правовые риски, обусловленные изменением законодательства в области строительства и градостроительного кодекса, а также претензиями заказчиков и судебными спорами;

— технические риски, включающие неполадки программного обеспечения, утечку конфиденциальной информации и кибератаки на корпоративные системы;

— стратегические риски, связанные с изменением стратегии материнских структур, утратой ключевых партнеров и зависимостью от основного заказчика.

Результаты исследования, опубликованного Группой ДРТ в 2025 г., показали, что почти треть из 82 опрошенных российских компаний не внедрила системы риск-менеджмента.

Главные причины этого — недостаточное понимание руководителями практической пользы (37 % случаев), дефицит ресурсов и слабая культура управления рисками³. В то же время строительная отрасль демонстрирует прогресс: она занимает лидирующие позиции по уровню развития практик риск-менеджмента. Это обуслов-

¹ Четверть бюджетныхстроек проектируется с серьезными ошибками / Главгосэкспертиза России. — URL: <https://gge.ru/press-center/massmedia/rg-ru-chetvert-byudzhetykh-stroek-proektiruetsya-s-sereznyimi-oshibkami/> (дата обращения: 14.02.2026).

² Опрос ДРТ: цифровизация процессов риск-менеджмента и внутреннего контроля / РБК Компании. — URL: <https://companies.rbc.ru/news/90zXQiNrpl/opros-drt-tsifrovizatsiya-protsssov-risk-menedzhmenta-i-vnutrennego-kontrolya/> (дата обращения: 14.02.2026).

³ Там же.

лено требованиями к управлению проектными рисками и внедрением цифровых технологий¹.

Основным фактором, способствующим минимизации рисков в проектной деятельности, стало применение технологий информационного моделирования (BIM). С 1 июля 2024 г. использование BIM стало обязательным для всех новых объектов долевого строительства. К концу 2025 г. 44 % крупных застройщиков активно использовали BIM, что втрое превышает показатель 2022 г.²

BIM позволяет выявлять коллизии на ранних стадиях, автоматически проверять соответствие нормативам, сокращать число запросов на разъяснения (RFI) на 25 %³. Тем не менее вице-президент «НОСТРОЙ» А. Мороз указывает на сохраняющуюся проблему поверхностного внедрения: многие организации формируют цифровые модели, но не используют их для комплексного управления жизненным циклом проекта, что нивелирует фактическую отдачу⁴. Для решения указанных задач необходимы не только капиталовложения в программное обеспечение, но и широкомасштабная подготовка квалифицированных кадров, а также реорганизация существующих бизнес-процессов.

На основе проведенного анализа предлагается следующий комплекс практических рекомендаций:

1) разработать и утвердить внутреннюю нормативную базу — «Положение об управлении рисками», регламенты идентификации, оценки и мониторинга, в которых закрепить риск-аппетит, методологию и ответственность;

¹ Вице-президент НОСТРОЙ рассказал о процессе внедрения ТИМ / Информационное агентство LIFE 24. — URL: <https://nostroy.ru/news/?eid=42506&ysclid=mr92acewjf-172605519> (дата обращения: 14.02.2026); *Опрос ДРТ: цифровизация процессов риск-менеджмента и внутреннего контроля* / РБК Компании. — URL: <https://companies.rbc.ru/news/90zXQiNrpl/opros-drt-tsifrovizatsiya-protseessov-risk-menedzhmenta-i-vnutrenne-go-kontrolya/> (дата обращения: 14.02.2026).

² Технологии информационного моделирования применяют 30% российских застройщиков / MASHNEWS. — URL: <https://mashnews.ru/tekhnologii-informacionnogo-modelirovaniya-primeniyayut-30-rossijskix-zastrojshhikov.html> (дата обращения: 14.02.2026).

³ Вице-президент НОСТРОЙ рассказал о процессе внедрения ТИМ / Информационное агентство LIFE 24. — URL: <https://nostroy.ru/news/?eid=42506&ysclid=mr92acewjf-172605519> (дата обращения: 14.02.2026).

⁴ Там же.

2) создать организационную структуру — назначить риск-менеджера, вовлечь владельцев бизнес-процессов в процедуры выявления и контроля рисков; проводить полную идентификацию ежегодно с ежеквартальным обновлением реестра;

3) внедрить автоматизированный учет — вести единый реестр и карту рисков, отслеживать ключевые индикаторы (KRI), автоматизировать отчетность;

4) развивать риск-культуру — проводить регулярные тренинги, семинары, деловые игры для всех уровней управления, создать систему открытых коммуникаций о рисках;

5) интегрировать риск-менеджмент в стратегическое планирование и бюджетирование — учитывать риски при формировании бизнес-планов, инвестиционных программ, оценке эффективности проектов;

6) активно использовать цифровые инструменты — BIM для контроля качества и сроков, системы ИИ для прогнозирования отклонений, GRC-платформы для автоматизации контроля;

7) осуществлять постоянный мониторинг и пересмотр — ежеквартальный анализ актуальности реестра, оценка эффективности мер, корректировка стратегии с учетом изменений внешней и внутренней среды.

Анализ проведенного исследования приводит к следующим заключениям. Первоначально риск-менеджмент в сфере архитектурно-проектной деятельности требует организации, основанной на принципах системности, постоянного совершенствования и интеграции, согласно требованиям ГОСТ Р ИСО 31000-2019 «Менеджмент риска. Принципы и руководство». Во-вторых, превалирующая практика многих организаций отличается недостатком структурированных методик и фрагментарным подходом, что порождает ощутимые угрозы для их финансовой стабильности. В-третьих, цифровизация, особенно внедрение BIM-технологий, является мощным фактором снижения проектных рисков — ошибки сокращаются на 30–80%, сроки и затраты — на 20–30 %. В-четвертых, экономический анализ демонстрирует, что капиталовложения в систему управления рисками окупаются многократно: прогнозируемый ущерб превосходит затраты в 5–15 раз. Наконец, результативность данного процесса обусловлена всесторонним подходом, охватывающим нормативно-правовую, организационную, технологическую и корпоративную составляющие.

Следовательно, системное управление рисками, подкрепленное цифровыми решениями, становится не просто защитным механизмом, а стратегическим инструментом повышения эффективности и устойчивости проектных организаций в условиях неопределенности. Внедрение предложенных рекомендаций позволит организациям не только локализовать потенциальные риски, но и сформировать на базе риск-менеджмента долгосрочное конкурентное преимущество.

Библиографический список

1. Батова И. Б. Классификация рисков и причины их возникновения // Международный студенческий научный вестник. — 2015. — № 1. — URL: https://eduherald.ru/article/view?id=11976&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 14.02.2026).
2. Третьяк В. В., Фейлинг Т. Б. Управление рисками предприятия: учеб. пособие. — СПб.: РГГМУ, 2022. — 156 с.

Н. В. Пестов

Московский университет «Синергия», г. Москва

Оценка социальной и бюджетной эффективности государственно-частного партнерства на основе конфигурационного подхода

Аннотация. В условиях социально-экономических трансформаций, связанных с бюджетной реструктуризацией, санкционным давлением и цифровизацией управления, механизмы государственно-частного партнерства становятся инструментом адаптации системы экономической безопасности к новым вызовам. На основе метода fsQCA выявлены три конфигурации условий, обеспечивающих высокую эффективность схем Pay-for-Performance. Р4Р-механизмы создают 3,8–5,2 р. социальной ценности на каждый инвестированный рубль при экономии бюджетных ресурсов на 19–27 %, формируя устойчивость социальной инфраструктуры в период структурной перестройки экономики.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; ГЧП; Pay-for-Performance; экономическая безопасность; социально-экономические трансформации; конфигурационный анализ; fsQCA.

Социально-экономические трансформации последних лет — бюджетная реструктуризация в условиях санкционного давления,

ускоренная цифровизация государственного управления, демографические изменения формируют качественно новую среду для обеспечения экономической безопасности. Роль государственно-частного партнерства (ГЧП) в обеспечении устойчивого развития социальных отраслей экономики заключается в том, что оно способствует устранению дисбаланса в бюджетных расходах на социальную инфраструктуру, повышению ее эффективности, а также стимулирует частную предпринимательскую инициативу в улучшении качества социальных услуг [1]. В этих условиях традиционные механизмы государственного финансирования инфраструктуры образования, здравоохранения и культуры теряют достаточность: они не обладают ни гибкостью, ни инвестиционным потенциалом, необходимыми для адаптации к трансформационным вызовам. ГЧП выступает механизмом такой адаптации — инструментом привлечения внебюджетных ресурсов при сохранении государственного контроля над социально значимыми активами. Нарастающий дефицит бюджетного финансирования формирует угрозу деградации человеческого капитала, который является ключевым фактором долгосрочной экономической безопасности страны.

Применение государственно-частного партнерства в отраслях социальной сферы направлено на экономию бюджетных ресурсов, при этом за государством сохраняется контроль за качеством исполнения частным партнером заключенного соглашения [1]. Традиционные схемы оплаты в ГЧП-проектах, ориентированные на доступность инфраструктуры, недостаточно стимулируют частных партнеров к повышению качества услуг. В период трансформации, когда государство вынуждено одновременно оптимизировать расходы и поддерживать качество социальных услуг, эта проблема приобретает особую остроту. Механизм *pay-for-performance* (P4P) представляет инновационную модель, при которой размер платежей напрямую связан с достижением заранее определенных показателей эффективности и удовлетворенности потребителей [2].

Международный опыт внедрения P4P в здравоохранении демонстрирует устойчивую связь между результативно-ориентированными платежами и ростом качества первичной медицинской помощи, прежде всего в части профилактики. Он дает основания рассматривать P4P не просто как инструмент контрактных отношений, но и как один из механизмов повышения отдачи государственных

расходов в социальной сфере, а значит, и как фактор экономической безопасности в период структурной перестройки.

Методологически исследование опирается на fsQCA, т. е. качественный сравнительный анализ на базе нечетких множеств. В отличие от регрессионных моделей, fsQCA не ищет среднего эффекта переменных, а выявляет комбинации условий, при которых результат достигается: каждый проект получает степень принадлежности к нечетким множествам в диапазоне от 0 до 1. Факторы систематизированы через ТОЕ-фреймворк. Технологический контекст охватывает мониторинговую инфраструктуру, организационный отражает компетенции участников партнерства, средовой характеризует состояние институциональной среды и уровень конкуренции на рынке. Для оценки социальной отдачи применялась методология SROI, позволяющая переводить широкий спектр социальных эффектов в денежный эквивалент.

Данные по 4 278 проектам социальной инфраструктуры показывают последовательный прирост эффективности по мере усложнения контрактной модели, что представлено в таблице. Проекты на основе контракта жизненного цикла с комплексным Р4Р демонстрируют SROI в диапазоне 3,8–5,2 против 1,8–2,1 при традиционных закупках. Значение PSC 0,73–0,81 означает, что бюджетные расходы сокращаются на 19–27 % при одновременном росте доли достижения KPI качества до 92–97 %.

Эффективность моделей финансирования проектов социальной инфраструктуры¹

Модель финансирования	Количество проектов	SROI	PSC	Достижение KPI, %
Традиционная закупка	1 247	1,8–2,1	1,00	73–82
Концессия без Р4Р	2 815	2,3–2,8	0,85–0,92	82–89
Концессия с Р4Р	127	3,2–4,1	0,78–0,84	89–94
Контракт жизненного цикла с комплексным Р4Р	89	3,8–5,2	0,73–0,81	92–97

Применение fsQCA к 78 ГЧП-проектам социальной направленности позволило выделить три конфигурации, при которых Р4Р-схемы показывают высокую эффективность (консистентность

¹ Составлено автором по результатам расчетов.

0,87–0,92, общий охват 0,71). Первая конфигурация носит технологически-институциональный характер и предполагает зрелую цифровую систему мониторинга в сочетании с качественной институциональной средой; компетенции участников могут быть средними, поскольку их частично компенсирует инфраструктурная база. Вторая конфигурация складывается там, где технологическая база еще не развита, но высокие компетенции команды проекта и реальная конкуренция на рынке берут на себя функцию контроля качества. Третья предполагает одновременно сильные позиции по всем трем контекстам ТОЕ и дает наиболее устойчивые результаты, однако встречается реже именно в силу требовательности к выполнению всех условий сразу.

Ключевой практический вывод состоит в следующем: не существует единственного пути к высокой эффективности Р4Р. Для российских регионов, разительно отличающихся по уровню цифровой зрелости и качеству институциональной среды, это принципиально важно. Регион не обязан дотягиваться до идеального стандарта по всем параметрам, а может выстраивать партнерство, опираясь на ту конфигурацию, которая соответствует его реальным возможностям. Практическая реализация любой из конфигураций в равной мере предполагает продуманную архитектуру распределения рисков между сторонами партнерства.

Оптимальное распределение рисков формирует структурную основу финансовой устойчивости Р4Р-проектов как элемента системы экономической безопасности. Операционные риски качества услуг передаются частному партнеру с прямым влиянием на Р4Р-платежи; макроэкономические и регуляторные риски сохраняются за государством с механизмами компенсации через минимальные гарантированные платежи и индексацию.

Внедрение Р4Р сопряжено с рядом барьеров:

- недостаточной развитостью систем мониторинга;
- ограниченным опытом органов власти в структурировании сложных контрактов;
- риском субъективности оценки качественных показателей.

Критическим условием успеха выступает создание независимой системы верификации на основе автоматизированного сбора данных, регулярных опросов потребителей и выборочных аудитов качества третьими лицами [3]. Поэтапная реализация, от процесс-

ных показателей к конечным социальным эффектам, снижает транзакционные издержки перехода и обеспечивает накопление институционального опыта, необходимого для масштабирования Р4Р-практики в российских условиях.

Таким образом, Р4Р-механизмы в проектах ГЧП представляют собой действенный инструмент обеспечения экономической безопасности в условиях социально-экономических трансформаций, сочетающий трехкратный прирост социальной отдачи с существенной бюджетной экономией по сравнению с традиционными закупочными моделями [1]. Внедрение конфигурационного подхода позволяет адаптировать оптимальные условия реализации Р4Р к конкретному институциональному контексту, что принципиально важно в условиях неоднородности трансформационных процессов в российских регионах. Поэтапная имплементация с опорой на независимую верификацию показателей и инструменты государственной поддержки¹ формирует устойчивую основу экономической безопасности в период структурной перестройки российской экономики.

Библиографический список

1. Еремина О. И., Родина Е. Е. Государственно-частное партнерство как инструмент финансирования социальной сферы в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — № 9-2. — С. 195–201.
2. Shi L., Li W., He Y. An Incentive Analysis of Availability Payment Mechanism in PPP Projects // IEEE Access. — 2020. — Vol. 8. — P. 106046–106058.
3. Yuan J., Wang C., Skibniewski M. J., Li Q. Developing key performance indicators for public-private partnership projects: questionnaire survey and analysis // Journal of management in engineering. — 2012. — Vol. 28, no. 3. — P. 252–264.

¹ Программа антикризисной поддержки региональных ГЧП-проектов / ВЭБ.РФ. — URL: <https://pppcenter.ru/press-tsentr/novosti/> (дата обращения: 30.03.2026).

Организация системы обеспечения финансовой безопасности предприятия сферы услуг

Аннотация. В статье исследуются теоретические и прикладные аспекты формирования системы финансовой безопасности на предприятиях сферы услуг. Были проанализированы ключевые задачи, функции и этапы построения защитного механизма, позволяющего минимизировать риски и угрозы в условиях рыночной нестабильности. Сформулированы рекомендации по организации непрерывного мониторинга финансового состояния для обеспечения долгосрочной устойчивости бизнеса.

Ключевые слова: финансовая безопасность; сфера услуг; экономическая устойчивость; мониторинг угроз; предприятие.

В текущих экономических условиях надежная защита финансовых интересов выступает обязательным условием долгосрочного существования и роста любого коммерческого предприятия. Для организаций, работающих в сфере услуг, этот вопрос приобретает первостепенное значение, поскольку их успешность напрямую зависит от нестабильности клиентского спроса, неосязаемости оказываемых благ и высокой доли человеческого капитала в бизнес-процессах. При этом финансовая безопасность понимается как степень устойчивости компании к внутренним и внешним рискам, обеспечивающая планомерное развитие и поддержание сбалансированного финансового положения [4].

Система финансовой безопасности в сервисном секторе призвана решать широкий спектр задач, направленных на сохранение активов и поддержание платежеспособности. Рассмотрим задачи системы обеспечения финансовой безопасности предприятия сферы услуг:

- прогнозирование возможных угроз финансовой безопасности предприятия;
- организация деятельности по предупреждению возможных угроз (превентивные меры) финансовой безопасности предприятия;
- выявление, анализ и оценка возникших реальных угроз финансовой безопасности предприятия;
- принятие решений и организация деятельности по реагированию на возникшие угрозы финансовой безопасности предприятия;

— постоянное совершенствование системы обеспечения финансовой безопасности предприятия.

Эффективно выстроенная система должна не только реагировать на возникшие инциденты, но и работать на опережение, выявляя потенциальные зоны риска.

Важным элементом системы безопасности является управление информационными потоками. В условиях цифровизации сферы услуг защита коммерческой тайны и персональных данных клиентов становится критически важным фактором конкурентоспособности. Механизм защиты включает в себя как технические средства, так и организационные меры [5].

Процесс построения комплексной системы защиты ресурсов реализуется в несколько последовательных этапов. На начальном этапе осуществляется формирование необходимых корпоративных ресурсов и подбор квалифицированного персонала. Далее следует разработка внутренней нормативно-правовой базы, которая регламентирует действия всех служб в штатных и чрезвычайных ситуациях. Особое место занимает создание системы оперативного мониторинга, позволяющей в режиме реального времени отслеживать отклонения ключевых финансовых показателей [2].

Организационная структура обеспечения финансовой безопасности в сервисной отрасли строится на объединении ряда функциональных компонентов, совместно создающих многоуровневую систему защиты предприятия. Визуализация данного механизма отражена на рисунке.

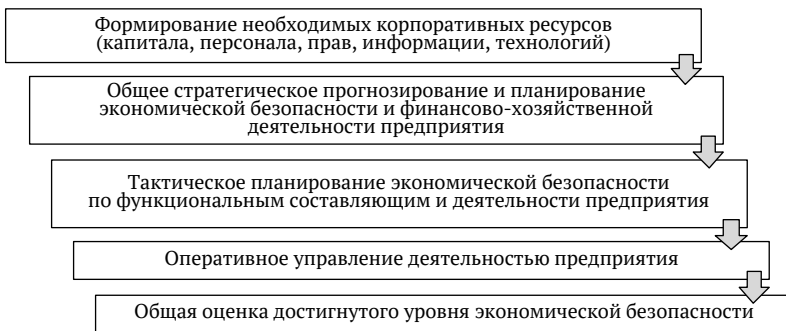

Схема организации системы финансовой безопасности предприятия [1]

Как показано на рисунке, процесс начинается с выделения целевого финансирования на нужды безопасности, после чего активизируются механизмы защиты имущества, интеллектуальных прав и кадрового состава. Важнейшим связующим звеном выступает информационно-аналитическая поддержка, которая аккумулирует данные о рыночной конъюнктуре, действиях конкурентов и внутреннем состоянии ресурсов. Это позволяет руководству принимать обоснованные управленческие решения, направленные на нейтрализацию выявленных угроз.

Для поддержания высокого уровня безопасности организации необходимо проводить регулярный аудит существующих механизмов защиты. Это включает в себя оценку эффективности использования капитала, проверку лояльности персонала и анализ защищенности ИТ-инфраструктуры. Только при условии непрерывности этого процесса можно гарантировать, что предприятие сохранит свою экономическую независимость и устойчивость к внешним шокам [3].

Таким образом, финансовая безопасность в сфере услуг — это не статичное состояние, а динамический процесс управления рисками. Внедрение комплексной модели защиты, охватывающей все уровни деятельности организации, позволяет не только минимизировать возможные убытки, но и создать условия для стабильного роста прибыли и укрепления позиций на рынке.

Библиографический список

1. Барашьян В. Ю., Лапоногова А. А., Белашова Т. П. Совершенствование системы управления финансовой безопасностью на основе оптимизации источников формирования финансовых ресурсов коммерческой организации // Электронный научный журнал «Вектор экономики». — 2020. — № 12. — URL: https://vectoreconomy.ru/images/publications/2020/12/financeand-credit/Barashyan_Laponogova_Belashova.pdf (дата обращения: 05.04.2026).
2. Блажевич О. Г., Кирильчук Н. А. Содержание понятия «финансовая безопасность предприятия» и формирование системы показателей для ее оценки // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. — 2015. — № 3. — С. 30–36.
3. Воротников А. Н. Влияние цифровых технологий на трансформацию бизнес-моделей и организационных структур современных предприятий // Вопросы природопользования. — 2024. — Т. 3, № 3. — С. 45–53.
4. Поздеева О. Г., Мельникова Е. А. Экономическая безопасность предприятия: понятие, сущность, особенности обеспечения // Механизм реализации стратегии социально-экономического развития государства: матери-

алы XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Махачкала, 25–26 сентября 2024 г.). — Махачкала: ДГТУ, 2024. — С. 355–357.

5. Сашкина Е. К. Влияние цифровизации финансовой сферы на экономическую безопасность // Молодой ученый. — 2025. — № 3 (554). — С. 349–352.

А. Ю. Титовец, Я. Р. Качусова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Оценка социально-демографических рисков Свердловской области

Аннотация. Статья посвящена актуальной и практически значимой проблеме — системной оценке социально-демографических рисков на региональном уровне. В статье на примере Свердловской области за 2020–2024 гг. проведена оценка ключевых социально-демографических рисков, включая заболеваемость, депопуляцию, сокращение трудоспособного населения, дисбаланс на рынке труда и низкую материальную обеспеченность. Авторами обосновано, что, несмотря на отдельные позитивные сдвиги (снижение официальной безработицы и доли населения с доходами ниже прожиточного минимума), в регионе сохраняется катастрофический уровень рисков, связанных с высокой заболеваемостью и устойчивой естественной убылью населения.

Ключевые слова: региональный риск; социальные риски; демографические риски; регион; оценка рисков.

Эффективное управление социально-экономическим развитием субъекта Российской Федерации в современных условиях невозможно без четкого понимания, систематизации и оценки всего спектра рисков, которым подвержена территория. Высокая изменчивость внешней среды, геополитическая нестабильность, изменение федерального законодательства ставят перед региональными органами власти сложную задачу по обеспечению устойчивого развития и выполнения всех взятых обязательств.

Несмотря на наличие значительных конкурентных преимуществ, таких как диверсифицированная промышленность, выгодное транспортно-логистическое положение и снижающийся государственный долг, в регионе присутствуют внутренние риски. Наиболее значимыми из них являются демографический кризис (проявляющийся в депопуляции, старении населения и миграционном оттоке молодежи) и структурные слабости экономики (низкая инновацион-

ная активность, зависимость от экспорта металлопродукции и высокая налоговая нагрузка).

Таким образом, ключевой проблемой социально-экономического развития Свердловской области является взаимное усиление демографических и экономических угроз. Депопуляция и старение населения подрывают основу экономического роста — человеческий капитал, тогда как низкие темпы технологической модернизации и зависимость от сырьевого экспорта усугубляют миграционный отток и снижают качество жизни.

Социально-демографические риски для региона — это угрозы, связанные с тенденциями в демографической сфере, которые негативно влияют на воспроизводство населения, формирование трудовых ресурсов и социально-экономическое развитие региона¹.

На основе показателей проведем анализ следующих рисков: высокий уровень заболеваемости, сокращение трудоспособного населения, устойчивая депопуляция населения, дисбаланс между спросом и предложением на рынке труда, низкая материальная обеспеченность населения (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Основные социально-демографические риски Свердловской области²

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Риск высокого уровня заболеваемости					
Первичная заболеваемость населения на 1 000 чел.	792,0	935,6	994,6	921,8	979,5
Из них: болезни органов дыхания	396,1	453,5	496,2	495,0	523,4
Риск сокращения трудоспособного населения					
Численность трудоспособного населения, чел.	2 384 551	2 364 584	2 399 910	2 368 832	2 401 652
Доля трудоспособного населения, % от общей численности	55,6	55,5	56,6	56,1	56,9
Коэффициент демографической нагрузки пожилыми	454	458	426	436	413

¹ Печеркина М. С. Региональный риск: понятие и виды // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии: материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф.: к 25-летию Гуманитарного университета (Екатеринбург, 12–13 апреля 2016), т. 2. — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. — С. 82–86.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: стат. сб. / Росстат. — М., 2024. — 1081 с.

Окончание табл. 1

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Коэффициент демографической нагрузки детьми	354	356	350	353	345
Риск дальнейшей устойчивой депопуляции населения					
Численность населения	4 289 467	4 263 691	4 239 161	4 222 695	4 221 452
Коэффициент естественного прироста населения на 1 000 чел.	-5,5	-7,9	-4,5	-4,2	-4,9
Суммарный коэффициент рождаемости, число детей на одну женщину	1,60	1,62	1,56	1,55	1,53
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	70,15	68,79	71,31	71,84	72,84
Риск дисбаланса между спросом и предложением на рынке труда					
Уровень безработицы	5,8	4,1	3,5	2,4	1,8
Коэффициент напряжения на рынке труда	5,6	0,6	0,5	0,28	0,22
Риск низкой материальной обеспеченности населения					
Доля населения с расходами ниже прожиточного минимума, %	8,6	8,3	8,1	7,6	5,9
Индекс потребительских цен, %	104,1	108,1	111,8	107,3	110,0
Коэффициент фондов	13,7	13,8	14,0	15,0	15,3
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, р.	37 452	40 281	47 109	53 413	64 648
Потребительские расходы в среднем на душу населения, р.	29 945	34 155	37 726	42 728	47 600

Анализ данных за 2020–2024 гг. показывает устойчивую негативную динамику по показателям заболеваемости населения Свердловской области, что свидетельствует о реализации высокого риска для общественного здоровья. Общая заболеваемость выросла на 23,7 %, достигнув 979,5 случаев на 1 000 чел., при этом регистрируется стремительный рост болезней органов дыхания — на 32,1 %. Ухудшение обстановки наблюдается и по рангу показателя, который показывает, что по сравнению с другими регионами заболеваемость населения Свердловской области стремительно растет.

Сложившаяся ситуация демонстрирует очень высокую вероятность риска, что влечет за собой значительные социально-экономические убытки. Основными факторами риска выступают неблагоприятная экологическая обстановка, характерная для промышленного региона, последствия пандемии, а также демографическое старение. Также, как и вероятность, заболеваемость населения несет высокий ущерб региону: снижение продолжительности и качества

жизни населения, рост нагрузки на систему здравоохранения и бюджет, потери ВРП из-за снижения производительности труда.

На основании таблицы можно сделать вывод о динамических изменениях в численности трудоспособного населения, к 2024 г. абсолютный показатель увеличился всего на 17 101 чел., что составляет всего 0,7 %. Несмотря на незначительный рост общей численности трудоспособного населения к 2024 г., его доля в общей структуре остается практически неизменной на уровне около 56 %, что указывает на стагнацию в условиях общего старения населения.

Необходимо обратить внимание на динамику коэффициента демографической нагрузки, который, хотя и снизился по итогам периода, остается высоким. Это означает, что на каждую тысячу человек рабочего возраста по-прежнему приходится более 750 чел. младше и старше трудоспособного возраста, что создает повышенное давление на систему социального обеспечения, здравоохранения и требует от бюджета высоких расходов. Снижение или стагнация коэффициента демографической нагрузки детьми говорит о плохой рождаемости, что в будущем приведет к еще большему дисбалансу населения.

Анализ показателей за 2020–2024 гг. позволяет определить высокий риск устойчивой депопуляции в Свердловской области. Абсолютная численность населения неуклонно сокращается, уменьшившись за пять лет на 68 015 чел., что свидетельствует о закреплении негативной демографической тенденции из-за естественной убыли. Суммарный коэффициент рождаемости очень низкий, 1,5 ребенка на одну женщину недостаточно для демографического роста, для него необходимо 2–3 ребенка на семью, т. е. 2,5 ребенка на одну женщину. Только при таких условиях будет обеспечен стабильный рост численности населения. Таким образом, ключевой риск заключается не в резкой убыли, а в постепенном ухудшении возрастной структуры, что подрывает долгосрочный трудовой и экономический потенциал региона.

За пять лет наблюдается структурный риск дефицита кадров. Уровень безработицы снизился с 5,8 % до рекордно низких 1,8 %, но низкая безработица имеет негативные последствия, например, дефицит кадров, который мы можем видеть по коэффициенту напряжения, также в условиях нехватки кадров компании становятся зависимы от имеющихся работников. Коэффициент напряженности

(число безработных на одну вакансию) упал с 5,6 до 0,22. В 2024 г. показатель означает, что 0,22 чел. претендуют на одну свободную вакансию, отсюда и возникает дисбаланс между спросом и предложением на рынке труда.

Из данных табл. 1 можно сделать вывод о смешанной ситуации с материальной обеспеченностью населения Свердловской области. С одной стороны, наблюдается позитивная динамика по отдельным показателям: доля населения с расходами ниже прожиточного минимума снизилась и в 2024 г. впервые опустилась ниже порогового значения в 7 %. Также зафиксирован существенный рост номинальных среднедушевых доходов (на 72,6 %) и потребительских расходов (на 59 %). Однако идет превышение индекса потребительских цен над пороговым значением в 105 % в четыре года из пяти, что указывает на устойчивую инфляцию. Наблюдается стабильный рост коэффициента фондов, характеризующего расслоение общества: с 13,7 до 15,3 раз, что почти вдвое превышает пороговое значение.

Проведенный анализ социально-демографических рисков Свердловской области за период 2020–2024 гг. выявил глубокий системный кризис, характеризующийся стабильным пребыванием ключевых показателей в катастрофической и критической зонах (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Зона социально-демографических рисков Свердловской области в 2020–2024 гг.

Риск	2020	2021	2022	2023	2024
Риск высокого уровня заболеваемости	Катастрофическая				
Риск сокращения трудоспособного населения	Критическая				
Риск дальнейшей устойчивой депопуляции населения	Катастрофическая				
Риск дисбаланса между спросом и предложением на рынке труда	Критическая		Катастрофическая		
Риск низкой материальной обеспеченности населения	Катастрофическая			Критическая	

Наиболее тревожным является тот факт, что риски высокой заболеваемости и устойчивой депопуляции на протяжении всех пяти лет сохраняют катастрофический уровень. При этом ситуация на

рынке труда последовательно ухудшилась, перейдя из критической в катастрофическую зону, что свидетельствует о нарастающем структурном дисбалансе между спросом и предложением рабочей силы.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило, что оценка рисков является комплексным и непрерывным процессом, требующим системного подхода.

О. Д. Угольников

Санкт-Петербургский экономический университет, г. Санкт-Петербург;

А. Л. Пастухов

*Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
г. Санкт-Петербург*

Обеспечение экономической безопасности в условиях социально-экономических трансформаций

Аннотация. В статье анализируются изменения содержания категории «экономическая безопасность» в условиях перманентной трансформации глобальных и национальных хозяйственных систем. Показан переход от статической защиты к динамической адаптивности (антихрупкости). Выделены структурные, институциональные и ценностные вызовы, предложена система опережающих индикаторов и три контура защиты (микро-, мезо-, макроуровень). Сформулированы практические рекомендации для лиц, принимающих решения.

Ключевые слова: экономическая безопасность; социально-экономическая трансформация; антихрупкость; индикаторы риска; промышленная политика; человеческий капитал; технологический суверенитет; социальные опасности и угрозы.

Современные национальные экономики функционируют в режиме «перманентной турбулентности»: пандемии, разрывы цепочек поставок, санкционные войны, цифровая революция и климатический переход накладываются друг на друга [1]. В этих условиях классическая трактовка экономической безопасности как простой защиты активов или стабильности курса национальной валюты оказывается несостоятельной. Цель статьи — обосновать новый концептуальный подход к обеспечению экономической безопасности, ориентированный не на изоляцию, а на управляемую адаптацию.

Природа современных трансформаций имеет несколько уровней. Социально-экономическую трансформацию нельзя сводить к циклическому кризису. Это смена «кода» функционирования си-

системы. Выделим три типа трансформаций, генерирующих специфические риски для безопасности.

Структурная трансформация (Индустрия 4.0 → 5.0) ведет к исчезновению целых отраслей и появлению новых. Угрозой становится технологическая безработица и разрыв в производительности между секторами. Страна, запаздывающая с переформатированием промышленности, теряет налоговую базу.

Институциональная трансформация выражается в переписывании правил мировой торговли (отказ от принципов ВТО, фрагментация рынков). Главный вызов — неопределенность долгосрочных контрактов, что парализует инвестиции.

Ценностно-социальная трансформация — изменение запросов населения (уход от карьероцентризма, рост самозанятости). Для бюджета это риск волатильности налоговых поступлений.

Экономическая безопасность в эпоху трансформаций — это управление скоростью изменений. Если институты меняются медленнее технологий, нарастает хаос, возрастает риск перехода социальных опасностей в социальные угрозы; если быстрее — возникает социальное отторжение, повторяется ситуация риска перехода социальных опасностей в угрозы.

Классическая теория предполагала, что безопасность достигается изоляцией от внешних шоков (протекционизм, золотовалютные резервы). Однако полная изоляция ведет к деградации (пример КНДР). Современная аксиома: безопасность = антихрупкость. Антихрупкая система не просто выдерживает стресс, а становится лучше за счет него [2].

На практике это означает:

- диверсификацию поставщиков вместо запрета импорта;
- управляемую волатильность курса при наличии инструментов хеджирования;
- регуляторные песочницы для тестирования новых финансовых технологий.

Российский опыт 2022–2026 гг. показал элементы антихрупкости: параллельный импорт, перенастройка платежей через криптовалюты и дружественные банки, мобилизационная перестройка промышленности. Цена такого подхода — милитаризация бюджета, отвлекающая ресурсы от гражданского сектора. Это компромисс, неизбежный при резких трансформациях. Термин «антихрупкость» вве-

ден в экономический и научный оборот Н. Н. Талебом как «способность меняться в лучшую сторону в стрессовой ситуации» [2]. Понятие «хрупкий» (brittle) было использовано при описании модели bani-мира, пришедшей на смену vuga-модели [3].

Опережающие индикаторы угроз имеют различные формы и характеристики:

1) традиционные макропоказатели (ВВП, инфляция, безработица) запаздывают. Для раннего предупреждения необходимы иные индикаторы;

2) финансовые пузыри: кредитный разрыв (Credit-to-GDP gap) — если кредитование частного сектора растет на 10 % быстрее ВВП в течение двух лет, вероятность кризиса высока. Спред между доходностью государственных облигаций и корпоративных бондов более 3 % сигнализирует о бегстве от риска;

3) социальные диспропорции: индекс Джини в динамике (опасный порог больше 0,45); молодежная безработица выше 20 % — триггер протестов; отток населения из моногородов, где градообразующее предприятие закрывается;

4) критический импорт: зависимость по продовольствию, микрочипам, фармацевтическим субстанциям. Коэффициент зависимости выше 60 % по любой из этих позиций делает страну уязвимой для внешнего шантажа.

Все они отражают, включают потенциальные риски социальных угроз.

Представим описание механизмов обеспечения безопасности предприятий.

Отрицательный операционный рычаг. Это означает, что доля переменных издержек в структуре себестоимости должна быть высокой, а постоянных — низкой. Вместо собственных складов — аренда (3PL-операторы), вместо штатных водителей — крауд-логистика, вместо покупки станков — лизинг с правом возврата. В российской практике компании, работавшие по модели «производство на заказ» (ОЕМ), легче пережили разрыв импортных компонентов, чем вертикально интегрированные гиганты.

Пути укрепления микроуровня домохозяйств:

— внедрение автоматических механизмов сбережения (налоговый вычет при открытии индивидуального инвестиционного счета с долгосрочным горизонтом);

— развитие микрострахования от потери дохода (государственно-частное партнерство, где страховка на 3 мес. частично субсидируется);

— программы финансовой грамотности, ориентированные не на абстрактное инвестирование, а на создание «резерва на черный день».

На мезоуровне необходимо изменение промышленной политики. Традиционная политика импортозамещения (например, в России 2014–2020 гг.) исходила из представления о необходимости производить критически значимую продукцию внутри страны. Это привело к созданию дорогой, неконкурентоспособной продукции и технологическому отставанию в некритических, но важных секторах (например, станкостроение — удалось заместить лишь 30 % номенклатуры, и то с двукратным удорожанием).

Новая формула мезобезопасности предполагает обеспечение технологического суверенитета в критически значимых отраслях в сочетании с инновационной открытостью в других отраслях.

На макроуровне экономическая безопасность обеспечивается государственными и институциональными инструментами, которые находятся исключительно в распоряжении центрального банка, министерства финансов и правительства. В условиях трансформации классическая либеральная доктрина (государство не вмешивается, рынок сам найдет равновесие) работает против безопасности. Но и тотальный государственный капитализм (как в СССР) убивает адаптивность.

На современном уровне глобального экономического развития можно выделить четыре ключевых инструмента макробезопасности:

1) динамическое бюджетное правило. В стабильные годы — профицит и накопление резервов (ФНБ, золотовалютные). В момент трансформационного шока — автоматический переход к дефициту до 3–5 % ВВП с направлением средств на три цели:

а) прямое субсидирование переобучения работников уволенных отраслей;

б) строительство альтернативной инфраструктуры (например, портов и железнодорожных веток для разворота экспорта с Запада на Восток);

в) капитализацию системообразующих банков. Пример: Германия в 2020 г. потратила 130 млрд евро на *Kurzarbeit* и сохранила занятость;

2) селективный валютный контроль без тотального запрета. Полное открытие капитального счета в трансформацию ведет к бегству капитала и обвалу курса (Аргентина в 2023 г.). Полная изоляция — к черному рынку и множественному курсу (Венесуэла). Компромисс: устанавливается коридор курса (например, 90–100 р./долл.), вводится обязательная продажа валютной выручки экспортерами (например, 50 %), разрешен вывоз дивидендов не более 10 % от чистой прибыли, но прямые иностранные инвестиции в обрабатывающий сектор не ограничиваются. Такой режим работал в России в 2022–2023 гг. и позволил избежать коллапса рубля;

3) резервная система социальных контрактов (вместо массовых пособий). Раздача денег всем подряд (как в США во время COVID — чеки по 1 200 долл.) разгоняет инфляцию и порождает иждивенчество. Альтернатива: государство заключает с потерявшим работу человеком социальный контракт: ваучер на переобучение (до 200 тыс. р.) + субсидия на время учебы (50 % от МРОТ) + обязательство отработать 1 год по новой специальности в регионе, где есть дефицит кадров. Это гасит протестный потенциал и закрывает структурные разрывы на рынке труда;

4) стресс-тестирование инфраструктуры и системообразующих предприятий. Регулярные, не реже одного раза в год, учения по разработанным сценариям с реализацией таких моделей, как «отключение электроснабжения», «блокировка спутниковой навигации», «заморозка страховок перевозки грузов» и др.

Краткое сопоставление подходов к безопасности в условиях трансформации представлено в таблице.

Сопоставление подходов к безопасности в условиях трансформации

Страна	Вызов	Модель	Риск
Китай	Переход к внутреннему потреблению, старение населения	«Две циркуляции»: внутренний рынок как якорь, валютный контроль	Неравенство (Джини > 0,47)
Евросоюз (Германия)	Зеленый переход, отказ от дешевого газа	Фонд NextGenerationEU, субсидии на переобучение	Деиндустриализация из-за дорогой энергии
Россия	Санкционный шок, перестройка экспорта	Мобилизационная экономика + параллельный импорт	«Голландская болезнь наоборот» — укрепление рубля убивает несырьевой экспорт

Общее правило: во всех трех случаях государство усилило свою роль. Дискуссионным остается качество этого усиления — скорость решений, уровень коррупции, обратная связь с бизнесом.

Формулируем пять шагов. Основные действия по обеспечению безопасности в современных условиях должны включать:

1) диагностику доминирующего типа трансформации (технологическая, геополитическая или социально-демографическая);

2) определение периметра критических компетенций — 50–100 товаров и технологий, по которым необходим абсолютный суверенитет (продовольствие, энергия, оборона, связь). По остальным — глубокая кооперация;

3) внедрение динамических индикаторов в реальном времени (потребление электроэнергии промпредприятиями, загрузка портов, число резюме на онлайн-платформах);

4) Законодательное закрепление права на переобучение раз в семь лет за счет государства (индивидуальные образовательные счета);

5) регулярное стресс-тестирование институтов по сценариям («отключение SWIFT», «запрет экспорта зерна», «обвальная цена нефти»).

Экономическая безопасность в условиях социально-экономических трансформаций — это не щит и не крепостная стена. Это способность системы перестраиваться, сжиматься в одних точках и наращивать потенциал в других. Формула безопасности: скорость институциональной реакции × доверие населения / технологическое отставание по критическим позициям. Пока числитель растет быстрее знаменателя, система жизнеспособна. Руководителям предстоит освоить роль координатора, который не блокирует изменения, а страхует риски перехода. Нейтрализация или минимизация рисков рассмотренного перехода приводит к соответствующим результатам — нейтрализации или минимизации рисков социальных угроз.

Библиографический список

1. Бауман З. Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
2. Талей Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. — М.: Ко-Либри, 2014. — 768 с.
3. Угольников О. Д., Ризов А. Д. Минимизация рисков и угроз в условиях вапу-мира // Теория и практика управления предпринимательскими структурами в современных условиях. — СПб.: СПбУТУиЭ, 2023. — С. 75–80.

Применение нейросетевых моделей для прогнозирования доходности инвестиционного портфеля коммерческого банка в контексте обеспечения экономической безопасности

Аннотация. Высокая волатильность финансовых рынков и нарастающий спектр угроз устойчивости кредитных организаций обуславливают потребность в прогнозном инструментарии, превосходящем возможности традиционных эконометрических методов. В статье обосновывается, что нейросетевые архитектуры (LSTM, GRU, MLP), интегрированные в систему портфельного управления коммерческого банка, способны выступить действенным механизмом раннего выявления и нейтрализации рисков, подрывающих экономическую безопасность организации.

Ключевые слова: нейросетевые модели; инвестиционный портфель; коммерческий банк; экономическая безопасность; прогнозирование доходности; LSTM; управление активами; фондовый рынок.

Формирование и управление инвестиционным портфелем коммерческого банка в условиях высокой волатильности финансовых рынков представляет собой задачу, непосредственно затрагивающую параметры экономической безопасности кредитной организации, поскольку непрогнозируемое снижение доходности портфеля способно каскадно подорвать достаточность капитала, ликвидность и устойчивость банка в целом. Традиционные подходы к портфельному управлению, основанные на теории Марковица и линейных эконометрических моделях типа ARIMA и GARCH, демонстрируют существенные ограничения при работе с нестационарными временными рядами, характерными для современных финансовых рынков [5]. Подобная ограниченность прогнозного инструментария формирует самостоятельную угрозу экономической безопасности банка, поскольку запаздывающая реакция на рыночные сдвиги влечет накопление скрытых убытков, обнаруживающихся лишь при реализации стрессового сценария. В условиях цифровой трансформации банковского сектора нейросетевые модели становятся перспективным инструментом не только для повышения точности прогнозирования доходности портфельных инвестиций, но и для раннего выявления угроз финансовой устойчивости кредитной организации, что определяет актуальность настоящего исследования. Исследование

архитектур MLP, RNN, LSTM и CNN показало, что гибридные модели, объединяющие статистические и нейросетевые методы, позволяют существенно повысить точность прогнозирования финансовых показателей [5]. Повышение прогнозной точности имеет институциональное значение для экономической безопасности банка, поскольку сокращение горизонта неопределенности позволяет заблаговременно корректировать структуру портфеля, предотвращая реализацию системных рисков.

Сравнительный анализ моделей ARIMA и LSTM на примере котировок акций российских компаний (ПАО «АЛРОСА», ПАО «Газпром», ПАО «КАМАЗ», ПАО «НЛМК», ПАО «НК «Роснефть», Банк ВТБ (ПАО), МКПАО «Яндекс») подтвердил превосходство LSTM-модели со снижением RMSE на 65 % [1], что с позиции экономической безопасности существенно сужает зону прогнозной неопределенности. Проверка гипотезы о превосходстве LSTM при моделировании волатильности фондового рынка по сравнению с моделями ARIMA и ARFIMA также подтвердила, что LSTM-сети способны прогнозировать динамику доходностей и применяться для оптимизации алгоритмов ребалансировки портфелей и моделирования риск-метрик [7].

Анализ возможностей соединения портфельной модели Марковица с методами машинного обучения продемонстрировал, что построение прогноза ожидаемой доходности на основе нейросетевых алгоритмов при дальнейшем определении оптимальных весов портфеля позволяет значимо повысить соотношение доходности к волатильности [4]. Оптимизация указанного соотношения непосредственно укрепляет экономическую безопасность банка, формируя устойчивый профиль доходности, способный абсорбировать внешние шоки, и трансформируя систему экономической безопасности кредитной организации из реактивной в проактивную. Инвестиционная деятельность коммерческого банка сопряжена с высоким уровнем риска и требует непрерывного мониторинга структуры портфеля ценных бумаг.

Портфельное управление представляет собой процесс постоянного анализа рыночной конъюнктуры и принятия решений, направленных на контроль рисков и поддержание стабильной доходности [6]. С позиции экономической безопасности приоритетом служит не максимизация доходности как таковая, а ее устойчивость во времени. Резкие колебания финансового результата подрывают доверие

контрагентов и способны спровоцировать цепную реакцию, затрагивающую ликвидность банка и выполнение им пруденциальных нормативов.

Цифровизация финансового сектора ставит перед банками задачу освоения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сфере принятия инвестиционных решений. Для кредитных организаций, рассматривающих защиту экономической безопасности как стратегический приоритет, внедрение ИИ перестает быть факультативным. Российский банковский сектор подтверждает данный тезис. По данным Банка России, ИИ применяет уже каждая пятая организация финансового рынка. Совокупные инвестиции банков в соответствующие технологии по итогам 2024 г. достигли 56,8 млрд р., а расходы ведущего российского банка на развитие генеративного ИИ в 2024–2026 гг. оцениваются в 600 млрд р. Банки, не вкладывающие средства в подобные разработки, рискуют утратить способность адекватно оценивать рыночные угрозы, что само по себе становится фактором уязвимости их экономической безопасности.

Среди нейросетевых архитектур, применяемых для прогнозирования доходности инвестиционного портфеля, целесообразно выделить модели LSTM (long short-term memory). За счет механизмов долговременной памяти эти модели показывают наибольшую точность при моделировании нелинейных закономерностей в динамике доходности ценных бумаг. LSTM-сети улавливают долгосрочные зависимости и позволяют выявлять структурные сдвиги в рыночной конъюнктуре на ранних стадиях, выполняя тем самым функцию раннего предупреждения в системе экономической безопасности банка.

Внедрение нейросетевых моделей в инвестиционный процесс включает несколько последовательных этапов. На первом формируется обучающая выборка на основе ретроспективных данных о доходности активов, макроэкономических показателей и индикаторов технического анализа. От качества входных данных напрямую зависит точность прогнозов [3], а любое искажение входной информации транслируется в систематическую ошибку оценки рисков. Поэтому верификация полноты и достоверности данных является первичным условием надежности всей модели и экономической безопасности банка. Второй этап предполагает обучение нейронной сети методом обратного распространения ошибки. Верификация результатов на тестовой выборке завершает процесс и имеет принципиальное зна-

чение, поскольку ложноположительный прогноз доходности маскирует нарастающие угрозы и ведет к принятию заведомо убыточных решений.

Портфели, сформированные с опорой на рекомендации нейросетевых моделей, способны превосходить результаты традиционных стратегий на 10–30 п. п. доходности при сопоставимом уровне риска, формируя дополнительный запас финансовой прочности банка. На российском фондовом рынке, отличающемся повышенной волатильностью вследствие геополитических факторов и санкционного давления, точное прогнозирование превращается в один из ключевых инструментов защиты экономической безопасности. Перспективным направлением остаются гибридные модели, совмещающие достоинства различных методов машинного обучения [2]. Так, комбинирование нейронных сетей для прогнозирования тренда с классическими моделями ARIMA для учета сезонности показывает устойчивые результаты при работе с финансовыми временными рядами [8]. Подобный подход позволяет задействовать нейросеть для оценки ожидаемой доходности, а классический аппарат модели Марковица применять для оптимизации весов портфеля с учетом регуляторных ограничений, обеспечивая тем самым целостность системы экономической безопасности коммерческого банка.

Подобный гибридный подход встраивает нейросетевое прогнозирование в контур обеспечения экономической безопасности банка без нарушения существующей регуляторной архитектуры, формируя многоуровневую систему, в которой каждый уровень компенсирует потенциальные недостатки другого. Нейросетевые архитектуры, в первую очередь LSTM и GRU, обладают значительным потенциалом для повышения точности прогнозирования финансовых показателей и формирования проактивной системы выявления угроз портфельной устойчивости. Интеграция нейросетевого прогнозирования в систему портфельного управления должна осуществляться в рамках гибридного подхода, сочетающего нейросетевые алгоритмы с классическими методами оптимизации и регуляторными ограничениями, что обеспечивает баланс между инновационностью инструментария и институциональными требованиями экономической безопасности.

Библиографический список

1. Алжеев А. В., Кочкаров Р. А. Сравнительный анализ прогнозных моделей ARIMA и LSTM на примере акций российских компаний // Финансы: теория и практика. — 2020. — Т. 24, № 1. — С. 14–23.
2. Балаян В. С. Развитие искусственного интеллекта в банковской сфере: возможности и вызовы // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2024. — № 4-1 (110). — С. 39–44.
3. Буханец А. К., Дудник Д. А., Косникова О. В. Гибридные модели машинного обучения для анализа финансовых рынков // Прикладные экономические исследования. — 2024. — № 1. — С. 27–35.
4. Добрина М. В., Чернов В. П. Оптимизация и прогнозирование портфеля ценных бумаг на основе методов машинного обучения // Проблемы экономики и юридической практики. — 2024. — Т. 20, № 4. — С. 258–267.
5. Косников С. Н., Полещук М. А., Джамалян А. Г. Нейросетевые подходы и методы моделирования финансовых рынков // Индустриальная экономика. — 2024. — № S1. — С. 83–88.
6. Кузнецова Е. А., Винникова И. С., Жомина Т. А. Специфика формирования и управления инвестиционным портфелем банковской организации // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2019. — № 4 (38). — С. 150–156.
7. Патласов Д. А., Гарафутдинов Р. В. Применение нейронных сетей архитектуры LSTM для моделирования волатильности фондового рынка // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. — 2024. — Т. 19, № 1. — С. 41–51.
8. Пашшоев Б., Петрусевич Д. А. Анализ нейросетевых моделей для прогнозирования временных рядов // Russian technological journal. — 2024. — Т. 12, № 4. — С. 106–116.

СЕКЦИЯ 2

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

О. Г. Бельдина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Технологическая независимость как основа безопасности критической информационной инфраструктуры: новые векторы правового регулирования

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные изменения российского законодательства в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры, принятые в 2025 г. Анализируется концепция технологической независимости как фундаментальный принцип защиты критической информационной инфраструктуры в условиях санкционного давления и цифровой трансформации. Особое внимание уделяется новым требованиям к субъектам критической информационной инфраструктуры, включая обязанность использования отечественного программного обеспечения, усиление взаимодействия с Государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак, введение отраслевых перечней типовых объектов критической информационной инфраструктуры. На основе анализа научных источников и правоприменительной практики делаются выводы о перспективах развития регулирования и возможных рисках, связанных с цифровизацией.

Ключевые слова: критическая информационная инфраструктура; технологическая независимость; безопасность КИИ; импортозамещение; правовое регулирование; ГосСОПКА; искусственный интеллект.

В условиях стремительной цифровизации экономики и государственного управления критическая информационная инфраструктура (КИИ) становится одним из ключевых объектов защиты от киберугроз. Российская Федерация, столкнувшись с беспрецедентным санкционным давлением и ростом числа компьютерных атак, вынуждена пересматривать подходы к обеспечению безопасности КИИ.

Как справедливо отмечается в современной юридической литературе, «информационная война все больше активизируется посредством деструктивного информационно-психологического воздействия на население, дезинформации и фейков, манипуляции массовым сознанием», что требует скорейшей и адекватной реакции государства [5]. Принятый в 2017 г. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» заложил основы правового регулирования, однако стремительно меняющаяся геополитическая обстановка потребовала его корректировки. В 2025 г. вступили в силу существенные поправки¹, направленные на усиление технологической независимости и киберустойчивости объектов КИИ.

Концепция технологической независимости в сфере КИИ получила развитие после утверждения Указа Президента РФ от 30 марта 2022 г. № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры». Данный документ определил необходимость перехода на преимущественное использование российского программного обеспечения, оборудования и телекоммуникационных средств на объектах КИИ. Как справедливо отмечают Г. П. Гавдан и соавторы, «технологическая независимость является не самоцелью, а необходимым условием для обеспечения реальной управляемости и предсказуемости поведения информационных систем, особенно в условиях гибридных войн» [4, с. 45].

До 2025 г. требования к использованию отечественного программного обеспечения на объектах КИИ носили скорее рекомендательный характер либо были размыты в подзаконных актах. Ситуация изменилась с принятием Федерального закона от 7 апреля 2025 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации,»,», который ввел четкую обязанность субъектов КИИ использовать на значимых объектах исключительно программное обеспечение из Единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных. Данная

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: федер. закон от 7 апреля 2025 г. № 58-ФЗ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон 31 июля 2025 г. № 325-ФЗ.

норма, вступившая в силу с 1 сентября 2025 г., фактически запрещает эксплуатацию иностранного программного обеспечения на объектах, включенных в реестр значимых объектов КИИ.

Дополнительным инструментом обеспечения технологической независимости стало введение перечней типовых отраслевых объектов КИИ, утверждаемых Правительством РФ. Как указывают Н. Аристова и П. Быченко, «появление специфических стандартов для отдельных сегментов рынка позволит сделать требования более точечными, а компании смогут выстраивать диалог с регуляторами, обозначая спорные вопросы» [1, с. 89]. Важно подчеркнуть, что ранее процесс идентификации объектов КИИ и присвоения им категории значимости был прерогативой самого субъекта, что на практике создавало риски как некатегорирования объектов, так и избыточного отнесения к КИИ. Как отмечается в научной литературе, «именно идентификация критической информационной инфраструктуры — это первый шаг в процессе обеспечения безопасности и защиты» [5, с. 621]. Введение типовых перечней существенно снижает эти риски, поскольку у ФСТЭК России появляется возможность адресно проверять организации с определенными кодами ОКВЭД и ставить под сомнение обоснованность отсутствия у них категорированных объектов [1]. Проект такого перечня для банковской сферы уже включает 19 типов объектов, включая автоматизированные банковские системы, системы дистанционного обслуживания, процессинговые центры и др.

Поправки 2025 г. значительно расширили круг лиц, на которых распространяются требования законодательства о КИИ. В частности, обязанности по непрерывному взаимодействию с Государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА) и информированию о компьютерных атаках теперь возложены не только на субъектов КИИ, но и на руководителей государственных органов, государственных унитарных предприятий, учреждений и корпораций, а также на юридических лиц, находящихся под контролем Российской Федерации. Такое расширение субъектного состава направлено на создание единой системы мониторинга и реагирования на киберинциденты в масштабах всей страны. Ранее перечень субъектов КИИ уже был дополнен сферами государственной регистрации прав на недвижимость, что также отражает тенденцию на расширение охвата регулирования [5].

Важным нововведением стала обязанность использовать на значимых объектах КИИ программно-аппаратные средства, соответствующие требованиям, установленным Правительством РФ. При этом сроки перехода будут определены отдельными подзаконными актами. По мнению Н. Н. Башлуевой, «переход на отечественные программно-аппаратные комплексы требует не только значительных финансовых затрат, но и перестройки бизнес-процессов, а также подготовки квалифицированных кадров» [2, с. 122].

Непрерывное взаимодействие с ГосСОПКА предполагает установку на объектах КИИ специальных средств обнаружения компьютерных атак, включая средства поиска признаков атак в сетях электросвязи. Как отмечают В.В. Юров и соавторы, «национальная навигационно-связная экосистема должна обеспечить гарантированное функционирование объектов КИИ даже при попытках внешнего деструктивного воздействия» [6, с. 28]. Технические условия установки и эксплуатации таких средств утверждаются уполномоченным органом (ФСБ России) по согласованию с регуляторами (в банковской сфере — с Банком России). Усиление требований к субъектам КИИ сопровождается ужесточением ответственности за их нарушение. Кодекс об административных правонарушениях РФ предусматривает штрафы до 500 тыс. р. для юридических лиц и до 50 тыс. р. для должностных лиц (ст. 13.12.1). При наступлении тяжких последствий возможна уголовная ответственность по ст. 274.1 УК РФ с лишением свободы до пяти лет и штрафом до 1 млн р. Кроме того, как сообщают СМИ, Минцифры готовит законопроект о введении оборотных штрафов за просрочку перехода на отечественное программное обеспечение на значимых объектах КИИ¹.

Однако ужесточение фискальных санкций не решает более глубокую проблему, связанную с внедрением технологий ИИ в деятельность субъектов КИИ, особенно в финансовом секторе. По статистике, 95 % российских финтех-компаний уже используют цифровые технологии, включая ИИ для кредитного скоринга, AML-контроля, речевой аналитики и выявления мошеннических транзакций [3]. Такое повсеместное внедрение самообучающихся систем порождает новые вызовы, не урегулированные действующим правом.

¹ Минцифры предложило оборотные штрафы за просрочку перевода значимых объектов КИИ на российское ПО // Интерфакс. — 2025. — 11 ноябрь. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/> (дата обращения: 16.03.2026).

Форсированная цифровизация и использование алгоритмов, способных к самостоятельному принятию решений, несут в себе риски, выходящие за рамки традиционных кибератак. Как показывает практика, даже временный сбой в работе информационных систем может иметь катастрофические последствия. Так, кибератака на Единую автоматизированную информационную систему таможенных органов в апреле 2023 г. на два дня парализовала таможенное оформление грузов по всей стране, что стало возможным в том числе из-за отказа от бумажного документооборота [5]. Однако сегодня угроза исходит не только от внешних злоумышленников, но и от потенциальных ошибок или непредсказуемого поведения самого ИИ. В связи с этим в научной литературе обоснованно ставится вопрос о недостаточности правовой регламентации серьезных угроз, связанных с действиями искусственного интеллекта, включая проблемы определения его правосубъектности, формы вины и, как следствие, субъекта ответственности за причиненный вред [3]. Общественная опасность деяний в сфере компьютерной информации, по мнению исследователей, на сегодняшний день недооценена [3].

Таким образом, помимо задачи импортозамещения, перед законодателем стоит не менее сложная задача: создать правовые механизмы, регламентирующие рамки ответственности за ошибки ИИ и обеспечивающие защиту прав потребителей финансовых услуг. Необходима разработка четких процедур тестирования и оценки для предотвращения ошибок, допущенных при использовании нейросетей, а также обеспечение прозрачности в использовании персональных данных клиентов [3]. Решение этих вопросов требует комплексного подхода, объединяющего как совершенствование законодательства о КИИ, так и принятие специальных норм, регулирующих оборот и применение технологий искусственного интеллекта.

Проведенный анализ показывает, что изменения законодательства о КИИ 2025 г. последовательно реализуют стратегию технологической независимости как основы безопасности. Введение обязательного использования отечественного программного обеспечения, расширение субъектного состава, детализация объектов КИИ по отраслям, усиление взаимодействия с ГосСОПКА — все эти меры направлены на создание целостной системы защиты критической инфраструктуры от киберугроз. Вместе с тем сохраняется ряд проблем: необходимость разработки подзаконных актов, высокие фи-

нансовые затраты на переход, дефицит квалифицированных кадров, риски несовместимости отечественных решений, а также новые уязвимости, порождаемые внедрением систем искусственного интеллекта, правовой статус которых до сих пор не определен.

Для субъектов КИИ, особенно в банковской сфере, ключевыми задачами на ближайшую перспективу становятся своевременное категорирование объектов с учетом отраслевых перечней, миграция на разрешенное программное обеспечение и программно-аппаратные средства, обеспечение непрерывного мониторинга и взаимодействия с ГосСОПКА, а также участие в выработке стандартов ответственного применения ИИ. Решение этих задач позволит не только выполнить требования закона, но и повысить общую киберустойчивость организаций, что в условиях современных вызовов является безусловным приоритетом.

Библиографический список

1. Аристова Н., Быченко П. Изменения в регулировании критической информационной инфраструктуры: тенденция на локализацию ПО усиливается // Внутренний контроль в кредитной организации. — 2025. — № 4. — С. 86–91.
2. Башлуева Н. Н. Отличительные особенности цифровизации в обеспечении критической информационной инфраструктуры РФ // Вопросы политологии. — 2025. — Т. 15, № 4. — С. 120–129.
3. Бурлака С. Н. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта в сфере банковского и финансового технологического сектора // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 марта 2024 г.). — Екатеринбург: УрГЭУ, 2024. — С. 86–90.
4. Гавдан Г. П., Голубев А. А., Жуков И. Ю. и др. Управление безопасностью государственных информационных систем как объектов критической информационной инфраструктуры // Безопасность информационных технологий. — 2025. — Т. 32, № 3. — С. 44–58.
5. *Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: монография* / Н. С. Волкова, А. А. Ефремов, С. М. Зырянов и др.; отв. ред. Л. К. Терещенко. — М.: Инфотропик Медиа, 2024. — 352 с.
6. Юров В. В., Кондрашов З. К., Старовойтов Е. И. Национальная навигационно-связная экосистема для защиты критической информационной инфраструктуры // Безопасность информационных технологий. — 2025. — Т. 32, № 1. — С. 26–37.

С. Н. Бурлака

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы правового регулирования антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности в контексте их влияния на экономическую безопасность России

Аннотация. В статье анализируются проблемы правового регулирования антимонопольных иммунитетов для правообладателей интеллектуальной собственности в контексте их влияния на экономическую безопасность в России. Актуальность темы исследования заключается в наличии на сегодняшний момент острой необходимости изменения регламентирования этой сферы экономики в целях минимизации угроз для экономической безопасности России. Говорится об основных тенденциях развития права и практики его применения. При этом анализируются как положительные, так и негативные аспекты антимонопольных исключений в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: экономическая безопасность; угрозы безопасности; антимонопольные иммунитеты; интеллектуальная собственность; антимонопольное регулирование; доминирующее положение.

Уже не первый год ведется обсуждение необходимости отмены или ограничения антимонопольных иммунитетов для правообладателей интеллектуальной собственности. Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) неоднократно предлагала отменить указанные иммунитеты, но встречала большое сопротивление со стороны предпринимателей. Однако сейчас этот вопрос приобрел новую актуальность в связи с подготовкой поправок к Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Законодательная инициатива в это раз касается только ограничения иммунитетов.

Предлагаемые изменения вызвали огромный общественный резонанс. Многие отраслевые объединения выступили с заявлениями о необходимости сохранения текущих иммунитетов, мотивируя это необходимостью стимулирования развития IT-отрасли, защиты инвестиций в разработку и поддержания конкурентоспособности отечественных производителей на фоне санкционного давления. Но тем не менее в настоящий момент на фоне ухода с российского рынка иностранных поставщиков цены на программное обеспече-

ние и цифровые сервисы постоянно растут, что крайне неблагоприятно отражается на экономической безопасности нашей страны. Но при этом необходимо отметить, что наличие механизма антимонопольных иммунитетов для интеллектуальной собственности оказывает двоякое (как негативное, так и позитивное) влияние на экономическую безопасность России.

Антимонопольные иммунитеты для интеллектуальной собственности — это правовые механизмы, которые ограничивают применение антимонопольного законодательства к владельцам патентов, авторских прав или других объектов интеллектуальной собственности. Действующая редакция Федерального закона от 26 июля 2006 г. «О защите конкуренции» позволяет правообладателям интеллектуальной собственности, в том числе разработчикам программного обеспечения, устанавливать условия использования своих продуктов без риска быть привлеченными к антимонопольной ответственности. В результате действия, которые в других сферах были бы расценены как злоупотребление доминирующим положением, в сфере интеллектуальной собственности остаются вне зоны антимонопольного контроля.

Несомненно, такие механизмы являются необходимыми и полезными для рынка. Так, наличие антимонопольных иммунитетов имеет следующие положительные моменты в контексте их влияния на экономическую безопасность в нашей стране:

- способствует привлечению инвестиций в стратегически важные отрасли с высоким порогом барьеров входа и длинными циклами окупаемости (фармацевтика, машиностроение, энергоэффективные технологии и т. д.);

- оказывает поддержку национальных стратегических проектов в условиях фокусирования на импортозамещении и развитии локальных экосистем;

- позволяют крупным игрокам инвестировать в долгосрочные исследования и разработку без риска немедленного разрушения рыночной цены за счет конкурентов, что может ускорить создание прорывных технологий и фундаментальных открытий [3];

- способствуют развитию региональных инновационных кластеров, так как предсказуемые правила могут сделать регионы более привлекательными для инвесторов и стартапов, поддерживая создание рабочих мест и передачу технологий;

— стимулируют государственно-частное партнерство в рамках крупных проектов (инфраструктура, безопасность, технологическое развитие), где важна координация и совместное использование наработок;

— оказывают помощь в координации между участниками экосистемы, снижая барьеры к входу и фрагментацию рынка и т. д.

Но наряду с явными плюсами наличие антимонопольных иммунитетов порождает и ряд проблем и угроз для экономической безопасности России:

— создание риска злоупотребления доминирующим положением [2]. Правообладатели интеллектуальной собственности (особенно это касается патентов) могут использовать иммунитеты для создания монополий, и, как следствие, имеют возможность злоупотреблять своим доминирующим положением, и таким образом ограничивать конкуренцию (например, через «патентные тролли» или отказы в лицензировании). В качестве примера можно назвать попытки компании «Ростелеком» заблокировать конкурентов (в частности «МТС»), ссылаясь на патентные права. ФАС России признала действия злоупотреблением доминирующим положением, так как патент использовался для монополизации рынка, а не для защиты инноваций;

— ограничение доступа к критическим технологиям. Владельцы патентов на стандарты могут требовать завышенные роялти или отказываться от лицензирования [4]. Так, некоторые операторы связи («МегаФон», «МТС») столкнулись с проблемами лицензирования патентов на технологии мобильной связи;

— создание условий для подавления стартапов. В частности, компания Mail.ru не раз обвинялась в покупке конкурентов или блокировке их разработок через патентные иски;

— неопределенность границ иммунитета способствует нестабильности бизнеса, т. е. законодательство не всегда четко определяет, когда защита интеллектуальной собственности переходит в злоупотребление [5]. Ярким примером здесь служит довольно частое использование фармацевтическими компаниями патентов для задержки выхода дженериков;

— наличие проблемы с принудительным лицензированием. В России механизм принудительного лицензирования (ст. 1362 ГК РФ) почти не применяется, что также усиливает риски монополизации. Несмотря на теоретическую возможность (например, для ле-

карств или критически важных технологий), на практике ФАС России и суды крайне редко применяют эту меру. Причина этого кроется в сложности доказывания общественной необходимости и давление лоббистов.

На наш взгляд, исключения для интеллектуальной собственности нужны для функционирования всей системы в целом и для обеспечения ее экономической безопасности. Но назрела необходимость в законодательной конкретизации ограничения антимонопольных иммунитетов. Закон должен защищать права на интеллектуальную собственность, но не допускать ее превращения в инструмент антиконкурентного поведения.

На сегодняшний день в предлагаемом законопроекте законодатель сохраняет действующие исключения для интеллектуальной собственности, но ограничивает их формулировкой «за исключением случаев, если такие соглашения при введении товаров в оборот направлены на недопущение, ограничение или устранение конкуренции на товарном рынке и не признаны допустимыми в соответствии с настоящим Федеральным законом».

На наш взгляд, существуют несколько основных направлений разрешения проблемы антимонопольных иммунитетов для интеллектуальной собственности в целях обеспечения экономической безопасности страны.

Так, необходимо упрощение процедуры принудительного лицензирования для критически важных отраслей (здравоохранение, оборона). Этому могло бы способствовать развитие института принудительного лицензирования через суд, если правообладатель злоупотребляет своим положением (применение доктрины злоупотребления правом), отказывая в лицензии на разумных условиях для производства комплексного инновационного продукта. Такой подход позволяет сбалансировать интересы правообладателей и общества, не прибегая к административному антимонопольному регулированию.

Очень важно соблюдение баланса между ужесточением контроля ФАС России и ограничением антимонопольного вмешательства. Здесь можно принять во внимание зарубежный опыт. В Евросоюзе и США антимонопольное регулирование применяется к интеллектуальной собственности только в исключительных случаях (например, для цифровых платформ и стандарт-необходимых па-

тентов), а основные споры решаются через гражданско-правовые механизмы: принудительное лицензирование, принцип исчерпания права, доктрину злоупотребления правом [1].

Огромное значение имеет также разработка прозрачных критериев административного вмешательства. Необходимо введение четких оснований для вмешательства антимонопольных органов в сферу интеллектуальной собственности (например, при отказе предоставить лицензию на стандарт — необходимый объект на справедливых, разумных и недискриминационных условиях).

Необходимо соблюдение равновесия между защитой конкуренции и стимулированием инноваций. Нельзя допускать автоматического распространения антимонопольных запретов на все лицензионные соглашения и практики пакетного лицензирования, если они способствуют инновационному развитию и не наносят явного вреда конкуренции. Полная же отмена иммунитетов или жесткое антимонопольное регулирование могут привести к снижению инновационной активности и росту издержек для бизнеса.

Таким образом, антимонопольные иммунитеты для интеллектуальной собственности являются необходимым, но при этом довольно рискованным инструментом. Их задача — защитить инновации, не позволяя превращать интеллектуальную собственность в оружие против конкуренции. В связи с этим оптимальный путь развития данного механизма в целях обеспечения экономической безопасности страны требует гибкого регулирования и прозрачных правил.

Библиографический список

1. Бельдина О. Г., Елфимова Е. В., Миннегалиева Л. И. Злоупотребление правом: теоретический и практический аспекты // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 12 (204). — С. 65–67.
2. Бурчик С. С. Антимонопольный иммунитет интеллектуальной собственности в России // Российское конкурентное право и экономика. — 2021. — №3 (27). — С. 32–39.
3. Колоткина О. А. Правовое регулирование процессов цифровизации российской экономики: теоретико-правовой аспект // Бюллетень инновационных технологий. — 2021. — Т. 5, № 2 (18). — С. 103–106.
4. Манахова И. В. Цифровое будущее и глобальная экономическая безопасность // Экономическая безопасность и качество. — 2018. — № 1 (30). — С. 6–11.

5. Павлухина О. А. Антимонопольные иммунитеты и цифровая экономика: актуальные правовые аспекты и пределы допустимости // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. — 2025. — №8 (132). — С. 65–74.

Е. В. Елфимова, Н. В. Елфимов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы и перспективы института банкротства граждан

Аннотация. В статье отмечаются системные проблемы, снижающие эффективность банкротства физических лиц и индивидуальных предпринимателей. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства, основанные на анализе актуальной судебной статистики Единого федерального реестра сведений о банкротстве, обзоров Верховного Суда Российской Федерации и позиций ведущих цивилистов, что позволит приблизить институт банкротства к конституционным принципам защиты прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: банкротство; институт банкротства; практика банкротства.

Правоприменительная практика в сфере банкротства граждан выявила ряд системных проблем, которые существенно снижают эффективность института и препятствуют достижению его главной цели — социальной реабилитации добросовестного должника при одновременном обеспечении баланса интересов кредиторов. Эти проблемы носят как организационно-финансовый, так и нормативно-правовой характер и требуют комплексного законодательного реагирования. Одной из наиболее острых и системных проблем остается высокая стоимость судебной процедуры, которая превращает социально-реабилитационный механизм в недоступную «роскошь» для большинства должников с низкими доходами. Согласно статистике Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСБ) за 2025 г., из почти 568 тыс. завершённых судебных дел о банкротстве физических лиц и индивидуальных предпринимателей более 70 % были инициированы самими должниками. Однако в 25–30 % случаев производство по делу прекращалось на стадии проверки обоснованности заявления исключительно по причине отсутствия у гражданина средств на депозит арбитражного суда (фиксированное вознаграждение финансового управляющего в размере 25 000 р. и 7 % от суммы реализации имущества) и оплату обязатель-

ных публикаций в ЕФРСБ¹. В связи с этим необходимо ввести социальный критерий при определении порога задолженности и возможности освобождения гражданина от уплаты фиксированного вознаграждения финансового управляющего. Для лиц с доходом ниже двух прожиточных минимумов и отсутствием имущества целесообразно предусмотреть финансирование процедуры за счет федерального бюджета или специального фонда при саморегулируемых организациях.

Как справедливо отмечает П. О. Адрова, социальная реабилитация должника должна являться приоритетной целью потребительского банкротства, а для ее достижения необходимо учитывать не только формальные признаки неплатежеспособности, но и реальное имущественное и семейное положение гражданина, включая наличие иждивенцев и уровень доходов в конкретном регионе [1]. Аналогичной позиции придерживается К. Б. Кораев, указывая, что формальный подход к признакам банкротства зачастую приводит к излишней жесткости процедуры в отношении социально уязвимых категорий граждан [4].

Л. М. Алферова в своей монографии справедливо подчеркивает, что процедура банкротства гражданина по-прежнему сохраняет ярко выраженный коммерческий характер, хотя законодатель изначально позиционировал ее как механизм социальной реабилитации добросовестных должников [2].

Аналогичную критику высказывает И. В. Фролов, указывая, что требование предварительного внесения денежных средств на депозит суда, согласно ст. 213.4 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (Закон о банкротстве), фактически отсекает наиболее уязвимые категории граждан — пенсионеров, многодетные семьи и лиц с доходом ниже двух прожиточных минимумов [6]. В результате институт, призванный разгрузить исполнительное производство и дать «второй шанс», на практике остается доступным преимущественно для граждан среднего класса, имеющих хотя бы минимальное ликвидное имущество.

¹ Банкротства в России: итоги 2025 г. Статистический релиз Федресурса / Единый федеральный реестр сведений о банкротстве — URL: <https://fedresurs.ru/news/0fb732a9-dcd6-457c-b72d-5d6227977a0f> (дата обращения: 14.03.2026).

Не менее значимая проблема — крайне низкая эффективность процедуры реструктуризации долгов гражданина, когда в подавляющем большинстве случаев арбитражный суд сразу вводит процедуру реализации имущества согласно ст. 213.24 Закона о банкротстве. Например, в деле № А56-9374/2025 (Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области, решение от 10 августа 2025 г.) суд отменил ранее утвержденный план реструктуризации долгов гражданина и перешел к реализации имущества из-за неисполнения плана и новых обстоятельств, что иллюстрирует редкость успешного завершения реструктуризации и частые переходы к продаже активов. Вместе с тем судебная практика демонстрирует, что реструктуризация не является фикцией и применяется в реальных спорах, особенно по инициативе кредиторов.

В деле № А35-6250/2023 ФНС России инициировала реструктуризацию долгов гражданина. Суд ввел процедуру, отклонив возражения должника¹. Это напрямую противоречит реабилитационной направленности института, провозглашенной в Постановлении Пленума ВС РФ № 45 от 24 декабря 2020 г. Я. А. Емельянова отмечает, что законодатель не предусмотрел действенных экономических стимулов для кредиторов соглашаться на рассрочку платежей на срок до трех лет.

Финансовые управляющие, чье вознаграждение в значительной степени зависит от реализации имущества, также объективно заинтересованы в скорейшем переходе к процедуре продажи активов. В результате гражданин-должник лишается возможности сохранить единственное жилье, автомобиль и иное необходимое имущество, что снижает социальную ценность всего института. Решением данной проблемы может стать создание единой цифровой платформы на базе сайта «Госуслуги» для автоматического сбора документов — это существенно сократит сроки и издержки процедуры, а также позволит быстрее и эффективнее рассматривать планы реструктуризации.

Следующая группа проблем связана с злоупотреблениями правом и недостаточной выявляемостью признаков фиктивного и преднамеренного банкротства. Несмотря на наличие административной ответственности по ст. 14.13 КоАП РФ и уголовной — по ст. 195 УК РФ,

¹ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 июня 2025 г. по делу № А35-6250/2023.

практика показывает крайне низкую эффективность контроля. Основная причина — ограниченные возможности финансового управляющего по проверке сделок за трехлетний период при минимальном финансировании процедуры.

В. А. Попондопуло и Е. Д. Суворов в совместных работах подчеркивают, что механизм оспаривания подозрительных и предпочтительных сделок согласно ст. 213.32 Закона о банкротстве работает эффективно только при наличии у должника ликвидного имущества [5]. В «нулевых» делах такая проверка носит формальный характер, что создает почву для недобросовестного поведения. Особенно важно расширить и усовершенствовать внесудебную процедуру банкротства согласно статье 223.2 Закона о банкротстве: передача части полномочий по проверке признаков злоупотреблений от МФЦ совместно с ФНС России и автоматический мониторинг сделок через «Госуслуги» позволит разгрузить арбитражные суды и повысить качество контроля. Подтверждают данный тезис и результаты анализа правоприменительной практики 2025–2026 гг., проведенного Р. Х. Кесяном: автор отмечает, что значительная часть граждан, особенно социально уязвимых групп (например, пенсионеров с минимальными доходами), сталкивается с формальными и процедурными барьерами при обращении в МФЦ, такими как зависимость от завершения исполнительных производств и отсутствия механизма пересмотра решений. Кроме того, Р. Х. Кесян подчеркивает необходимость дальнейшего упрощения механизма и расширения автоматического обмена данными между ведомствами (например, через интегрированную цифровую платформу с ФССП и ЕФРСБ) для повышения доступности и баланса интересов кредиторов [3].

Еще одной значимой проблемой правоприменения остается недостаточная регламентация последствий банкротства для семейных отношений должника. Согласно п. 6 ст. 213.1 Закона о банкротстве супруг или бывший супруг наделяется статусом лица, участвующего в деле о банкротстве. Однако порядок принудительного раздела общего имущества согласно ст. 38 Семейного кодекса Российской Федерации, а также механизмы защиты интересов несовершеннолетних детей до сих пор вызывают противоречивую судебную практику и нередко приводят к затягиванию процедур на 12–18 мес.

Не меньшие сложности вызывает исполнение обязанности уведомлять новых кредиторов о факте банкротства согласно п. 1 ст.

213.30 Закона о банкротстве. Отсутствие прямого указания на ничтожность кредитного договора при нарушении данной обязанности порождает правовую неопределенность. Судебная практика 2025–2026 гг. идет по пути признания таких договоров оспоримыми, однако кредиторы крайне редко используют это право. В связи с этим необходимо внести изменения в ст. 213.30 Закона о банкротстве, прямо установив ничтожность кредитных договоров, заключенных без уведомления кредитора о факте банкротства. Реализация указанных мер позволит достичь подлинного баланса интересов должника и кредиторов, повысить доступность института и минимизировать злоупотребления. Как справедливо отмечает В. Ф. Попондопуло, «институт банкротства граждан должен перестать быть дорогой роскошью» [5, с. 408] и стать реальным инструментом социальной реабилитации в условиях современной экономики.

В целях обеспечения единообразного подхода к разрешению споров, связанных с банкротством граждан, 18 июня 2025 г. Верховным Судом Российской Федерации на основании ст. 126 Конституции РФ, ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» определены концептуальные правовые позиции, которые необходимо руководствоваться при рассмотрении дел в рассматриваемой сфере [3].

Таким образом, несмотря на десятилетие действия норм о банкротстве физических лиц, правоприменительная практика 2025–2026 гг. выявила ряд системных недостатков, требующих комплексного законодательного реагирования. Предложенные изменения, основанные на анализе актуальной судебной статистики и ЕФРСБ, обзоров Верховного Суда РФ и позиций ведущих цивилистов, позволят приблизить институт к конституционным принципам защиты прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. *Адрова П. О.* Основания оспаривания сделок должника-гражданина в процедурах банкротства // Арбитражный и гражданский процесс. — 2022. — № 2. — С. 31–35.
2. *Алферова Л. М.* Несостоятельность (банкротство) физических лиц: тенденции развития механизма банкротства граждан: монография. — М.: Статут, 2018. — 161 с.

3. Кесян Р. Х. Внесудебное банкротство граждан: анализ правоприменительной практики и проблемы реализации механизма // Вестник науки. — 2026. — № 2 (95). — Т. 4. — С. 165–171.

4. Кораев К. Б. Правовое регулирование процедуры реструктуризации долгов гражданина // Закон. — 2016 — № 7. — С. 142–148.

5. Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование: науч.-практ. пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2025. — 416 с.

6. Фролов И. В. Институциональная теория несостоятельности и банкротства граждан. — М.: Юстицинформ, 2022. — 844 с.

А. В. Коркин, А. Д. Элькин

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Правовой статус покупателя по договору розничной купли-продажи

Аннотация. В статье исследуется правовой статус покупателя как стороны договора розничной купли-продажи. Авторами изучены основополагающие источники, определяющие границы прав и обязанностей покупателей, а также регламентирующие процедуру оформления отношений купли-продажи. В ходе исследования рассматриваются возможности распространения положений Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» на юридических лиц как покупателей.

Ключевые слова: правовой статус; потребитель; договор; юридическое лицо.

Правовой статус покупателя как участника гражданско-правовых отношений выступает предметом исследований многих авторов, что обусловлено прежде всего тем, что каждый из членов общества рано или поздно примеряет на себя роль покупателя того или иного товара для использования в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Актуальность детального рассмотрения правового статуса покупателя в текущих реалиях связана с существованием ряда проблемных аспектов, требующих теоретического осмысления. Среди таких целесообразно выделить следующие: комплексная оценка действующей нормативно-правовой базы, раскрывающей положение покупателя в контексте розничной купли-продажи, а также анализ допустимости применения положений Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» к ситуациям, когда в роли покупателя по розничной сделке выступает юридическое лицо.

Ключевой задачей указанного исследования выступает осуществление всестороннего анализа правового статуса покупателя в обязательствах из розничной купли-продажи.

В юридической литературе авторы придают существенное значение роли участия покупателей в гражданско-правовых отношениях, в частности Н. А. Резина указывает, что потребитель выступает «...одним из основных субъектов потребительского рынка» [3, с. 17]. С такой позицией нельзя не согласиться, поскольку потребитель выступает неотъемлемым звеном анализируемых отношений, который обращается к специализированному лицу за определенными услугами, работами или товарами.

Правовой статус таких участников гражданско-правовых отношений образуют нормативные правовые акты различной юридической силы, среди которых следует выделить Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ; Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (Закон № 2300-1); Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации», а также иные правовые акты.

Центральное место в системе гарантий отводится Закону № 2300-1, регулирующему основополагающие вопросы в области взаимодействия покупателя с противоположной стороной.

Так, Закон № 2300-1 устанавливает: «потребитель — гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности».

Анализ положений Закона № 2300-1 позволяет выделить три ключевых признака, образующих в своем единстве конструкцию покупателя:

— субъектный состав ограничен исключительно физическими лицами;

— принципиальный момент имеет волевая направленность лица (либо только планирует заказ или покупку, либо уже реализует такие действия);

— императивным условием выступает строго некоммерческая цель — удовлетворение частных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Кроме того, анализируемый Закон № 2300-1 дифференцирует объем правовых возможностей покупателя. Так, с одной стороны, выделяется группа универсальных прав, подлежащих реализации в любых обстоятельствах (например, доступ к просвещению в сфере потребительского законодательства), а с другой — закрепляется блок специальных прав, реализуемых при наступлении конкретных юридических фактов (например, условия обмена качественного товара, право на односторонний отказ от исполнения договора).

Осуществление покупателем вышеперечисленных прав в рамках договора розничной купли-продажи обеспечивается за счет многоуровневой системы их охраны, а также восстановления. В такую систему интегрированы как универсальные механизмы защиты, зафиксированные в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) (например, признание права, компенсация убытков и др.), так и специфические, предусмотренные непосредственно положениями Закона № 2300-1 (например, компенсация при обнаружении недостатков; компенсация при нарушении сроков выполнения работ).

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в научном и учебном сообществах остается вопрос о круге лиц, подпадающих под категорию потребителя (возможность включения в такую категорию индивидуальных предпринимателей и юридических лиц).

Так, В. С. Белых в своих трудах указывает, что отсутствуют какие-либо препятствия для распространения положений Закона № 2300-1 не только на потребительские кооперативы, но также и на иные организационно-правовые формы юридических лиц [1]. При этом автор отмечает, что обязательным условием в таком случае является цель приобретения товара — исключительно ради удовлетворения внутрисемейных потребностей, не направленных на удовлетворение требований в области осуществления предпринимательской деятельности.

При этом основу подхода необходимости распространения положений Закона № 2300-1 составляет теория конечного потребителя, ярким представителем которой выступает А. Е. Шерстобитов, отмечающий: «...потребитель как правовая категория имеет ценность в паре с категорией „коммерсант“, а значит, речь должна идти именно о личном (конечном) потребителе, имеющем целью выведение товара из сферы экономики в сферу личного потребления» [4, с. 26].

Приверженцем позиции распространения положений Закона № 2300-1 на юридических лиц (в статусе потребителей) является Э. Г. Корнилов, указывающий, что отсутствуют препятствия для признания в качестве потребителя (в понимании Закона № 2300-1) и предоставления ему предусмотренных таким Законом форм (способов) защиты коллектив управляющей компании, который приобретает с целью удовлетворения потребностей своего коллектива холодильник, а продавец разными путями уклоняется от надлежащего разрешения спора по такому вопросу [2]. Тем не менее подобная аргументация вызывает обоснованные сомнения, поскольку если оборудование покупается для создания комфортных условий для своих работников, то конечной целью таких действий является опосредованное повышение эффективности трудовой деятельности, что напрямую связано с целями получения денежных средств (осуществлением предпринимательской деятельности).

Такая позиция на данный момент является достаточно логичной и обоснованной, поскольку в любом случае действия лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, направлены на создание таких условий для ее осуществления, чтобы могли быть достигнуты наиболее высокие показатели, что возможно, прежде всего, за счет удовлетворения базовых потребностей работников соответствующего юридического лица.

Резюмируя проведенный анализ, следует отметить, что положения Закона № 2300-1 не могут и не должны распространяться на юридических лиц, и это обстоятельство является препятствием для распространения положений Закона № 2300-1 на юридических лиц как потребителей в гражданско-правовых отношениях.

Отечественное законодательство, регулирующее правовой статус покупателя, в том числе при заключении им договора розничной купли-продажи, на настоящий момент можно охарактеризовать

в положительном ключе, поскольку подробным образом описывает его права, обязанности, формы (способы) защиты своих прав, а также иные важные вопросы, без регулирования которых нельзя говорить о правовом статусе покупателя.

Библиографический список

1. *Белых В. С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. — М.: Проспект, 2009. — 432 с.
2. *Корнилов Э. Г.* Вопросы совершенствования законодательства о защите прав потребителей // Хозяйство и право. — 1999. — № 4. — С. 36–39.
3. *Резина Н. А.* Государственный контроль и надзор в сфере потребительского рынка: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. — Омск, 2003. — 205 с.
4. *Шерстобитов А. Е.* Гражданско-правовые вопросы охраны прав потребителей. — М.: МГУ, 1993. — 143 с.

В. Б. Малкеров

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Переводы и перемещения в контексте экономической безопасности организации

Аннотация. В работе исследуется проблематика правильного толкования некоторых терминов, применяемых при регулировании трудовых отношений. В частности, анализируются такие категории, как «перевод» и «перемещение». Отмечаются некоторые несообразности в Трудовом кодексе Российской Федерации, которые затрудняют возможности правового регулирования. Автором сформулированы предложения по координации законодательства.

Ключевые слова: перемещения; переводы; рабочее место; экономическая безопасность.

Занятие предпринимательской деятельностью предполагает в том числе и возможность наличия права осуществлять найм рабочей силы, а также права осуществлять подбор и расстановку кадров. Данное обстоятельство предопределяет желание предпринимателя как работодателя иметь самые широкие полномочия, использовать рабочую силу для достижения целей наиболее эффективной организации производственного процесса. Это обстоятельство создает угрозу нарушения прав работников со стороны работодателей, которые в целях получения большей прибыли будут подвергать работников излишней эксплуатации, нарушать установленные трудовым за-

конодательством права и гарантии работников. Помимо простого и непосредственного нарушения прав и гарантий работников, которые прямо регламентированы трудовым законодательством, существуют и сложности в толковании терминов, провоцирующие конфликтную ситуацию между работниками и работодателями. Остановимся на использовании на практике таких терминов, как «перевод» и «перемещение».

В практической деятельности можно столкнуться со следующим пониманием терминов «перевод» и «перемещение». Общее у них сводится к тому, что меняется рабочее место. Однако отличие заключается в том, что в первом случае у работника относительно трудового договора и закона изменяются условия труда, которые носят существенный характер и, как правило, нужно будет истребовать согласие работника, за исключением особых случаев временных переводов с рядом условий, указанных в законе. При перемещении, напротив, вышеуказанные условия труда не меняются, и согласие работника не требуется. Однако понимание этих терминов является не совсем корректным. Статья 72 ТК РФ определяет перевод, как изменение трудового договора. В частности, Л. Чиканова указывала на это [4]. Таким образом, можно прийти к выводу, что есть переводы и иные случаи изменения трудового договора. Переводы и перемещения могут быть как постоянные, так и временные. В данной работе мы остановимся на анализе лишь постоянных переводов и перемещений, поскольку проблематика сроков переводов и перемещений в данной статье не анализируется.

Статья 72.1 ТК РФ выделяет три вида постоянных и временных переводов. Это относится только к случаям, когда не меняется работодатель. Можно назвать следующие ситуации, когда меняется трудовая функция, местность или указанное в трудовом договоре структурное подразделение. В этих случаях, в частности, согласно ст. 74 ТК РФ необходимо истребовать согласие работника и в письменной форме. Отсюда делаем вывод, что законодатель считает понятия «изменения трудового договора» и «перевод» как несовпадающие.

Возникает вопрос: почему существует позиция, характеризующая перевод как изменение существенных условий труда, а не изменение рабочего места с изменением существенных условий труда? Обратим внимание на то, что ст. 72.1 ТК РФ характеризует перевод как изменение рабочего места, при котором условия меняются суще-

ственно. Видимо, это условия, указанные в ст. 57 ТК РФ, и иные, которые стороны пожелали включить в трудовой договор.

В контексте данной статьи перевод можно характеризовать как нечто противоположное, т. е. изменение рабочего места, при котором меняются существенные условия труда. Конечно, можно возразить и указать, что из смысла данной статьи переводы и перемещения не следует считать антонимами, а их следует считать такими понятиями, которые не подпадают под полные характеристики антонимов. Этот вопрос достаточно дискуссионный, но следует признать, что такая конструкция законодательства, при которой различие переводов и, соответственно, относительно противоположной категории перемещений, проводилось бы по наиболее объективному и, следовательно, точному критерию изменения существенных условий труда, с точки зрения юридической техники была бы предпочтительней.

Как уже говорилось ранее, ст. 72 ТК РФ однозначно считает перевод разновидностью изменений существенных условий труда, но ст. 74 ТК РФ выделяет понятие изменений условий трудового договора и изменение трудовой функции, прямо не называя изменение трудовой функции переводом. Можно сделать следующее заключение, перевод — это не только изменение трудовой функции, но и еще что-то. Но где граница между «еще что-то» и другими изменениями условий труда, четко не регламентировано в законе.

Следует отметить, что несогласованность лингвистического характера в анализируемых статьях остается. Такие неточности терминологии в действующем законодательстве будут в дальнейшем создавать проблемы при дальнейшем усложнении правового регулирования в сфере труда в связи с появлением новых форм занятости, изменениями в потребностях экономики по использованию трудовых ресурсов. Так, например, не определены в связи с отменой профессионального стандарта характеристики трудовой функции для многих работников образования [2]. Усложняется понимание термина «рабочее место» для дистанционных работников [1]. Отмечается, что многие вопросы правовых гарантий работникам, направляемых на работу к другому работодателю, остались неурегулированными в связи с изменением рабочего места [3].

С точки зрения автора, целесообразно закрепить в законодательстве понятие «перевод, как любое изменение согласованных сто-

ронами условий трудового договора», что привело бы к большей гармонизации трудового законодательства. А оптимальный инструмент правовой регуляции в сфере труда улучшит уровень экономической безопасности как в отдельной организации, так и в экономике страны в целом.

Библиографический список

1. *Васильева Ю. В., Шуралева С. В.* Содержание трудового договора о дистанционной работе: теоретические аспекты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2015. — № 2 (28). — С. 88–97.
2. *Вышеславова Т. Ф., Лукинова С. А.* Сравнительно-правовой анализ трудовправового статуса преподавателя высшей школы // Гуманитарные и юридические исследования. — 2024. — Т. 11, № 1. — С. 121–128.
3. *Чиканова Л.* Изменение условий трудового договора (перевод на другую работу, перемещение) // Хозяйство и право. — 2009. — № 9 (392). — С. 41–51.
4. *Цыпкина И. С.* Регулирование труда работников, направляемых работодателем к другим физическим или юридическим лицам по договору о предоставлении труда персонала // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 3 (76). — С. 160–167.

Г. З. Мансуров

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Экономико-правовые последствия трансформации системы международных экономических отношений

Аннотация. В работе отмечается, что кризис международной правовой системы обусловлен главным образом трансформацией системы международных экономических отношений. Подчеркивается, что в настоящее время начался процесс формирования новой, независимой от стран мирового экономического центра справедливой системы международных экономических отношений.

Ключевые слова: трансформации мировой экономики; мир-системная теория; концепция «империя наоборот»; новая архитектура международных отношений.

В настоящее время мы наблюдаем невиданное в новейший период истории разрушение системы международных отношений и, соответственно, тотальное неисполнение норм международного

права. При этом большинство специалистов по международному праву склоняются к *определяющей роли в этом разрушительном процессе субъективного фактора*. В основном они указывают на деструктивный характер внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности США и некоторых других стран мирового экономического центра. Справедливости ради, следует отметить наличие огромного количества примеров, подтверждающих данное утверждение. Например, агрессия США и Израиля против Ирана, арест и вывоз на территорию США президента Венесуэлы Н. Мадуро и т. д. Дело в том, что, по мнению президента США Д. Трампа, его власть как главнокомандующего ограничена только его «собственной моралью». Он отмечает международное право и другие ограничения на его способность использовать военную мощь для нанесения ударов, вторжения или принуждения стран по всему миру¹.

Причем все вышеуказанные незаконные действия имеют экономическую составляющую — ограбление природных ресурсов. Так, например, Д. Трамп признается, что США сколотили целое состояние на венесуэльской нефти².

Однако общей ошибкой сторонников определяющей роли субъективного фактора в международных отношениях является *игнорирование объективной причины разрушения современной международно-правовой системы — трансформации мировой экономики*. Поэтому рекомендации некоторых специалистов по международным отношениям трудно считать реализуемыми. Так, по мнению И. В. Радикова, «для обеспечения мира нужно конструктивное взаимодействие ведущих мировых держав, самоограничение их претензий и признания права всех государств на участие в создании новой эффективной модели миропорядка» [6, с. 30]. Данные суждения абсолютно соответствуют основополагающим международно-правовым актам, в частности Уставу ООН. Но, к сожалению, у ООН, а равно как и у всех других международных организаций, нет эффективных механизмов для принудительного исполнения своих нормативных актов. Поэтому

¹ Sanger D. E., T. Pager, Rogers K., Kanno-Youngs Z. Trump lays out a vision of power restrained only by 'my own morality' // Published. — 2026. — Jan. 8. — <https://www.nytimes.com/2026/01/08/us/politics/trump-interview-power-morality.html> (дата обращения: 08.02.2026).

² США сколотили целое состояние на венесуэльской нефти, заявил Трамп. — URL: <https://ria.ru/20260516/ssha-2092810959.html> (дата обращения: 08.02.2026).

остаётся неизвестным, какие события должны произойти для того, чтобы, например, США, оставаясь сверхдержавой, согласились бы начать конструктивное сотрудничество с другими странами.

Кроме того, следует отметить, что *для публикаций в сфере международных отношений характерен стиль долженствования*. Так, например, по мнению А. А. Ковалева, «в XXI веке мировое сообщество *не должно* допустить развязывания новой мировой войны» [3, с. 194]. Данное утверждение автора, также как и вышеизложенное утверждение И. В. Радикова, имеет прочную правовую основу, так как запрет агрессивной (наступательной) войны установлен огромным количеством международных актов, в том числе и юридически обязательных, но фактически игнорируемых странами мирового экономического центра (Устав ООН, Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана-Келлога), Манильская декларация о мирном разрешении международных споров и т. д.).

Соответственно, высказывания этих авторов объединяет *невозможность реализации в сложившихся по состоянию на сегодня обстоятельствах*.

В настоящее время бесспорной является констатация факта: экономика является фундаментом всех общественных отношений. Соответственно, *представители иных общественных наук должны при разработке своих теорий учитывать признаки экономической системы*, в том числе и экономическое неравноправие, что позволяет странам мирового экономического центра эксплуатировать периферийные страны. Как указывает в связи с этим один из основателей мир-системной теории И. М. Валлерстайн, «международная торговля не есть торговля равных. Одни страны сильнее других экономически и, будучи сильнее, имеют возможности торговать на таких условиях, чтобы добавочная стоимость доставалась им, а не периферийным странам» [2, с. 66]. Основная причина — экономическая. Одни страны — страны мирового экономического центра — живут за счет других, периферийных стран. Такая ситуация обусловлена современной международной системой неравновесного обмена. Так, например, согласно Соглашению о разделе продукции Республики Казахстан с международным консорциумом в составе SHELL, ENI, ExxonMobil и ряда других западных фирм, если цена нефти марки Brent опуска-

ется ниже 55 долл. за 1 баррель, то Казахстан получает только 2 % от объема добычи¹.

Следует отметить, что наша страна всегда проводила противоположную внешнеэкономическую политику, именуемую *концепцией «империя наоборот»* [1]. Обычно центр империи живет за счет ограбления окраин. Но в России — в *«империи наоборот»* — «национальные окраины всегда „подкармливались“ за счет населения центра» [4, с. 4]. В советский период эта политика резко усилилась. Так, по мнению К. Коктыша, «во времена СССР тогдашняя РСФСР из трех заработанных рублей два отдавала республикам и прочим социалистическим странам»². В настоящее время также нередки рецидивы иждивенческих настроений у отдельных периферийных стран в отношении России.

Россия с момента приобретения политического суверенитета также была периферийным государством. Но с избранием В. В. Путина Президентом РФ начался постепенный процесс экономической суверенизации нашей страны. Важной вехой данного процесса является выступление Президента РФ В. В. Путина 16 июня 2023 г. на Петербургском международном экономическом форуме, во время которого он заявил, что *России необходим переход к суверенной экономике.* Хотя следует отметить, что фактически данный переход к этому моменту в основном уже состоялся.

Параллельно собственной экономической суверенизации Россия приступила к созданию *новой, независимой от стран мирового экономического центра справедливой системы международных экономических отношений*, объединяющей в основном периферийные страны.

В настоящее время идет интенсивный процесс правового закрепления базовых положений справедливой системы международных экономических отношений. Так, например:

1) в плане действий форума партнерства Россия — Африка на 2023–2026 гг. в пяти пунктах содержится термин «взаимовыгодность»;

¹ Горбоконенко М. Два процента от добычи на Кашагане: почему власть так дешево оценивает казахстанскую нефть? — URL: <https://orda.kz/brilliant-v-korone-kazahstana-kto-vyigryvaet-ot-prodazhi-nefti-na-kashagane> (дата обращения: 08.02.2026).

² РФ помогает странам СНГ всем. Почему Москве платят черной неблагодарностью? — URL: <https://news.ru/cis/rf-pomogaet-stranam-sng-vsem-pochemu-moskve-platyat-chnoj-neblagodarnostyu> (дата обращения: 8.05.2026).

2) целью Шанхайской организации сотрудничества является построение нового справедливого политического и экономического международного порядка;

3) согласно договору о Евразийском экономическом союзе, стороны обязуются установить справедливое налогообложение, справедливое распределение выгод и обязательств, обеспечить справедливую конкуренцию между субъектами государств-членов и т. д.

В глобальном же плане речь идет о создании при активном участии России новых международных структур, основанных на взаимном уважении и равноправии, исключающих возможность эксплуатации слабых государств.

Программой-максимумом являются, во-первых, выход из Всемирной торговой организации и, соответственно, отмена несправедливых западных правил глобальной торговли. Во-вторых, создание новых международных финансовых институтов вместо Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, что позволит сделать международную финансовую систему справедливой.

Еще одним обстоятельством, обуславливающим трансформацию международной экономической системы, *является циклический характер развития мировой экономики*. Как указывает в связи с этим Г. М. Лажевский, «В основе объективно-закономерных кризисов лежат фундаментальные изменения в реальном секторе, они носят циклический характер, слабо зависят от воли людей» [5, с. 18]. В настоящее время мировая экономика находится в фазе упадка. Для данной фазы характерны мировые экономические катаклизмы, сопровождаемые социальными бедствиями.

Таким образом:

1) кризис международного права обусловлен главным образом трансформацией системы международных экономических отношений. Действующие нормативные акты перестают соответствовать новым экономическим реалиям;

2) трансформация системы международных экономических отношений является объективным явлением, обусловленным циклическим характером развития мировой экономики. Данное обстоятельство необходимо учитывать при разработке международно-правовых актов;

3) в настоящее время началось формирование новой многополярной архитектуры международных отношений. Россия вместе

с другими странами приступила к созданию новой, независимой от стран мирового экономического центра справедливой системы международных экономических отношений, объединяющей в основном периферийные страны.

Библиографический список

1. *Архипов С. И.* Правовое будущее России. Ч. 2: Цивилизационный выбор // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2022. — №4. — С. 5–26.
2. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: введение. — М.: Территория будущего, 2006. — 245 с.
3. *Ковалев А. А.* Причины возникновения международных конфликтов и гипотезы их будущего развития: политологический аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2022. — № 3. — С. 192–203.
4. *Конотопов М. В.* Россия: правда о прошлом и будущем // Инновации и инвестиции. — 2018. — № 2. — С. 2–10.
5. *Лажевский Г. М.* Современная классификация экономических кризисов // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. — 2012. — №15. — С. 14–21.
6. *Радиков И. В.* Нарастание военно-политической напряженности в условиях глобальной слабости международных институтов и «Вырождения» войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2015. — № 3. — С. 27–39.

Ю. А. Островецкая

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Дипфейки как угроза экономической безопасности: проблемы правового регулирования

Аннотация. В статье рассматриваются дипфейки как специфическая угроза экономической безопасности государства, анализируются пробелы действующего правового регулирования синтетического контента в российском законодательстве. Делается вывод о необходимости проработки механизмов противодействия этому негативному явлению.

Ключевые слова: дипфейк; экономическая безопасность; правовое регулирование; искусственный интеллект.

Стремительное развитие сферы информационно-коммуникационных технологий в нашей стране породило распространение ди-

пфейков, что стало причиной серьезной угрозы для личной защищенности граждан и экономической безопасности государства. Несмотря на активную борьбу с данным негативным явлением, имеются проблемы нормативно-правового регулирования, что оставляет возможности для злоупотребления и мошеннических действий.

Юридическое понятие «дипфейк» в законодательстве на сегодняшний день отсутствует, в научной литературе можно встретить множество различных определений данного явления. Термин «дипфейк» появился сравнительно недавно, получив широкое распространение, его суть заключается в создании искусственным интеллектом фальшивых изображений, видеозаписей и аудиозаписей, которые визуально невозможно отличить от настоящих. Основная опасность дипфейков заключается в возможности манипуляции сознанием аудитории, фальсификации доказательств, подрыве доверия к традиционным медиа, тем самым создавая угрозу интересам государства и, соответственно, экономической безопасности нашей страны.

«Дипфейк (англ. deepfake, от deep learning — глубокое обучение и fake — подделка), технология на базе искусственного интеллекта, позволяющая редактировать видео, создавая ложные изображения на основе реальных кадров; сами ролики, сделанные с использованием данной технологии»¹.

Наиболее ярким примером использования технологии «дипфейк» в противоправных целях является «поддельное обращение президента В. В. Путина от 5 июня 2023 г. о введение военного положения и полной мобилизации, которое транслировали по телеканалам в нескольких регионах нашей страны, в результате взлома»². Основной целью у злоумышленников было вселить в людей панику и разобщить общество, что на определенное время получилось, так как основная аудитория поверила в подлинность данного обращения.

Угроза применения дипфейков очевидна, при этом современные нормы правового регулирования недостаточны для эффектив-

¹ *Дипфейк* // Большая российская энциклопедия. — URL: <https://bigenc.ru/wiki/Дипфейк?ysclid=mnlx19dtt1120036826> (дата обращения: 08.04.2026).

² «Взлом, подмена, провокация!»: В России не поверили в фейковое «обращение Путина» / Национальная служба новостей. — URL: <https://nsn.fm/policy/vzлом-podmena-provokatsiya-v-rossii-ne-poverili-v-feikovoe-obraschenie-putina?ysclid=mnpoep6k95573-786981> (дата обращения: 08.04.2026).

ного реагирования на их вызовы. Основные проблемы заключаются в неточности и неопределенности терминов, сложности идентификации создателей и распространителей дипфейков, конфликте интересов между свободой творчества и необходимостью защиты персональных данных, а также отсутствие соответствующих норм, предусматривающих ответственность за данные деяния. Действующий Уголовный кодекс РФ и Кодекс РФ об административных правонарушениях не содержат конкретных статей, карающих за создание и распространение дипфейков, имеются лишь косвенные запреты, касающиеся клеветы, нарушения тайны частной жизни и др.

К уголовной ответственности лицо привлекается в случае клеветы (ст. 128.1 УК РФ), если распространение дипфейков было произведено с целью опорочить честь и достоинство гражданина; нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), если дипфейк создан с использованием незаконно полученных фотографий или видео жертвы; дипфейк может выступать в качестве квалифицирующего признака при совершении мошенничества (ст. 159 УК РФ), вымогательства (ст. 163 УК РФ), причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ).

Статья 13.15 КоАП РФ предусматривает ответственность за распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях под видом достоверных сообщений заведомо недостоверной информации, и в каждой части статьи предусмотрено наказание в зависимости от вида распространяемой информации.

Гражданский кодекс РФ также не в полной мере отражает реалии использования исследуемой цифровой технологии. Так, ст. 152 и 152.1 ГК РФ защищают честь, достоинство и деловую репутацию, а также охраняют изображения гражданина от незаконного использования, ст. 1266 ГК РФ дает автору право требовать защиты его чести, достоинства или деловой репутации за извращение, искажение или иное изменение произведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию автора, равно как и посягательство на такие действия.

Как следует из анализа действующего законодательства, на сегодняшний день отсутствуют нормы, напрямую регулирующие использование и распространение дипфейков, в связи с чем представляется необходимым реализация комплекса мероприятий по предупреждению и пресечению указанного противоправного деяния.

Во-первых, следует нормативно закрепить понятие «дипфейк», определив его основные признаки с учетом технологических возможностей. Целесообразно разработать и внедрить отдельный законопроект, определяющий понятие дипфейков, способы реализации и механизмы запрета.

Во-вторых, имеются все предпосылки для введения в действующее законодательство новой нормы либо дополнения некоторых составов преступлений квалифицирующим признаком — совершение преступления с использованием технологии «дипфейк».

Как справедливо отмечают авторы, необходимо «внесение дополнений в нормы уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях, связанных с применением дипфейк-контента в качестве предмета противоправного (в том числе преступного) посягательства, элемента способа совершения правонарушения (в том числе преступления), обстоятельства, отягчающего ответственность, так как как дипфейк представляет собой более изощренный высокотехнологичный продукт, обладающий принципиально высоким уровнем общественной опасности и трудно распознаваемый на современном уровне развития криминалистической техники»¹.

Таким образом, дипфейки представляют системную угрозу экономической безопасности государства, воздействуя на финансовую стабильность и деловую репутацию. Действующее российское законодательство не содержит адекватных механизмов противодействия данной угрозе, что обусловлено отсутствием правовой категории «дипфейк», фрагментарным применением норм смежных отраслей, недостаточностью специальных процедур и механизмов оперативного реагирования. Только комплексный правовой подход позволит минимизировать риски дипфейков для экономической безопасности Российской Федерации.

¹ Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования // Юридические исследования. — 2023. — № 11. — С. 26–41

Интернет-право как исключительное авторское право

Аннотация. В статье рассматривается один из способов использования произведения — доведение до всеобщего сведения, которое в науке зачастую именуют интернет-правом. В связи с этим проведен анализ понятия «интернет-право», рассмотрено его отличие от других способов использования произведения. Делается акцент на соблюдении авторских прав при использовании произведения с сайтов в интернете, несмотря на то, что автор (правообладатель) довел произведение до всеобщего сведения и разрешил доступ к нему.

Ключевые слова: интернет-право; авторское право; произведение; исключительное право.

В соответствии со ст. 34 Конституции РФ «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». Главной целью у любой экономической деятельности человека является получение прибыли. При создании произведений литературы, науки и искусства у автора возникает исключительное право, которое состоит из двух правомочий: право использования произведений и получение вознаграждения. В связи с этим государство встало на защиту авторов, установив порядок использования произведения различными способами, передачи использования другим субъектам, в том числе на возмездной основе.

С появлением информационно-телекоммуникационной сети Интернет различные отношения между субъектами, в том числе и интеллектуальные, стали переходить в виртуальную сферу. В науке стали говорить о том, что появляется так называемое интернет-право. Данное понятие не закреплено законодательно. Ученые рассматривают интернет-право как объективную категорию: как самостоятельную отрасль права, как подотрасль права или как институт права, в том числе межотраслевой. При этом единого мнения по данному вопросу в доктрине на сегодня не сложилось [1; 5]. Другие рассматривают его в качестве субъективного права, а именно как право на доступ в интернет, которое по своему содержанию трактуют как многогранное и включающее разные правомочия субъекта (право на вход, право на коммуникацию, право на личную безопасность и т. д.) [2]. Цивилисты в области интеллектуального права интернет-правом называют доведение произведения до всеобщего сведения (подп. 11

п. 2 ст. 1270 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [3; 4]. Данный способ исключительного права был специально закреплен для использования произведения в интернете. Суть данного интернет-права заключается в том, что автор или иной правообладатель размещает произведение в интернете таким образом, что любое лицо может получить доступ к произведению из любого места и в любое время по собственному выбору. То есть лицо, разместившее произведение в интернете, не предпринимает каких-либо активных действий для доведения этого произведения до пользователей. Наоборот, последние сами осуществляют поиск данного произведения для использования. Таким образом, доведение произведения до всеобщего сведения также можно отнести к одному из правомочий, входящих в содержание права на доступ в интернете.

Первоначально интернет-право возникает у автора. Также автор может передать исключительное право на использование произведения данным способом другому лицу по договору отчуждения исключительного права (ст. 1285 ГК РФ) или лицензии (ст. 1286 ГК РФ). Необходимо отметить, что, помимо интернет-права, исключительное авторское право включает в себя и иные способы использования произведения. В ст. 1270 ГК РФ указано, что автор (правообладатель) может использовать произведение любым не запрещенным способом, в том числе указанными в п. 2 ст. 1270 ГК РФ. В связи с этим каждый из способов использования произведения должен быть отражен в лицензионном договоре. На практике зачастую встречаются случаи, когда правообладатель получил право использования произведения одним или несколькими способами, а дополнительно использует еще другими способами. В данном случае происходит нарушение исключительного права у автора (правообладателя). Так, например, автор обнародовал свое произведение на международной конференции, после чего на основании устного договора опубликовал в периодическом журнале, который имеет печатную и интернет-версию. Не установлено, какое согласие (опубликовать статью в печатном журнале или интернет-версии) от автора получил издатель. После эта статья появилась на сайте в интернет-версии журнала. Суд посчитал, раз издание может быть в двух версиях, то какие-либо права правообладателя не нарушены. В связи с этим суд первой отказал истцу в удовлетворении требований о нарушении исключительного права на доведение произведения до всеоб-

щего сведения¹. Апелляция оставила данное решение без изменений. В кассационной инстанции отправили данное дело на новое рассмотрение². Дело в том, что необходимо различать такие способы использования, как интернет-право и воспроизведение произведения³. В соответствии с подп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ воспроизведение — это «...изготовление одного и более экземпляра произведения или его части в любой материальной форме, в том числе в форме звуко- или видеозаписи, изготовление в трех измерениях одного и более экземпляра двухмерного произведения и в двух измерениях одного и более экземпляра трехмерного произведения. ...запись произведения на электронном носителе, в том числе запись в память ЭВМ....». Поэтому запись произведения на электронный носитель с последующим предоставлением доступа к этому произведению в интернете представляют собой два самостоятельных способа использования произведения и на каждый способ необходимо получить согласие у автора (правообладателя).

Размещение произведения на сайте в интернете не дает автоматического права использовать его каким-либо способом без согласия правообладателя, кроме случаев, указанных в ГК РФ, например свободного использования произведения в личных целях (ст. 1273 ГК РФ). Если же речь идет о свободном использовании произведения в соответствии со ст. 174 ГК РФ, то законом предусмотрен ряд условий: использование только для информационных, научных, учебных или культурных целей; с обязательным указанием автора произведения и источника заимствования (т. е. с какого сайта); в объеме, оправданном целью цитирования. Однако бывают случаи, когда при размещении произведения имя автора не указывается. По мнению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ, сам по себе факт размещения фотографии на различных сайтах в интернете в отсутствие сведений об авторстве не свидетельствует о том, что изображение находится в свободном доступе с возможностью копи-

¹ Решение Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 22 июня 2020 г. по делу № 2-1739/2020.

² Определение судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2021 г. N 88-4965/20.

³ О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10. — Абз. 4 п. 89.

рования без согласия автора и без выплаты вознаграждения¹. Таким образом, если кто-либо желает использовать произведение, размещенное на сайте в интернете, он также должен соблюдать авторские права, так как по смыслу абз. 2 п. 1 ст. 1229 ГК РФ отсутствие запрета на использования произведения не считается согласием (разрешением) автора (правообладателя).

Исходя из вышеизложенного, интернет-право как авторское исключительное право является самостоятельным способом использования произведения. Необходимо его отличать от других способов использования, таких как воспроизведение произведения, сообщения произведения для всеобщего сведения по радио или телевидению и др. При использовании произведений с сайтов в интернете необходимо соблюдать авторские права в соответствии с гражданским законодательством, несмотря на то, что автор (правообладатель) довел произведение до всеобщего сведения и разрешил доступ к нему.

Библиографический список

1. *Ефремов К. Н.* Актуальные проблемы правового регулирования Интернет-отношений // Научный лидер. — 2022. — № 25 (70). — URL: <https://scilead.ru/article/2590-aktualnie-problemi-pravovogo-regulirovaniya-i> (дата обращения: 05.03.2026).

2. *Мочалов А. Н., Колобаева Н. Е., Несмеянова С. Э.* Право на доступ в интернет: юридическое содержание и механизм реализации. // Антиномии. — 2021. — Т. 21, вып. 3. — С. 135–163.

3. *Право интеллектуальной собственности: учебник / Е. С. Гринь, В. О. Калятин, С. В. Михайлов и др.; под общ. ред. Л. А. Новоселовой.* — М.: Статут, 2017. — Т. 2: Авторское право. — 365 с.

4. *Рожкова М. А.* О содержании понятий «общедоступная информация», «доведение до всеобщего сведения», «свобода использования произведений, постоянно находящихся в месте, открытом для свободного посещения» // Закон.ру. — 2017. — 28 янв. — URL: https://zakon.ru/blog/2017/02/28/o_soderzhanii_ponyatij_obschedostupnaya_informaciya_dovedenie_do_vse_obs (дата обращения: 17.02.2026).

5. *Рожкова М. А.* Цифровое право (Digital Law) — что это такое и чем оно отличается от киберправа / интернет-права / компьютерного права? // Закон.ру. — 2020. — 15 марта — URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/15/cifrovoye_pravo_digital_law_-_chto_eto_takoe_i_chem_ono_otlichaetsya_ot_kiberpravainternet-pravakompy (дата обращения: 17.02.2026).

¹ *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2020 г. № 5-КГ19-228.*

СЕКЦИЯ 3

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

А. Л. Анисимов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург;

Е. А. Колобов

Уральский государственный медицинский университет, г. Екатеринбург

Анализ динамики исполнения федерального бюджета Российской Федерации и средней номинальной заработной платы за период с 2000 по 2025 г. в контексте устойчивого развития социальной сферы

Аннотация. В статье проводится анализ динамики исполнения федерального бюджета Российской Федерации и средней номинальной заработной платы за период с 2000 по 2025 г. Главная цель статьи — подтверждение или опровержение гипотезы о наличии прямой зависимости и взаимосвязи между динамикой исполнения федерального бюджета по доходам и расходам с динамикой средней номинальной заработной платы.

Ключевые слова: анализ; динамика; доходы федерального бюджета; расходы федерального бюджета; средняя номинальная заработная плата.

Тема данной статьи обусловлена рядом современных научных исследований, связанных изучением динамики доходов федерального бюджета [6], сопутствующими рисками и перспективами [7], представленными, соответственно, в работах Н. В. Липчиу, А. А. Храмченко, С. Р. Аванесова, К. Э. Дошояна [6], а также А. И. Мاستерова [7]. Интерес представляют также научные исследования А. А. Халяпина и И. Р. Безугловой [9], Ю. Г. Яковлевой [10], Р. Гараевой и Б. Байрамалыева [3]. Проблемы баланса в структуре оплаты труда, в частности сотрудников государственных (федеральных) учреждений, представлены в работах О. В. Богачевой и О. В. Смородинова [1],

динамика заработной платы изучалась Е. Ф. Винокуровым [2], а статистические исследования в этой сфере проводились Е. И. Капустиной и Н. В. Алексеевой [4]. В контексте проводимого автором анализа указанных выше динамик определенное значение имеет и проблема зарплатного неравенства [8], а также имеющая место дифференциация уровней заработной платы в региональном и отраслевом аспектах [8], государственная поддержка малого и среднего бизнеса [5], которая отражается, как минимум, на размере расходной части федерального бюджета. Основной гипотезой исследования послужило положение о наличии прямой зависимости (взаимосвязи) между динамикой исполнения федерального бюджета по доходам и расходам с динамикой номинальной заработной платы. Динамика исполнения федерального бюджета РФ и средней номинальной заработной платы представлена в таблице.

Динамика исполнения федерального бюджета Российской Федерации и средней номинальной заработной платы за период с 2000 по 2025 г.

Год	Доходы федерального бюджета, млрд р.	Расходы федерального бюджета, млрд р.	Профицит (+) / дефицит (-) федерального бюджета, млрд р.	Средняя номинальная месячная зарплата в России, тыс. р.
2000	1 132,0	1 029,1	+102,9	2 223
2001	1 593,9	1 321,9	+272,0	3 240
2002	2 204,7	2 054,2	+150,5	4 360
2003	2 586,2	2 358,5	+227,7	5 499
2004	3 428,8	2 698,8	+730,0	6 740
2005	5 127,2	3 514,3	+1 612,9	8 555
2006	6 278,9	4 284,8	+1 994,1	10 634
2007	7 781,1	5 986,5	+1 794,6	13 593
2008	9 275,9	7 570,9	+1 705,0	17 290
2009	7 337,7	9 660,0	-2322,3	18 638
2010	8 305,4	10 117,4	-1812,0	20 952
2011	11 367,6	10 925,6	+442,0	23 369
2012	12 855,5	12 894,9	-39,6	26 629
2013	13 019,9	13 342,9	-33,0	29 792
2014	14 496,9	14 831,5	-343,6	32 495
2015	13 659,2	15 620,2	-1 961,0	34 030
2016	13 460,0	16 416,4	-2 956,4	36 709
2017	15 088,9	16 420,3	-1 331,4	39 167
2018	19 454,4	16 713,0	+2 741,4	43 724
2019	20 188,8	18 214,5	+1 974,3	47 867
2020	18 719,0	22 821,5	-4 102,5	51 344
2021	25 286,4	24 762,1	+524,3	57 244

Окончание таблицы

Год	Доходы федерального бюджета, млрд р.	Расходы федерального бюджета, млрд р.	Профицит (+) / дефицит (-) федерального бюджета, млрд р.	Средняя номинальная месячная зарплата в России, тыс. р.
2022	27 824,4	31 118,9	-3 294,5	65 338
2023	29 124,0	32 353,8	-3 229,0	74 854
2024	36 710,0	40 190,0	-3480,0	87 952
2025*	40 296,0*	41 469,5*	-1 173,5*	99 707*

П р и м е ч а н и е . * Данные за 2025 г. носят прогнозный характер.

Изучение динамики доходов и расходов федерального бюджета позволяет выявить ее положительный и достаточно устойчивый характер, несмотря на волнообразную динамику дефицита и профицита федерального бюджета, что свидетельствует, по мнению автора, об относительно стабильном функционировании экономики РФ в целом и наличии в ней определенных элементов развития. Что касается ситуации со средней номинальной заработной платой в России, то данные таблицы однозначно свидетельствуют о положительной динамике в части увеличения этого показателя. Присутствие в доходной и расходной частях федерального бюджета незавершенного производства (НЗП) обусловлено тем, что в коммерческом секторе экономики заработная плата с отчислениями на обязательное социальное страхование является элементом себестоимости продукции (товаров, работ, услуг) и прямо влияет на размер налога на добавленную стоимость (НДС), который, в свою очередь, является одним из источников формирования доходной части федерального бюджета. Что касается заработной платы работников бюджетной сферы (на федеральном уровне), то совокупный ее размер однозначно присутствует в расходной части федерального бюджета. Соответственно, величина доходной и расходной частей федерального бюджета прямо зависит от размеров НЗП. В части соответствия динамики доходов и расходов федерального бюджета динамике НЗП практически столь же однозначный, несмотря на отдельные снижения доходной части бюджета в 2009 г., а также в 2015, 2016, 2020 гг. Данное снижение доходов не является критическим и не противоречит положительной динамике доходной части федерального бюджета в целом. В результате имеет место прямая взаимосвязь динамики исполнения федерального

бюджета с динамикой НЗП; гипотеза исследования о наличии прямой зависимости (взаимосвязи) между динамикой исполнения федерального бюджета по доходам и расходам с динамикой номинальной заработной платы подтверждается.

В заключение проведенного исследования отметим, что подтверждение гипотезы автора о наличии прямой взаимосвязи между динамикой доходной и расходной части федерального бюджета с динамикой НЗП является основанием утверждать, что такая взаимосвязь также должна иметь место на региональном и муниципальном уровне экономики. Также понятно, что динамика номинальной и реальной заработной платы может не совпадать из-за инфляционных процессов в экономике, и в этом случае прямая взаимосвязь между динамикой доходной и расходной частей бюджета и реальной заработной платы будет присутствовать лишь в случае совпадения динамики такой зарплаты и динамики доходов и расходов бюджета. При этом возможна ситуация, при которой динамика доходов и расходов бюджета будет положительной, а динамика реальной заработной платы отрицательной.

Библиографический список

1. Богачева О. В., Смородинов О. В. Нарушение баланса в структуре оплаты труда работников федеральных учреждений // Финансовый журнал. — 2020. — Т. 12, № 6. — С. 113–125.
2. Винокуров Е. Ф. Динамика заработной платы и экономический рост: российские реалии // Экономическая наука современной России. — 2021. — №4 (95). С. 68–77.
3. Гараева Р., Байрамалыев Б. Роль государственного бюджета в социально-экономическом развитии страны // Вестник науки. — 2022. — Т. 3, № 12 (57). — С. 46–49.
4. Капустина Е. И., Алексеева Н. В. Статистическое исследование динамики заработной платы и ее влияние на покупательную способность населения // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2023. — № 11-3. С. 420–426.
5. Левшукова О. А., Захарова Д. П., Клевцова Д. В. Основные направления государственной поддержки малого и среднего бизнеса в РФ на 2022 год // Вестник Академии знаний. — 2022. — № 50 (3). — С. 197–202.
6. Липчу Н. В., Храменко А. А., Аванесова С. Р., Дошоян К. Э. Доходы федерального бюджета и обеспечение их роста // Естественно-гуманитарные исследования. — 2023. — № 4 (48). — С. 413–418.

7. *Мастеров А. И.* Доходы федерального бюджета в 2025–2027 гг.: риски и перспективы // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — № 12-1. — С. 87–93.

8. *Старокожева В. П., Агарычева А. В., Прошин И. А.* Зарплатное неравенство: дифференциация уровней заработной платы в регионах и отраслях России // Экономика труда. — 2022. — Т. 9, № 2. — С. 463–484.

9. *Халяпин А. А., Безуглова И. Р.* Анализ влияния санкций на бюджет Российской Федерации // Естественно-гуманитарные исследования. — 2023. — № 3 (47). — С. 347–350.

10. *Яковлева Ю. Г.* Государственный бюджет и его роль в обеспечении финансовой безопасности государства // Вопросы российского и международного права. — 2023. — Т. 13, № 11А. — С. 39–46.

И. В. Борзунов

*Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург,
Уральский государственный медицинский университет, г. Екатеринбург;*

Т. В. Миногина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Состояние здоровья населения как фактор экономической безопасности региона: направления исследований

Аннотация. Обоснована необходимость включения показателей здоровья населения в систему индикаторов экономической безопасности региона. Показано, что в современных условиях актуализируются вопросы переосмысления роли здоровья населения как системообразующего фактора комплексной социально-экономической безопасности территории. Определено влияние состояния здоровья населения на экономическую безопасность посредством воздействия на трудовой потенциал, производительность труда, бюджетную нагрузку и демографическую устойчивость региона.

Ключевые слова: экономическая безопасность; здоровье населения; человеческий капитал.

В современной региональной экономике все более отчетливо формируется подход, согласно которому состояние здоровья населения рассматривается не только как объект социальной политики, но и как ключевой параметр экономической безопасности, определяющий устойчивость траекторий развития территории в долгосрочном горизонте [1; 8]. Наряду с традиционными финансово-бюджетными, производственно-технологическими и институциональными, экологическими и другими параметрами экономической без-

опасности в научном дискурсе выделяется ее медико-демографическое измерение, отражающее качественные и количественные характеристики человеческого капитала как базового ресурса экономического роста [5; 7].

Современные исследования демонстрируют трансформацию подхода к пониманию сущности социальной безопасности — от объекта социальной политики к объекту экономической политики, что обуславливает необходимость ее концептуальной интеграции с экономической безопасностью и переосмысления роли здоровья населения как системообразующего фактора комплексной социально-экономической безопасности территории [1]. В этой логике Т. Г. Бутова, Е. П. Данилина и С. И. Мутовин [2] подчеркивают, что именно параметры здоровья населения задают границы устойчивости социально-экономических систем и определяют характер формирующихся медицинских трендов, которые отражают изменяющиеся общественные запросы и оказывают прямое влияние на экономическую стабильность регионов. В работе Э. Р. Ермаковой [6] качество жизни населения рассматривается в системе национальных интересов, при этом исследователь обосновывает, что при ее оценке ключевыми должны выступать показатели здоровья населения, ожидаемой продолжительности здоровой жизни и естественного прироста, непосредственно коррелирующие с задачами обеспечения экономической безопасности региона.

В современной региональной экономике все более отчетливо формируется подход, согласно которому состояние здоровья населения рассматривается не только как объект социальной политики, но и как ключевой параметр экономической безопасности, определяющий устойчивость траекторий развития территории в долгосрочном горизонте [1; 8]. Наряду с традиционными финансово-бюджетными, производственно-технологическими и институциональными, экологическими и другими параметрами экономической безопасности в научном дискурсе выделяется ее медико-демографическое измерение, отражающее качественные и количественные характеристики человеческого капитала как базового ресурса экономического роста [5; 7].

Современные исследования демонстрируют трансформацию подхода к пониманию сущности социальной безопасности — от объекта социальной политики к объекту экономической политики, что

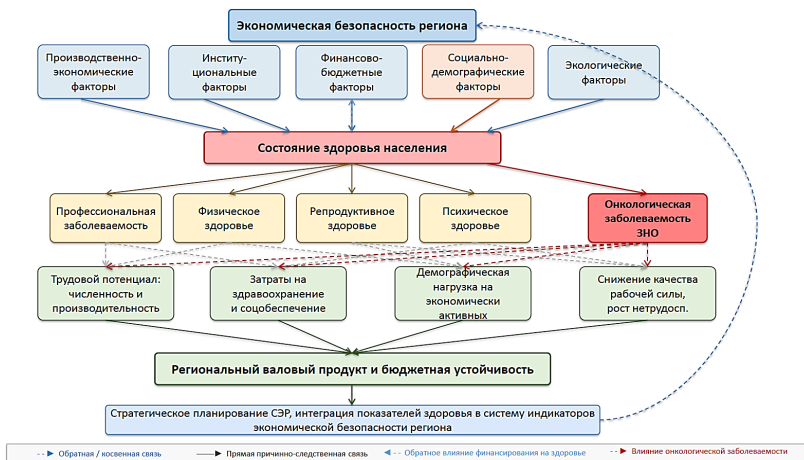
обуславливает необходимость ее концептуальной интеграции с экономической безопасностью и переосмысления роли здоровья населения как системообразующего фактора комплексной социально-экономической безопасности территории [1].

В этой логике Бутова Т. Г. с коллегами [2] подчеркивают, что параметры здоровья населения задают границы устойчивости социально экономических систем и определяют характер формирующихся медицинских трендов, отражающих изменяющиеся общественные запросы и оказывающих прямое влияние на стабильность регионов. Э. Р. Ермакова [6] обосновывает, что при оценке качества жизни в системе национальных интересов ключевыми должны выступать показатели здоровья населения, ожидаемой продолжительности здоровой жизни и естественного прироста, непосредственно коррелирующие с задачами обеспечения экономической безопасности региона. Значимый вклад в методологию количественного анализа внесла работа Ю. Ю. Швеца [10], в которой на основе факторного и регрессионного анализа выявлена плотная взаимосвязь между качеством здравоохранения, уровнем бедности и смертностью от социально значимых заболеваний, включая туберкулез и алкоголизм. Е. В. Градобоев и С. Ю. Богатырев [3] разработали многоуровневую систему индикаторов, позволяющую мониторировать устойчивость здравоохранения как элемента экономической безопасности региона и выявлять целевые, нормативные, финансово экономические и кадровые противоречия, требующие перехода к институционально интегрированной модели управления.

Логика трансформации состояния здоровья населения в параметры экономической безопасности региона представлена на рисунке.

Исследования в области социальной и экономической безопасности демонстрируют устойчивую тенденцию к их интеграции, когда здоровье населения трактуется как системообразующий элемент комплексной безопасности территории [1; 4]. Показано, что регионы с дефицитом ресурсов здравоохранения и высоким уровнем бедности демонстрируют устойчиво более высокую смертность трудоспособного населения, формируя прямые угрозы экономической безопасности через утрату накопленного человеческого капитала [7; 10]. Перспективным направлением является использование показателей здравоохранения в качестве основы риск-ориентированного мони-

торинга, в рамках которого здоровье населения выступает одновременно объектом защиты и ресурсом развития, а показатели заболеваемости и смертности — инструментами раннего предупреждения о нарастающих угрозах экономической безопасности [3; 7; 9].

Влияние состояния здоровья населения на экономическую безопасность региона

Проблема взаимосвязи экономической безопасности и здоровья населения особенно остра в старопромышленных регионах, где длительная эксплуатация природно-ресурсной базы и концентрация экологически неблагоприятных производств формируют повышенную медико-демографическую уязвимость [1; 5]. Недостижение целевых параметров национальных проектов по продолжительности жизни и рождаемости усиливает уязвимость экономической системы, а наращивание инвестиций в здравоохранение до уровня 6–7 % ВВП рассматривается как необходимое условие нейтрализации долгосрочных рисков экономической безопасности [4; 12]. В Свердловской области онкологическая нагрузка в ряде промышленных муниципалитетов приобрела параметры системной угрозы: годовичная летальность от злокачественных новообразований в пяти территориях превышает среднеобластной уровень в 1,35–1,71 раза, а контингент онкологических больных удвоился на фоне сокращения

населения [3; 8; 9], формируя эффект «двойного демографического давления» на региональную экономику [7; 8].

Проведенный анализ позволяет заключить, что в научном обществе сформировалось понимание здоровья населения как ключевого фактора экономической безопасности региона, однако методологический инструментарий его учета остается фрагментарным и требует дальнейшего развития [3; 7; 8; 9]. Представляется целесообразным: во-первых, включить медико-демографические показатели здоровья населения в систему индикаторов экономической безопасности на муниципальном уровне, сформировав интегральные показатели [3; 7]; во-вторых, совершенствовать методики стоимостной оценки потерь от заболеваемости и смертности с учетом межбюджетных эффектов и долгосрочных последствий для региональных рынков труда [4; 7; 11; 12]; в-третьих, исследовать механизмы обратной связи между экономическим развитием и медико-демографическими рисками [1; 10]; в-четвертых, оценивать эффективность институциональных преобразований в системе здравоохранения с позиций их вклада в снижение рисков экономической безопасности и переход от универсальных нормативов к дифференцированному муниципальному мониторингу [3; 9].

Библиографический список

1. Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Тенденции экономической динамики классического старопромышленного региона России // *Journal of new economy*. — 2022. — Т. 23, № 2. — С. 64–79.
2. Бутова Т. Г., Данилина Е. П., Мутовин С. И. и др. Медицинские тренды: отражение запросов общества к системе здравоохранения и обеспечение социально-экономической безопасности // *Финансово-экономическая безопасность Российской Федерации и ее регионов: сб. матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. (Симферополь — Феодосия, 19 декабря 2024 г.)*. — Симферополь, 2025. — С. 25–27.
3. Градобоев Е. В., Богатырев С. Ю. Измерение параметров региональной экономической безопасности с учетом состояния местного здравоохранения // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. — 2026. — Вып. 3. — С. 129–141.
4. Джанбраилова А. О., Джанбраилова Т. Г., Бекеладзе З. Т. Стратегические приоритеты развития здравоохранения в России: обеспечение экономической безопасности в условиях демографических и геополитических вызовов // *Российское предпринимательство*. — 2025. — № 3 (173). — С. 243–251.

5. Домнич Е. Л. Расходы на здравоохранение и качество жизни населения в регионах Дальнего Востока России // Регионалистика. — 2023. — № 4. — С. 25–43.
6. Ермакова Э. Р. Качество жизни населения в системе национальных интересов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2025. — Т. 21. — С. 4–17.
7. Зайцева Н. В., Шур П. З., Голева О. И. Экономическая оценка риска для жизни и здоровья населения региона // Экономика региона. — 2012. — № 2. — С. 178–185.
8. Кривенко Н. В., Цветков А. И. Эффективность финансирования здравоохранения для обеспечения экономической безопасности региона // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, № 3. — С. 970–986.
9. Левкина Е. В., Гусев Е. Г., Киричек А. И. Управление экономической безопасностью на мезоуровне (на примере здравоохранения в Приморском крае) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2025. — Т. 27, № 1. — С. 44–54.
10. Швец Ю. Ю. Проведение факторного и регрессионного анализа для выявления взаимосвязи между показателями заболеваемости населения и экономического развития территории // АНИ: экономика и управление. — 2023. — № 1 (42). — С. 147–150.
11. Barchuk A., Beshpalov A., Huhtala H. et al. Productivity losses associated with premature mortality due to cancer in Russia // Scandinavian journal of public health. — 2019. — Vol. 47, no. 5. — P. 482–491.
12. Tackling the impact of cancer on health, the economy and society / OECD. — Paris: OECD Publishing, 2024. — 182 p.

Н. С. Борзунова

Уральский государственный медицинский университет, г. Екатеринбург;

В. В. Федоров

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Организационная консолидация службы скорой медицинской помощи как фактор устойчивости системы экстренной помощи на территории региона

Аннотация. В статье рассматривается организационная консолидация службы скорой медицинской помощи как инструмент повышения устойчивости системы на территории. Показано, что централизация диспетчеризации, унификация организационных процессов и развитие единого информационного контура способствуют повышению управляемости и более рациональному использованию ресурсов. Выделены основные риски консолидации, включая рост управленческой дистанции и логистические ограничения. Сделан вывод о том, что положительный эффект консолидации достигается при сохранении территориальной доступности помощи и поэтапной интеграции процессов.

Ключевые слова: скорая медицинская помощь; организационная консолидация; устойчивое развитие; диспетчеризация; управление ресурсами.

Скорая медицинская помощь (СМП) является ключевым элементом системы оказания экстренной медицинской помощи на территории. Ее устойчивость определяет доступность помощи населению, непрерывность маршрутизации пациентов и способность службы СМП функционировать в условиях кадровых и логистических ограничений. В этих условиях возрастает значение организационных моделей управления, ориентированных на координацию и эффективное использование ресурсов [1].

В отечественной литературе организационная консолидация СМП рассматривается как механизм повышения устойчивости системы в условиях роста нагрузки, кадрового дефицита и необходимости единого диспетчерского управления [2]. Показано, что единая служба или единая диспетчерская модель позволяют более рационально перераспределять ресурсы, ускорять маршрутизацию и снижать организационную фрагментацию [4]. Зарубежные исследования также связывают устойчивость EMS с архитектурой call-центров, телефонным и цифровым триажем, а также централизацией информационных и диспетчерских процессов [5].

Вместе с тем укрупнение системы не всегда автоматически приводит к положительным результатам. Оно может сопровождаться ростом управленческой дистанции, риском формальной интеграции без реального изменения процессов и зависимостью от качества диспетчерского и цифрового контуров. Цель исследования — оценить влияние организационной консолидации службы скорой медицинской помощи на устойчивость системы СМП на территории. Предмет исследования — организационно-экономические эффекты и риски, возникающие при консолидации службы СМП.

Проведенный анализ научной литературы показывает, что организационная консолидация СМП представляет собой не только административное укрупнение, но и перестройку модели управления экстренной медицинской помощью. Ее основными компонентами выступают централизация диспетчерских функций, унификация регламентов, формирование общей кадровой и ресурсной политики и развитие единого информационного пространства [3]. Одним из главных эффектов консолидации является повышение управляемости системы. Единый организационный контур снижает административную разобщенность подразделений, упрощает контроль ключевых показателей и позволяет оперативнее перераспределять нагрузку между территориями.

Российские исследования показывают преимущества единой диспетчерской модели на уровне субъекта Федерации, а зарубежные работы подтверждают, что устойчивость входящего потока во многом зависит от организации диспетчерского центра [9]. Вторым важным эффектом является более рациональное использование ресурсов. Консолидация расширяет возможности перераспределения бригад, транспорта и консультативных функций, облегчает внедрение цифровых решений и поддерживает устойчивость системы в условиях неравномерной нагрузки [6]. При этом телефонный и цифровой триаж могут снижать число необоснованных выездов и разгружать основную сеть экстренной помощи [7]. Одновременно выявлены и риски консолидации: рост дистанции между центром управления и удаленными территориями, зависимость результатов от качества диспетчерского контура, вероятность формального объединения без глубокой интеграции процессов. Таким образом, положительный эффект консолидации наиболее вероятен при сохранении территориальной доступности помощи, функционировании единой диспетчер-

ской модели и развитии общей цифровой среды [8]. Эффекты и риски консолидации СМП представлены в таблице.

Эффекты и риски консолидации СМП

Направление	Эффект	Риск	Условие
Управление	Единый контур управления	Рост дистанции управления	Разграничение функций
Диспетчеризация	Равномерное распределение вызовов	Перегрузка центра	Достаточный ресурс диспетчерской
Кадры	Гибкое перераспределение персонала	Сопrotивление изменениям	Единая кадровая политика
Логистика	Более рациональное использование транспорта	Увеличение плеча доезда	Сохранение территориальной доступности
ИТ-системы	Единый учет и контроль	Сложности интеграции	Унификация цифровой среды
Маршрутизация	Стандартизация потоков пациентов	Недоучет местной специфики	Единые правила с учетом территории

Механизм влияния организационной консолидации на устойчивость системы скорой медицинской помощи на территории региона

Результаты анализа литературы позволяют рассматривать консолидацию СМП как инструмент повышения устойчивости системы скорой медицинской помощи на территории. Вместе с тем сам факт административного объединения не гарантирует высокой эффективности. Ключевое значение имеет глубина интеграции управлен-

ческих, кадровых, логистических и информационных процессов [10]. Механизм влияния организационной консолидации на устойчивость системы СМП на территории представлен на рисунке.

В зарубежной литературе выделяются механизмы этой связи. Определяется, что устойчивость достигается через сильный диспетчерский центр, стандартизированный триаж, цифровую фильтрацию обращений и единый информационный контур. Поэтому консолидация должна рассматриваться как управляемый проект организационного развития, а не как простое изменение подчиненности.

Таким образом, организационная консолидация службы скорой медицинской помощи является значимым фактором повышения устойчивости системы СМП на территории. Ее основные преимущества заключаются в повышении управляемости, более рациональном использовании ресурсов и снижении организационной фрагментации. Результативность консолидации определяется сохранением территориальной доступности помощи, качеством диспетчерского управления, унификацией процессов и поэтапностью преобразований.

Библиографический список

1. Багненко С. Ф., Мирошниченко А. Г., Алимов Р. Р., Шляфер С. И. Оценка состояния скорой медицинской помощи в разных условиях ее оказания в Российской Федерации. Анестезиология и реаниматология. — 2021. — № 2. — С. 124–130.
2. Биркун А. А., Дежурный Л. И. Организационные аспекты внедрения практики диспетчерского сопровождения первой помощи при остановке сердца в Российской Федерации (обзор литературы) // Здравоохранение Российской Федерации. — 2023. — Т. 67, № 4. — Р. 284–291.
3. Куликова И. Б., Москвина С. С. Трансформация службы скорой медицинской помощи в период пандемии COVID-19: корреляционно-тематический анализ. Российский медицинский журнал. — 2022. — Т. 28, № 3. — С. 193–199.
4. Степанов В. Г., Аносова Т. Н., Краузе О. В. и др. Пандемия COVID-19 как мощный импульс в развитии инновационных технологий службы скорой помощи Чувашии // Вестник Росздравнадзора. — 2023. — № 1. — С. 72–77.
5. Galmiche S., Rahbe E., Fontanet A. et al. Implementation of a self-triage web application for suspected COVID-19 and its impact on emergency call centers: observational study // Journal of medical internet research. — 2020. — Vol. 22, no. 11. — Article no. e22924.

6. Jensen T., Holgersen M.G., Jespersen M.S. et al. Strategies to handle increased demand in the COVID-19 crisis: a coronavirus ems support track and a web-based self-triage system // Prehospital emergency care. — 2021. — Vol. 25, no. 1. — P. 28–38.

7. Kim K., Oh B. Prehospital triage in emergency medical services system: a scoping review // International emergency nursing. — 2023. — Vol. 69. — Article no. 101293.

8. Marincowitz C., Stone T., Hasan M. et al. Accuracy of emergency medical service telephone triage of need for an ambulance response in suspected COVID-19: an observational cohort study // BMJ Open. — 2022. — Vol. 12, no. 5. — Article no. e058628.

9. Penverne Y., Jenvrin J., Montassier E. EMS dispatch center activity during the COVID-19 containment // American journal of emergency medicine. — 2021. — Vol. 46. — P. 654–655.

10. Penverne Y., Leclerc B., Labady J. et al. Impact of two-level filtering on emergency medical communication center triage during the COVID-19 pandemic: an uncontrolled before-after study // Scandinavian journal of trauma, resuscitation and emergency medicine. — 2020. — Vol. 28, no. 1. — P. 28–80.

Е. П. Жиленкова, М. В. Буданова

*Брянский государственный инженерно-технологический университет,
г. Брянск;*

А. В. Сарсадских

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Управление коррупционными рисками: роль и место в системе мер по обеспечению экономической безопасности

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос актуальности управления коррупционными рисками в экономике в качестве фактора по обеспечению экономической безопасности, проведена структуризация антикоррупционной политики организации, процесс оценки коррупционных рисков представлен в виде системы с учетом мер по предупреждению коррупции в организациях.

Ключевые слова: экономическая безопасность; коррупция; антикоррупционная политика; риск; оценка; управление; контроль.

Экономическая безопасность как государства в целом, так и его административно-территориальных единиц во многом зависит от непрерывного контроля текущей ситуации с целью своевременного устранения рисков и нейтрализации угроз. Согласно декларации руководящих принципов контроля, принятой IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля в г. Ли-

ме¹, обозначено, что «...контроль — не самоцель, а неотъемлемая часть системы регулирования», задачей которой является заблаговременное обнаружение отклонений от установленных норм и «...нарушений принципов законности, эффективности и экономии»² ресурсов, что дает возможность оперативно скорректировать курс, привлечь к ответственности, получить компенсацию за ущерб или разработать меры по предотвращению и минимизации подобных инцидентов в будущем.

Коррупция выступает одним из ключевых факторов, подрывающих экономическую безопасность, а эффективная борьба с ней — необходимым условием для стабильного экономического роста и социальной справедливости. В связи с этим проведение предупредительных и контрольных мероприятий антикоррупционной политики может являться значимым фактором повышения экономической безопасности.

Международные организации оценивают влияние коррупционных процессов на функционирование мировой экономической системы. Так, по данным Международного валютного фонда «...мировая экономика из-за коррупционного влияния теряет около 2 % валового внутреннего продукта ежегодно»³. Проблема внутрикорпоративной коррупции имеет системный характер, вызывая не только потери внутри организации, но и отражается на параметрах экономической безопасности как региона, так и государства в целом. «Прямые финансовые убытки, потери временных и кадровых ресурсов, а также репутационные риски...» [2] являются издержками воздействия коррупционных процессов на деятельность организации. Специфика «...проявления коррупционного риска...» [2] обусловлена «...нормативным правовым полем...» [2] как внешним фактором, так и внутренними факторами: «...количеством и качеством внутренних

¹ Международные документы. Лимская декларация руководящих принципов контроля / Контрольная счетная палата Москвы. — URL: <https://ksp.mos.ru/documents/> (дата обращения: 08.04.2026).

² Международные документы. Лимская декларация руководящих принципов контроля / Контрольная счетная палата Москвы. — URL: <https://ksp.mos.ru/documents/> (дата обращения: 08.04.2026).

³ МВФ оценил ущерб мировой экономике от коррупции в 1,5–2 трлн долл. // Интерфакс. — 2016. — 12 мая. — URL: <https://www.interfax.ru/business/507934> (дата обращения: 05.04.2026).

регламентов...» [2] на конкретном предприятии, «...особенностями бизнес-процессов...» [2] и кадрового состава.

Осуществление процедуры формирования «...эффективной антикоррупционной политики...»¹ является специфической для каждого предприятия, так как связано с определением «...в рамках каких бизнес-процессов такие правонарушения наиболее вероятны, каковы возможные способы их совершения и к каким последствиям они могут привести»². На основе мер по предупреждению коррупции в организациях, утвержденных Министерством труда России³, структура антикоррупционной политики организации может принимать следующий вид (рис. 1).

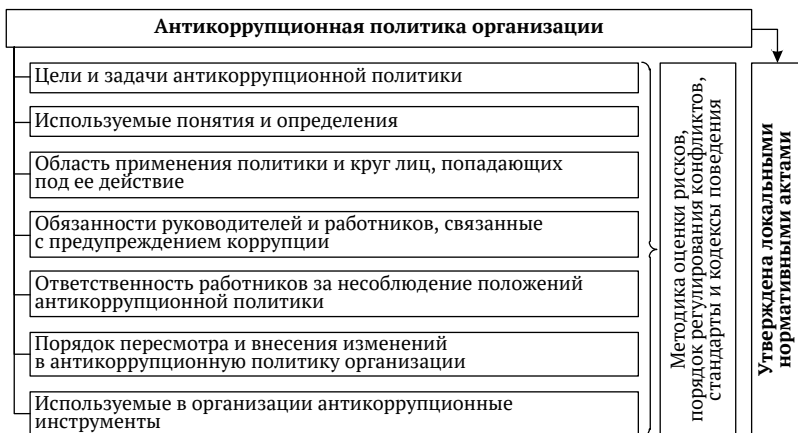

Рис. 1. Структура антикоррупционной политики организации

Оценка коррупционных рисков позволяет выявить уязвимые участки в управленческой, финансово-хозяйственной и операционной деятельности, где существует вероятность возникновения злоупотреблений. Процедура оценки должна быть основана на анализе

¹ Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции /Минтруд России. — URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/15/0> (дата обращения: 27.03.2026).

² Там же.

³ Там же

структуры управления, внутренних процессов, сфер влияния должностных лиц и взаимодействия с внешними контрагентами. Система оценки коррупционных рисков с учетом мер по предупреждению коррупции в организациях, утвержденных Министерством труда России¹, представлена на рис. 2.

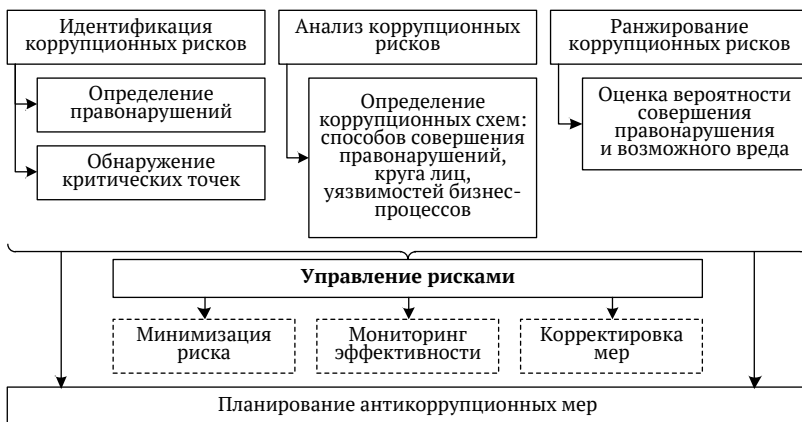

Рис. 2. Система оценки коррупционных рисков

Реализация действия механизма оценки и управления коррупционными рисками будет приносить результат в том случае, когда он будет вписан в систему внутрифирменного контроля и иметь непрерывный характер. Важно обозначить тот факт, что внутрифирменный контроль должен использоваться не только для «...выявления свершившихся фактов» [1], а в первую очередь быть основой предупредительных действий по наступлению «...неблагоприятных последствий в экономике, вызванных коррупционными процессами» [1].

Критериями оценки результативности функционирования системы управления коррупционными рисками могут выступать сведения о «...профилактике коррупции, борьбе с выявленными фак-

¹ Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции /Минтруд России. — URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/15/0> (дата обращения: 27.03.2026).

тами коррупционного поведения, а также по ликвидации последствий действий сотрудников коррупционной направленности» [2].

Таким образом, система мер по управлению, оценке и снижению коррупционных рисков является стратегическим элементом экономической безопасности государства. Она формирует условия для устойчивого развития, защищает государственные интересы и делает экономику страны более устойчивой к кризисам, вызванным как внутренними, так и внешними факторами.

Библиографический список

1. *Алексеев С. Л.* Антикоррупционный контроль в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — Казань, 2022. — 444 с.

2. *Тарасова Н. В., Булатенко М. А.* Механизм противодействия коррупции для обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — № 4-4 (106). — URL: <https://research-journal.org/archive/4-106-2021-april/mechanizm-protivodejstviya-korrupcii-dlya-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-hozyajstvuyushhego-subekta> (дата обращения: 14.02.2026).

В. В. Калицкая, Д. В. Детко

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург;

М. Х. Ван

*Колледж экономики и менеджмента,
Северо-Западный университет сельского и лесного хозяйства,
г. Шэньси, Китай*

Экономическая безопасность в здравоохранении: доминирование документарных нарушений в контрольной деятельности территориального фонда ОМС

Аннотация. В статье на основе данных территориального фонда обязательного медицинского страхования Свердловской области за 2023–2025 гг. проанализирована и предметно изучена структура финансовых санкций по результатам медико-экономического контроля и экспертизы качества медицинской помощи. Выявлено превалирование документарных нарушений, в частности оформление счетов, доля которых в санкциях медико-экономического контроля достигла 88,7 % от общего числа нарушений в 2025 г. Санкции за документарные нарушения в 5,97 раза превысили штрафы за невыполнение лечебных мероприятий. Дана оценка ситуации в деятельности контрольных мероприятий, которая указывает на перекосы в системе видов контроля по сравнению с автоматизированной системой выявления нарушений и проверкой качества лечения. Сделан вывод о формировании рисков для экономической безопасности системы обязательного медицинского страхования, деятельности территориального фонда обязательного медицинского страхования в Свердловской области и предложены направления их снижения.

Ключевые слова: экономическая безопасность в здравоохранении; обязательное медицинское страхование (ОМС); территориальный фонд обязательного медицинского страхования (ТФОМС); медико-экономический контроль (МЭК); экспертиза качества медицинской помощи (ЭКМП); документарные нарушения; санкции.

В условиях устойчивого роста финансирования системы обязательного медицинского страхования (ОМС) эффективность контрольной деятельности территориальных фондов ОМС (ТФОМС) становится одним из ключевых факторов экономической безопасности. Как отмечает Е. В. Градобоев, экономическая безопасность региона в сфере здравоохранения определяется как «способность институтов ОМС и органов власти предотвращать, нейтрализовать и компенсировать внутренние и внешние риски, угрожающие социальной стабильности, демографическому развитию и качеству жизни населения» [1, с. 79].

Система контроля, включающая в себя три средства проверки, такие как медико-экономический контроль (МЭК), медико-экономическая экспертиза (МЭЭ), экспертиза качества медицинской помощи (ЭКМП), обеспечивает целевое расходование средств и качество медицинской помощи для населения. Однако практика показывает устойчивый дисбаланс в показателях: основная масса финансовых санкций налагается за нарушения, не связанные напрямую с лечебным процессом, а значит, они не влияют в полной мере на качество оказания медицинских услуг.

Цель исследования — на данных ТФОМС Свердловской области за 2023–2025 г. провести структурный анализ нарушений, выявленных в ходе МЭК и ЭКМП, оценить соотношение санкций за документарные нарушения и нарушения качества медицинской помощи, а также выявить связанные с этим риски для экономической безопасности региональной системы ОМС.

Использованы официальные отчеты ТФОМС Свердловской области (формы № 8 и 8А) за 2023–2025 гг. Применены методы сравнительного и структурного анализа. Данные за 2024 г. представлены в исходных материалах только за IV квартал, поэтому используются для иллюстрации ситуации без экстраполяции на год.

За анализируемый период объем средств, направленных медицинским организациям (частным и государственным), вырос с 76,1 млрд р. в 2023 г. до 98,1 млрд р. в 2025 г. При этом общая сумма штрафов и неоплат увеличилась с 573 000 тыс. р. до 616 500 тыс. р., а ее доля в общем объеме финансирования снизилась с 0,75 % до 0,63 %. Общие структурные изменения свидетельствуют о глубокой трансформации приоритетов контрольной деятельности.

Доля «бумажных» нарушений (оформление счетов) в структуре МЭК за три года выросла с 59,9 % до 88,7 % (рис. 1 и 2). В 2025 г. сумма санкций по этой статье достигла 546,6 млн р., что в 2,8 раза превышает аналогичный показатель 2023 г. (194,7 млн р.). Таким образом, основная нагрузка на медицинские организации формируется не за счет качества помощи, а за счет формальных ошибок в реестрах.

Аналогичная тенденция прослеживается и в других регионах. Так, по данным О. А. Цыгановой и Н. Н. Ясько, в структуре финансовых потерь медицинских организаций по результатам МЭЭ в 2023 г. 81,1 % пришлось на нарушения, связанные с несоответствием тарифа, а 5,6 % — на отсутствие информированного добровольного согласия [3]. Исследователи подчеркивают, что примерно 15 % дефек-

тов помощи относятся к документарным нарушениям, это приводит к существенным финансовым потерям при незначительном влиянии на качество.

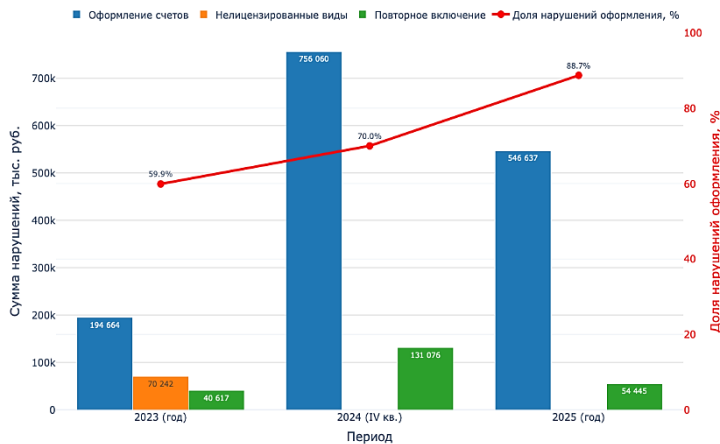

Рис. 1. Динамика доминирования документарных нарушений в структуре МЭК (ТФОМС)

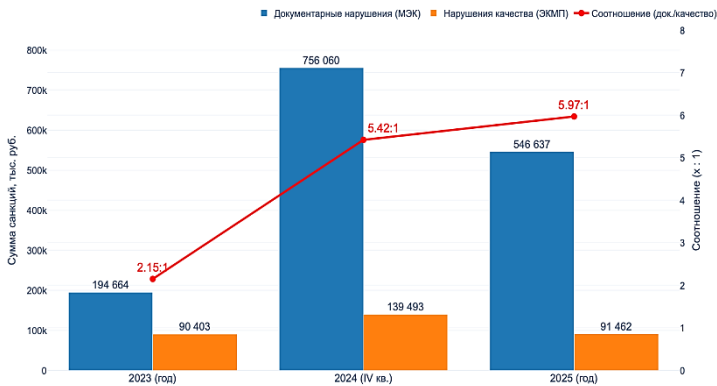

Рис. 2. Соотношение санкций за документарные нарушения и нарушения качества медицинской помощи

В 2025 г. на каждый рубль, изъятый за невыполнение лечебных мероприятий, приходится почти 6 р., изъятых за ошибки в оформ-

лении счетов. За три года это соотношение увеличилось более чем в 2,7 раза.

Исследование, проведенное М. А. Троянской и А. Е. Бикбау в Оренбургской области, выявило, что основная часть нарушений при экспертизе качества не повлияла на состояние здоровья пациентов, но доля нарушений, повлиявших на здоровье, с каждым годом неуклонно снижалась [2]. Авторы отмечают, что непредставление медицинской документации составляет крайне малую часть всех нарушений, а львиная доля дефектов носит лишь формальный характер.

Для количественной оценки структурных изменений в системе финансового контроля рассчитаны выведены два новых показателя применительно к нашей ситуации:

$$\text{Коэффициент документарной нагрузки (КДН)} = \frac{\text{Санкции за нарушение оформления счетов}}{\text{Общая сумма санкций (МЭК + МЭЭ/ЭКМП + СМО + Повторные)}}.$$

$$\text{Коэффициент эффективности контроль (КЭК)} = \frac{\text{Санкции по результатам МЭЭ и ЭКМП (СМО + Повторные ТФОМС)}}{\text{Общая сумма санкций}}.$$

Проведем расчеты на основе данных рис. 1 и 2:

$$\text{КДН}_{2023} = \frac{194\,700}{573\,000} = 0,34 \times 100 = 34\%;$$

$$\text{КДН}_{2025} = \frac{546\,600}{881\,700} = 0,62 \times 100 = 62\%;$$

$$\text{КЭК}_{2023} = \frac{62\,300 + 185\,800}{573\,000} = \frac{248\,100}{573\,000} = 0,43 \times 100 = 43\%;$$

$$\text{КЭК}_{2025} = \frac{255\,300 + 9\,900}{881\,700} = \frac{265\,200}{881\,700} = 0,30 \times 100 = 30\%.$$

Результаты указаны в таблице.

Суммарно за два годовых периода доля документарных нарушений в общем объеме санкций выросла с 34 % до 62 % (примерно вдвое), а доля санкций, связанных с качеством помощи, сократилась

с 43 % до 30 % (на треть), что подтверждает смещение фокуса контроля в сторону бюрократических процедур. Это лишь означает одно, что произошел цикл изменений, при котором появилась тенденция к решению проблемы «бумажных недочетов», а не к реальному улучшению качества медицинской помощи.

Показатели структуры финансовых санкций

Показатель	2023	2025	Динамика, %
Общая сумма санкций	573 000 тыс. р.	881 700 тыс. р.	+53,9
КДН (Санкции / Общие санкции), %	34 %	62 %	+82,4
КЭК (Санкции МЭЭ + ЭКМП / Общие санкции), %	43 %	30 %	–30,2

Увиденный дисбаланс требует системных изменений в организации контрольной деятельности. Прежде всего необходимо пересмотреть приоритеты: сместить акцент с тотальной проверки формальных данных на риск-ориентированный подход, при котором экспертиза концентрируется на случаях, имеющих высокую вероятность влияния на здоровье пациентов или значительных экономических последствий. Такой подход, как показывает опыт внедрения в ряде субъектов РФ, позволяет при меньшем количестве проверок повысить качество поиска реальных дефектов качества [3].

Вторым направлением является технологическая минимизация документарных ошибок. Нужно автоматизировать процесс посредством предпроверки реестров счетов на этапе их формирования в медицинских информационных системах, и это, вероятно, позволит снизить число технических и бюрократических ошибок до минимума. Это особенно актуально в свете того, что 88,7 % штрафов по МЭК в 2025 г. пришлось именно на нарушения оформления счетов.

Третье предложение — дифференциация финансовых санкций. В законодательстве предполагается закрепить действенный принцип, согласно которому тяжесть санкции должна соответствовать потенциальному или реальному вреду для пациента. Незначительные ошибки в оформлении, которые не повлекли ущемления прав застрахованных, должны санкционироваться не полным отказом в оплате, а предупреждением для начала или уменьшением суммы на фиксированный процент. Данное предложение позволит сохранить реальный контроль, но снизит негативный экономический эффект для медицинских организаций.

Для наилучшего эффекта необходимо усилить профилактическую работу, вместо карательной функции контроля активнее использовать разбор системных ошибок, проведение обучающих семинаров для медицинских работников (административного и медицинского персонала). Такие меры поспособствуют исправлению недостатков, а не только оплате штрафов, что в конечном счете повысит устойчивость системы ТФОМС не только в Свердловской области, но и ФОМС.

Проведенный анализ отчетности ТФОМС Свердловской области за 2023–2025 гг. выявил серьезный перекос структуры финансовых санкций: доля документарных нарушений в общем объеме штрафов по МЭК достигла 88,7 % в 2025 г., соотношение санкций за документарные нарушения и за невыполнение лечебных мероприятий возросло и составило 5,97:1. Исходя из исследований других регионов прослеживается аналогичная тенденция.

Для снижения выявленных рисков экономической безопасности необходимо пересмотреть приоритеты контрольной деятельности, внедрить автоматизированную предпроверку реестров счетов, дифференцировать санкции в зависимости от их влияния на здоровье пациента, а также усилить профилактическую составляющую контроля.

Библиографический список

1. Градобоев Е. В. Теоретическое обоснование мер повышения экономической безопасности региона на основе мероприятий в отрасли здравоохранения с применением институционального подхода // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — Т. 9, № 11 (164). — С. 75–85.
2. Троянская М. А., Бикбау А. Е. Оценка показателей качества управления территориальным фондом обязательного медицинского страхования (на примере Оренбургской области) // Экономический анализ: теория и практика. — 2024. — Т. 23, № 8 (551). — С. 1493–1515.
3. Цыганова О. А., Ясько Н. Н. Влияние результатов контрольно-экспертных мероприятий на формирование финансовой устойчивости медицинских организаций в системе обязательного медицинского страхования (на примере онкологической помощи) // Социальные аспекты здоровья населения. — 2025. — Т. 71, № 1. — С. 39–42.

Ф. Е. Караева

*Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет
им. В. М. Кокова, г. Нальчик;*

А. Назарбеков

Бухарский государственный университет, г. Бухара, Узбекистан;

И. М. Перминова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Исследование социально-экономической безопасности в регионах Северо-Кавказского федерального округа: анализ занятости населения

Аннотация. Занятость населения определяется как главный фактор социально-экономического развития региона. Отмечена роль воздействия региональной политики занятости на рынок труда с учетом определения приоритетов, направленных на усиление позитивных воздействий и минимизацию негативных. Обозначены факторы, влияющие на рынок труда. В рамках исследуемого субъекта проанализированы показатели среднегодовой численности занятого населения и их изменения в процентном соотношении по отношению к предыдущему периоду. Определены основные направления позитивного воздействия на занятость населения.

Ключевые слова: занятость населения; региональная политика; социально-экономическая безопасность; Северо-Кавказский федеральный округ.

Занятость населения представляет собой фундаментальный фактор экономического и социального прогресса, обуславливающий возможность удовлетворения личных потребностей в трудовой деятельности и способствующий поддержанию демографической стабильности. Этот показатель оказывает решающее влияние на рациональное использование трудовых ресурсов общества, а также напрямую связан с улучшением жизни и обеспечением благополучия [3]. Учитывая многогранность факторов, влияющих на занятость, региональная политика должна быть направлена на усиление позитивных воздействий и минимизацию негативных. На практике региональные проблемы занятости решаются через разнообразные инструменты государственного регулирования. Важно при этом фокусироваться на тех аспектах региональной политики, которые наиболее актуальны для данного региона. Различные подходы в рамках региональной политики занятости оказывают влияние на динамику спроса и предложения на рынке труда, на характеристики рабочих мест и рабочей силы. В современном мире главной динамической со-

ставляющей деятельности любого субъекта следует считать кадровый ресурс, который включает деловые и личностные характеристики [2].

Все участники экономической жизни обязаны действовать в соответствии с законом. Поэтому ключевым аспектом региональной политики в сфере занятости является наличие комплекса нормативных и законодательных актов, создаваемых на федеральном и региональном уровнях. В целом управление занятостью заключается в целенаправленном воздействии на рынок труда, отражая приоритеты, обусловленные особенностями развития региона. Как известно, главной целью регулирования рынка труда является достижение уровня занятости населения [1].

Занятость населения в Северо-Кавказском федеральном округе, как и в других регионах России, имеет свои характерные черты. Хотя ведется определенная работа по созданию новых рабочих мест, развитию предпринимательства, но тем не менее сохраняются определенные проблемы. Пожалуй, одной из острых проблем можно назвать высокий уровень безработицы среди молодежи. Выпускники вузов и колледжей часто сталкиваются с трудностями при поиске работы. Практически вся основная масса работодателей требует специалистов с определенным стажем, чего нет у выпускников, которые по этой причине не могут участвовать в конкурсном отборе. Следующей причиной можно назвать несоответствие полученной специальности реальным потребностям рынка или же отсутствие вакансий.

На занятость населения в сельской местности оказывает непосредственное влияние сезонность сельскохозяйственного производства, а так как регион аграрного направления, то сезонные колебания в занятости определяют специфику спроса на рабочую силу. В то же время в современную эпоху сезонность сталкивается с новыми вызовами — это изменение климата, экстремальные погодные условия, что требует от аграриев повышенной гибкости и адаптивности. В связи с этим оптимизирующим механизмом является развитие технологий в виде тепличного овощеводства, что позволяет сглаживать в некоторой степени динамику занятости. Но тем не менее традиционное полевое земледелие остается основной продовольственной системы, и вопрос сезонности производства имеет определенное влияние на показатели занятости населения.

Следующим важным фактором, влияющим на рынок труда, является интенсивность миграционных процессов. Будучи неотъемле-

мой частью глобального развития, миграционные потоки оказывают многогранное воздействие на рынок труда и занятость населения. С одной стороны, происходит снижение давления на местный рынок труда, но с другой стороны, это приводит к оттоку квалифицированных кадров. В некоторых случаях, особенно при массовом притоке мигрантов, может возникнуть усиление конкуренции за рабочие места, особенно на низкоквалифицированных позициях, что может привести к снижению заработной платы в определенных секторах экономики. В некоторых случаях возможны социальные трения, связанные с культурными различиями, языковыми барьерами и др. Высококвалифицированные мигранты, как правило, легче интегрируются на рынок труда, принося большую пользу. В целом государственная политика в данной области играет ключевую роль в смягчении негативных последствий и максимизации положительных эффектов. При правильном управлении миграция может стать мощным драйвером экономического развития, способствуя заполнению вакансий, стимулированию инноваций и поддерживая демографический баланс.

По данным Росстата коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения по Северо-Кавказскому федеральному округу имеет отрицательный показатель и составляет –10 чел. Все регионы, входящие в данный округ, кроме Республики Ингушетия (+3) и Ставропольского края (+5), имеют отрицательные показатели¹.

По Северо-Кавказскому федеральному округу численность занятого населения в 2024 г. повысилась на 189,8 тыс. чел. и составила 4308,6 тыс. чел. (см. рисунок, табл. 1 и 2).

Наибольший процент роста занятого населения наблюдается по Республике Дагестан 9,2 % или 107,2 тыс. чел., а наименьшее в Чеченской Республике на 0,8 тыс. р. И только по Кабардино-Балкарии произошло снижение на 5,7 тыс. чел. и к концу 2024 г. численность занятого населения составила 384,6 тыс. чел. Незначителен результат увеличения показателя занятости по Республике Северной Осетии – Алании 1,2 % (или 3,5 тыс. чел.).

Представленные данные позволяют сделать определенные выводы о динамике развития регионов Северо-Кавказского федерального округа. Несмотря на общие положительные тенденции, наблю-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: стат.сб. / Росстат. — М., 2025. — 1035 с.

дается также неоднородность в темпах роста и достигнутых показателях между субъектами Северо-Кавказского федерального округа.

Динамика численности занятого населения
Северо-Кавказского федерального округа, тыс. чел.

Т а б л и ц а 1

Среднегодовая численность занятого населения, тыс. чел.

Регионы	2022	2023	2024	Изменения	
				тыс. чел.	доля, %
Северо-Кавказский федеральный округ	4 118,8	4 190,5	4 308,6	189,8	104,6
Республика Дагестан	1 161,7	1 230,2	1 268,9	107,2	109,2
Республика Ингушетия	190,9	196,6	198,3	7,4	103,9
Кабардино-Балкарская Республика	390,3	386,0	384,6	-5,7	98,6
Карачаево-Черкесская Республика	179,6	188,0	195,0	15,4	108,5
Республика Северная Осетия — Алания	271,7	274,2	275,2	3,5	101,2
Чеченская Республика	574,6	569,2	575,4	0,8	100,1
Ставропольский край	1 350,0	1 344,4	1 411,0	61,0	104,5

Т а б л и ц а 2

Изменение численности занятых, % к предыдущему году

Регион	2022	2023	2024
Северо-Кавказский федеральный округ	105,4	101,7	102,8
Республика Дагестан	108,7	105,9	103,1
Республика Ингушетия	108,5	104,0	99,9
Кабардино-Балкарская Республика	104,4	98,9	99,6

Регион	2022	2023	2024
Карачаево-Черкесская Республика	106,2	104,7	103,8
Республика Северная Осетия — Алания	104,6	100,9	100,4
Чеченская Республика	106,5	99,1	101,1
Ставропольский край	102,3	99,6	105,0

Более пристальное внимание следует обратить регионам, демонстрирующим замедление роста или снижение показателей, таким как Республика Ингушетия и Кабардино-Балкарская Республика. Изменение численности занятых в данных регионах снизились соответственно на 8,6 % и 4,8 %. В обозначенных республиках необходимо на региональном уровне разработать адресные меры поддержки для стабилизации и дальнейшего роста показателей экономической стабильности. В то же время Ставропольский край выделяется уверенным ростом, что может служить примером для других регионов. Реализация успешных практик и механизмов, применяемых в крае, потенциально может способствовать ускорению социально-экономического развития всего округа.

Таким образом, дальнейший поступательный рост и эффективное развитие регионов Северо-Кавказского федерального округа требует комплексного системного подхода, основанного на глубоком анализе, адресной поддержке, учитывающей их специфику, а также активном взаимодействии федерального центра и региональных властей для раскрытия потенциала региона и достижения поставленных целей.

Можно отметить, что оценка занятости населения в регионах Северо-Кавказского федерального округа — вопрос сложный и многогранный. Несмотря на позитивные сдвиги, сохраняются и серьезные проблемы. В целях снижения молодежной безработицы необходимо тесное взаимодействие вузов и работодателей, развитие системы стажировок, повышение привлекательности для квалифицированных специалистов, что сможет остановить отток кадров и привлечь новых. Следует выделить туристическую отрасль, которая имеет огромный потенциал по созданию множества рабочих мест в сфере сервиса, гостеприимства, общественного питания. При целенаправленной работе, инвестициях в кадровый потенциал и более интенсивном развитии перспективных отраслей у региона есть

определенный задел улучшить ситуацию на рынке труда для обеспечения достойной работы своих граждан.

Библиографический список

1. *Аджиева А. И., Биджиева М. А.* Занятость населения и социальная поддержка государства // Заметки ученого. — 2021. — № 4–1. — С. 466–469.
2. *Караева Ф. Е.* Роль кадрового потенциала в период цифровой трансформации экономики // Актуальные проблемы аграрной науки: прикладные и исследовательские аспекты: материалы IV Всерос. (нац.) науч.-практ. конф. (Нальчик, 4–5 февраля 2021 г.). — Нальчик: КБГАУ, 2025. — С. 332–335.
3. *Козорезов А. А.* исторический анализ исследования занятости в различных экономических теориях // Научно-практический журнал «Диалог». — 2024. — № 4 (30). — С. 43–45.

С. Л. Моисеенко, Н. П. Малышева

*Брянский государственный инженерно-технологический университет,
г. Брянск;*

О. А. Рыкалина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Экономическая безопасность малых предприятий в условиях новаций налогового контроля

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов экономической безопасности для наиболее уязвимого сегмента экономических отношений — компаний малого бизнеса. Актуальность темы обусловлена системными вызовами, формирующимися в российской экономике 2025–2026 гг., связанными, прежде всего, с новациями налогового механизма, качественным изменением подхода к оценке деятельности коммерческих компаний со стороны фискальных органов, влиянием негативных факторов, большинство из которых связано с общими тенденциями и особенностями развития национальной экономики на современном этапе.

Ключевые слова: экономическая безопасность малого бизнеса; новация налогообложения; оценка налогоплательщиков; налоговый контроль.

Значение малого бизнеса для поддержания экономической стабильности и роста благосостояния национальной экономики неоспоримо вне зависимости от рассматриваемого временного интервала. Обладая высоким конкурентным потенциалом, именно малый бизнес формирует наиболее гибкий сегмент, способный выполнять двойственную функцию — поддерживать равновесие на рынках со

стороны спроса и предложения, совершенствовать адаптационные возможности для противодействия системно возникающим угрозам экономической безопасности. Немаловажную роль в данных процессах традиционно играет государство, формируя институциональные механизмы, учитывающие в том числе специфику малого бизнеса и нацеленные на предоставление мер поддержки значимым для регионов бизнес-идеям. В 2025–2026 гг. особенно актуальными угрозами становятся увеличение фискального давления, часто меняющиеся налоговые нормы, что создает угрозы для финансовой устойчивости и способствует существенному снижению финансирования инвестиционных решений, которые определяют долгосрочную стратегию развития компаний и формируют ресурсную базу для диверсификации или иных направлений развития их потенциала.

Экономическая безопасность малых предприятий в условиях налоговых инноваций становится особенно актуальной, поскольку она напрямую влияет или взаимосвязана со следующими факторами:

1) устойчивость деятельности. Действительно, система экономической безопасности малых предприятий направлена на минимизацию воздействия критических и катастрофических рисков, формировании управляемой и прогнозируемой экономической ситуации, что положительно влияет на уровень предпринимательской активности в долгосрочном периоде;

2) инновационный потенциал. Стабильность экономической базы, обеспеченная адекватной налоговой политикой, позволяет малым предприятиям инвестировать в исследования, приобретение новых или модернизацию применяемых технологий;

3) вклад в социальную стабильность. Малый бизнес играет важную роль в обеспечении занятости, формировании среднего класса, поэтому его устойчивость важна для достижения федеральных и региональных социально-экономических целей, интенсификации интеграционных процессов.

4) эффективность налоговой политики. Степень эффективности налоговых новаций можно определить как совокупность достижения прозрачности товарно-денежных потоков и сбалансированного развития малого бизнеса, демонстрирующего поступательный рост оценочных показателей. Динамика развития данного сегмента является надежным индикатором качества фискальных новшеств.

С учетом совокупности налоговых новаций последнего времени, их турбулентности и скорости принятия нормативно-правовых актов мы выделяем налоговую безопасность как ключевую для малого бизнеса, определяющую маржинальность продуктовой линейки и, соответственно, — перспективность коммерческой модели.

Проблематика экономической безопасности малого бизнеса является одной из актуальных проблем современности, постоянно дополняется новыми данными и концепциями ученых. По мнению Л. И. Абалкина, экономическая безопасность — «совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость» [1, с. 12]. В качестве основных угроз безопасности авторы отмечают «...увеличение имущественной дифференциации населения и повышение уровня бедности, деформированность структуры российской экономики, возрастание неравномерности социально-экономического развития регионов» [2, с. 10], подчеркивая, что при формировании системы экономической безопасности возрастает роль конкурентного потенциала [4]. Мы рассматриваем экономическую безопасность как способность системы (предприятия, отрасли или государства) к устойчивому развитию и достижению поставленных целей в условиях постоянно меняющейся внешней и внутренней среды. Она обеспечивается благодаря слаженному взаимодействию составляющих элементов, процессов и структур, а также эффективному реагированию на внешние вызовы, в том числе проведением «...цифровизации учетно-аналитической информации» [3, с. 101].

Отметим, что роль малого бизнеса в вопросах экономической безопасности систем мезо- и макроуровней исключительно велика. Если малый бизнес теряет способность к инновационному и динамичному функционированию, он не только упускает собственные возможности, но и становится тормозом общего экономического прогресса, снижает собственный и региональный конкурентный потенциал. Неэффективность малого бизнеса ведет к низкой производительности, сокращению рабочих мест и налоговых поступлений. В долгосрочной перспективе это подрывает социальную стабильность и экономическую устойчивость, создавая уязвимость перед внешними шоками и более динамичными хозяйственными системами. В связи с этим оценка угроз экономической безопасности малого бизнеса становится серьезной задачей, требующей постоянного

мониторинга, т. е. дополнительных контрольных действий сотрудников, наращивания цифровых возможностей для сокращения объема рутинных операций и охвата ключевых бизнес-процессов с учетом вектора стратегического развития.

Отметим в связи с этим значение Приказа, принятого ФНС России 5 декабря 2025 г. № ЕД-7-31/1041@, актуального с 1 января 2026 г., в котором предложена целостная система оценки коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей со стороны Федеральной налоговой службы (ФНС России), включающая в том числе параметры финансовой устойчивости и налоговой безопасности, результаты которой можно использовать как для скоринга существующих и предполагаемых контрагентов, доказательства благонадежности в рамках государственных и муниципальных закупок, так и для целей внутреннего контроля и аудита.

Сущность новой методики — определение конкретных оценочных показателей, при соответствии которым организация или индивидуальный предприниматель получают 1 балл, а в противном случае — 0. Это позволяет достаточно быстро провести расчеты и, например, проранжировать коммерческие структуры с целью определения лидеров и аутсайдеров. Для последних особенно важно, что в результате мероприятий налогового контроля наличие признаков неэффективности в рамках рассматриваемого подхода может стать новым фокусом внимания проверяющих, т.е. контрольные мероприятия в определенной степени индивидуализируются. Результаты оценки могут быть запрошены как самой компанией, так и ее контрагентами, а в случае несогласия с итогами автоматически выполненных расчетов данные можно оспорить, предоставив обоснованные возражения. ФНС России обязана в этом случае в течение пяти рабочих дней скорректировать показатели или отказать с обоснованием причинно-следственной связи.

Оценка проводится поэтапно: сначала налогоплательщика проверят по обязательным критериям (существенным расхождениям по НДС, наличию в реестре недобросовестных поставщиков, причастность к экстремизму и терроризму, отсутствию предпосылок к проведению процедур банкротства или ликвидации), а затем будут рассчитаны налоговая нагрузка, параметры уровня заработных плат, показатели финансового анализа (рентабельность активов по чистой прибыли и ряд других). Результат расчета оформляется в виде вы-

писки, заверенной электронной цифровой подписью уполномоченного лица налогового органа.

В связи с этим отметим, что задача идеального соответствия предложенным критериям трудновыполнима прежде всего для компаний микробизнеса, которые в силу ограниченности бизнес-модели и финансовых ресурсов не всегда могут набрать штат в определенном количестве (5 чел. для соответствия критерию № 42 и более 50 чел. — для критерия № 25), поддерживать численность на определенном уровне, т. е. отсутствие факта ее снижения (критерий № 26), отсутствие фактов снижения стоимости основных средств и в целом внеоборотных активов (критерий № 27–28), начисление заработных плат выше оцениваемых уровней (например, по критерию № 44 необходимо превышение среднего уровня заработной платы в целом по Российской Федерации с учетом ОКВЭД, а для соответствия критерию № 48 проверяется соответствие уровня заработной платы за предыдущий год и одного из двух показателей — размера среднемесячной заработной платы по городу Москве или среднеотраслевого уровня заработной платы). Также в рамках оценивания уровня заработной платы принимается во внимание превышение уровня минимального размера оплаты труда, установленного в городе Москве, который составляет в 2026 г. 39 730 р. (критерий № 51)). Добавим, что одновременно безрисковым показателем является наличие положительного финансового результата (критерий № 31), показатели рентабельности активов на уровне 10 % и более (критерий № 23), уровень совокупной налоговой нагрузки, который может отклоняться от установленных значений не более чем на 20 % (критерий № 53). Это означает, что требования к микробизнесу фактически уравнивали с требованиями к структурам, относимым к компаниям среднего и крупного размера. На наш взгляд, данный подход является методологически необоснованным, так как не учитывает специфику ведения деятельности в рамках юридического лица или индивидуального предпринимателя небольших масштабов. Наличие и ежемесячное обновление данных по этой методике ФНС России обусловит переформатирование системы финансового контроля всех коммерческих структур в рамках общей системы экономической безопасности.

Проанализируем статистические данные по динамике количества российских юридических лиц и индивидуальных предпринима-

телей на 1 января 2026 г. Так, количество организаций составляет 3 154,9 тыс. шт., из которых 2 552,0 тыс. шт. — коммерческие. Общее количество организаций за 2025 г. уменьшилось на 70,3 тыс. шт. (192,88 тыс. шт. зарегистрировано, 263,2 тыс. шт. ликвидировано по различным основаниям). Особый интерес представляют данные, согласно которым большая часть организаций ликвидирована по инициативе ФНС России — более 216 тыс. шт., том числе:

- недействующие юридические лица — 47,6 тыс. шт.;
- в связи с наличием в ЕГРЮЛ сведений о недостоверности — 113,9 тыс. шт.;
- субъекты СМП, имеющие право на упрощенную ликвидацию (ст. 21.3. Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей») — 31,2 тыс. шт.;
- по основаниям, предусмотренным п. 4 ст. 7.8 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» — 23,4 тыс. шт.;
- по причине банкротства — 5,47 тыс. шт. (по данным официального сайта ФНС России).

Отметим, что фискальные органы стали проводить активную политику оптимизации количества юридических лиц — объектов налогового контроля. Частично, в связи с этим наблюдаем рост количества индивидуальных предпринимателей — на 320,9 тыс. ед., или на 6,58 % от общего количества, что объясняется комплексом причин. Среди них: низкие входные барьеры вхождения в наиболее популярные виды бизнеса, простота регистрации, упрощенная система налогообложения, включая уникальную возможность применения патента, отсутствие необходимости вести полноценный учет и некоторые другие факторы, в том числе более гибкие возможности масштабирования или сворачивания деятельности. По мнению большинства исследователей, данные тренды найдут свое продолжение в 2026 г., когда вопросы эффективности станут приоритетными для всех участников рынка. Именно достижение фискальной прозрачности станет фокусом развития систем экономической безопасности как для юридических, так и для физических лиц, в том числе со статусом предпринимателя.

Отметим, что процесс налогового контроля бизнеса существенно активизируется в течение последних 5–7 лет, и фискальные органы поступательно наращивают его эффективность с помощью цифровых инструментов, обеспечивающих сквозной характер аналитических данных. Направлением дальнейших исследований должно стать формулирование предложений по совершенствованию системы экономической безопасности важнейшего сегмента экономики — субъектов малого предпринимательства — в разрезе юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Учет методологии расчета оценочных показателей должен стать основой внутренней системы финансового контроля, от эффективности работы которой, в том числе, зависит перспективность бизнес-модели, ее адаптивность и потенциал стратегического развития в динамичных условиях внешней среды.

Библиографический список

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. — 1994. — № 12. — С. 4–16.
2. Белых В. С. Национальная экономическая безопасность России: внутренние и внешние угрозы // Бизнес, менеджмент и право. — 2022. — № 3 (55). — С. 9–14.
3. Власова И. Е., Мустафина О. В., Колчина В. В., Моисеенко С. Л. Цифровизация учетно-аналитической информации как фактор повышения результативности региональных предприятий // Фундаментальные исследования. — 2025. — № 6. — С. 102–107.
4. Суглобов А. Е., Хмелев С. А. Методологические аспекты организации комплексной учетно-информационной системы обеспечения экономической безопасности предприятия // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 6. — С. 67–72.

О. В. Мустафина, И. В. Жигалова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Инструменты экономической безопасности хозяйствующих субъектов

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам по применению практического инструментария, обеспечивающего экономическую безопасность хозяйствующих субъектов. Актуальность исследования обусловлена тем, что на современном этапе экономического развития хозяйствующим субъектам приходится адаптироваться к условиям политической и социально-экономической нестабильности развития макроэкономической системы, при этом важное значение имеет разработка (поиск) альтернативных вариантов по нейтрализации кризисных явлений и обеспечению экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность; хозяйствующий субъект; стратегический анализ; стратегическое планирование.

В современных условиях хозяйствования одной из главных задач финансового управления становится разработка и реализация системы экономической безопасности хозяйствующих субъектов, что представляется «...как организация бизнеса, которая основана на долевой собственности и раздельной функции собственника, и управления» [4].

Экономическая безопасность хозяйствующих субъектов представляется как: «...состояние защищенности интересов и ценностей, достигаемое в результате эффективного управления, что позволяет систематически извлекать прибыль и реализовывать бизнес-задачи, а также превентивно предупреждать в динамике внешние и внутренние угрозы» [1, с. 238]. Главная цель экономической безопасности хозяйствующих субъектов заключается в обеспечении устойчивого и эффективного функционирования как в текущем (настоящем), так и в стратегическом (перспективном) развитии, что достигается благодаря нейтрализации угроз, негативных воздействий. Важным условием реализации изложенной цели является эффективное использование факторов производства необходимых для финансово-хозяйственной деятельности (ФХД).

Необходимо отметить, что обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов представляется как непрерывный процесс, который способствует укреплению позиций, таких как финансовая устойчивость, ликвидность, финансовая независимость,

удержание соответствующего уровня конкурентоспособности и др. По нашему мнению, одним из инструментов обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов является стратегическое планирование, что представляется как «...комплекс мероприятий по разработке стратегий, необходимых для достижения целей хозяйствующих субъектов» [3]. При этом стратегическое планирование направлено на определение качественных параметров использования имеющихся факторов производства.

Другим инструментом экономической безопасности хозяйствующих субъектов является стратегический анализ, благодаря которому имеется возможность оценки ее уровня, что представляется следующим алгоритмом и включает в себя: во-первых, определение возможных негативных воздействий на ФХД и экономику хозяйствующего субъекта; во-вторых, выявление объективных и субъективных факторов, оказывающих негативное воздействие на отдельные виды ФХД, результаты труда и др.; в-третьих, разработка перечня мер (направлений) по предотвращению (нейтрализации) влияния кризисных явлений и угроз на экономическую безопасность; в-четвертых, технико-экономическое обоснование и оценка эффективности планируемых мер (направлений) с позиции оценки экономической безопасности по результатам их практической реализации; в-пятых, определение затрат (стоимости) на практическую реализацию перечня мер (направлений) по предотвращению (нейтрализации) влияния кризисных явлений и угроз на экономическую безопасность.

На ФХД и экономику современных хозяйствующих субъектов оказывают влияние различные факторы, которые в одних случаях способствуют расширенному воспроизводству, а в других случаях направлены на стагнацию (ограничения) стратегических параметров развития (табл. 1). В связи с этим необходимо рассматривать систему экономической безопасности на двух уровнях [2].

Таким образом, вне зависимости от отраслевой принадлежности хозяйствующий субъект в современных условиях хозяйствования испытывает постоянные внешние и внутренние угрозы экономической безопасности, что обуславливает и соответствующие действия менеджмента по нейтрализации возможных кризисных явлений и угроз в экономике.

Проблема обеспечения экономической безопасности на современном этапе экономического развития становится актуальной, при этом не существует общепринятых или унифицированных показате-

лей, которые свидетельствуют об уровне угроз экономики хозяйствующего субъекта. Поэтому авторы представленного исследования разработали систему критериев и пороговых значений, что необходимо принимать во внимание в процессе диагностики возможных угроз (табл. 2).

Т а б л и ц а 1

Система экономической безопасности хозяйствующих субъектов

Состояние экономики хозяйствующего субъекта, при котором имеется возможность ФХД в направлении принятых стратегических плановых показателей	
1-й уровень. Возможность осуществлять ФХД в границах принятой стратегии	
2-й уровень. Возможность обеспечивать текущее функционирование	
Устойчивость ФХД	Экономическая безопасность
Прочность и надежность ФХД в рамках (границах) принятой стратегии. В случае потери устойчивости сигнализирует угрозу экономической безопасности	Способность хозяйствующего субъекта к выживанию и функционированию в режиме нейтрализации внешних и внутренних угроз
Оценка внешних и внутренних угроз	
Внешние угрозы	Внутренние угрозы
Диагностика кризисных явлений экономики хозяйствующего субъекта	

Т а б л и ц а 2

Показатели и пороговые значения экономической безопасности хозяйствующего субъекта

Наименование	Методика расчета	Нормативное значение
Показатель загрузки производственной мощности	Прогнозируемый спрос (объем производства) / Стоимость производственных мощностей	Минимальная загрузка производственной мощности 70 % и более
Износ основных средств	Сумма начисленного износа (амортизации) / Первоначальная стоимость основных средств	Минимальное значение износа 0,4 (40 %) не более
Рентабельность актива	Чистая прибыль / Среднегодовая стоимость актива	Не менее 50 %
Рентабельность продаж	Прибыль от продаж / Выручка	Не менее 15 %

По мнению авторов, достаточно важным показателем при стратегической диагностике кризисных явлений является показатель, ко-

торый характеризует величину привлечения стоимости факторов производства:

$$\Delta P^* = P_1 - P_0 \times \frac{TR_1}{TR_0},$$

где ΔP^* — абсолютное изменение стоимости используемого ресурса относительно темпа роста основного результативного показателя (выручка); P_1, P_0 — фактический (отчетный) и планируемый показатель ресурсного обеспечения; TR_1, TR_0 — фактический (отчетный) показатель основного вида ФХД (выручка) и планируемая выручка.

В случае, если расчетное значение показателя со знаком плюс, что характеризует стоимость перерасхода по используемому ресурсному обеспечению, это является кризисным сигналом опасности. В случае, если расчетное значение со знаком минус, то это характеризует экономию по используемому ресурсу. Изложенная точка зрения имеет практическое подтверждение, что дает основание говорить о необходимости использования критерия характеризующего величину привлечения стоимости используемого фактора производства в системе мониторинга экономической безопасности.

Библиографический список

1. Гаджиев А. Э. Экономическая безопасность коммерческой корпорации как принцип корпоративного // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 8 (120). — С. 235–243.
2. Лебедев Д. Г. Финансовая и экономическая устойчивость // Конкурентоспособность территорий: материалы XXI Всерос. экон. форума молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 23–27 апреля 2018 г.): в 8 ч. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2018. — Ч. 8. — С. 26–28.
3. Неуступова А. С., Соловьева А. С. Особенности организации стратегического планирования на судостроительном предприятии на примере ПАО СЗ «Северная Верфь» // Неделя науки Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. — 2021. — № 1-1. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48613117_76337869.pdf (дата обращения: 14.02.2025).
4. Теоретические и концептуальные положения конкурентоспособности, устойчивого развития и несостоятельности на предприятиях отраслевых экономик / И. В. Борзунов, В. В. Калицкая, О. В. Мустафина и др. — Нальчик: КБГАУ, 2024. — 228 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

Секция 1

Обеспечение экономической безопасности в условиях социально-экономических трансформаций

Арманов А. В. Формы и методы финансового оздоровления компаний в системе обеспечения экономической безопасности	6
Владимиров И. А. Качество жизни населения в системе индикаторов социально-экономической безопасности региона.....	10
Гончарова М. Н., Титанова М. И. Вызовы поликризиса и синергия угроз для экономической безопасности России.....	14
Дворядкина Е. Б., Мубаракшина С. А. Проблема выбора метода оценки рисков для обеспечения экономической безопасности организации сферы строительства жилых и нежилых зданий	19
Дворядкина Е. Б., Тюлькаев Р. А. Индивидуальное предпринимательство и экономическая безопасность региона	23
Ефимова Е. Г., Ефремова Я. Е. Проблемы оценки экономической безопасности функционирования некоммерческой организации	29
Иванова О. Ю. Развитие транспортного машиностроения как фактор обеспечения экономической безопасности железнодорожного транспорта в Российской Федерации	35
Кайбичева Е. И. Социально ориентированные некоммерческие организации и обеспечение экономической безопасности региона	41
Копнин А. А. Защита интеллектуальной собственности как условие обеспечения экономической безопасности креативных индустрий региона.....	45
Копчугов А. В. Сбалансированная система показателей BSC в системе обеспечения экономической безопасности организаций финансового сектора	49

Кузнецов К. В. Цифровая зрелость промышленных предприятий как индикатор угроз экономической безопасности в условиях постсанкционной трансформации	54
Лесничий М. А. Методические подходы к оценке демографических рисков рынка труда в контексте обеспечения экономической безопасности	59
Мищич А. Д. Цифровая зрелость как индикатор устойчивости финансовых организаций в условиях монетарного ужесточения	63
Новикова Н. В., Страхов И. А. Влияние технологий искусственного интеллекта на обеспечение экономической безопасности региона	67
Парфенова П. С., Антипин М. А. Оценка и управление рисками организации, осуществляющей деятельность в области архитектуры и проектирования	72
Пестов Н. В. Оценка социальной и бюджетной эффективности государственно-частного партнерства на основе конфигурационного подхода	77
Поздеева О. Г., Бабик А. В. Организация системы обеспечения финансовой безопасности предприятия сферы услуг	82
Титовец А. Ю., Качусова Я. Р. Оценка социально-демографических рисков Свердловской области	85
Угольников О. Д., Пастухов А. Л. Обеспечение экономической безопасности в условиях социально-экономических трансформаций	90
Шарапов Е. Ю. Применение нейросетевых моделей для прогнозирования доходности инвестиционного портфеля коммерческого банка в контексте обеспечения экономической безопасности	96

Секция 2

Правовые средства обеспечения экономической безопасности в современный период

Бельдина О. Г. Технологическая независимость как основа безопасности критической информационной инфраструктуры: новые векторы правового регулирования	101
--	-----

Бурлака С. Н. Проблемы правового регулирования антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности в контексте их влияния на экономическую безопасность России	107
Елфимова Е. В., Елфимов Н. В. Проблемы и перспективы института банкротства граждан	112
Коркин А. В., Элькин А. Д. Правовой статус покупателя по договору розничной купли-продажи	117
Малкеров В. Б. Переводы и перемещения в контексте экономической безопасности организации	121
Мансуров Г. З. Экономико-правовые последствия трансформации системы международных экономических отношений	124
Островецкая Ю. А. Дипфейки как угроза экономической безопасности: проблемы правового регулирования	129
Свалова Н. А. Интернет-право как исключительное авторское право	133

Секция 3

Экономическая безопасность и устойчивое развитие в социальной сфере

Анисимов А. Л., Колобов Е. А. Анализ динамики исполнения федерального бюджета Российской Федерации и средней номинальной заработной платы за период с 2000 по 2025 г. в контексте устойчивого развития социальной сферы	137
Борзунов И. В., Миногина Т. В. Состояние здоровья населения как фактор экономической безопасности региона: направления исследований	141
Борзунова Н. С., Федоров В. В. Организационная консолидация службы скорой медицинской помощи как фактор устойчивости системы экстренной помощи на территории региона	147
Жиленкова Е. П., Буданова М. В., Сарсадских А. В. Управление коррупционными рисками: роль и место в системе мер по обеспечению экономической безопасности	151
Калицкая В. В., Детко Д. В., Ван М. Х. Экономическая безопасность в здравоохранении: доминирование документарных	

нарушений в контрольной деятельности территориального фонда ОМС.....	156
Караева Ф. Е., Назарбеков А., Перминова И. М. Исследование социально-экономической безопасности в регионах Северо-Кавказского федерального округа: анализ занятости населения	162
Моисеенко С. Л., Малышева Н. П., Рыкалина О. А. Экономическая безопасность малых предприятий в условиях новаций налогового контроля.....	167
Мустафина О. В., Жигалова И. В. Инструменты экономической безопасности хозяйствующих субъектов	174

Научное издание

**ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

М а т е р и а л ы
IX Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 3 апреля 2026 г.)

Печатается в авторской редакции и без издательской корректуры

Компьютерная верстка *Н. И. Якимовой*

Поз. 42. Подписано в печать 24.08.2026.

Формат 60 × 84 1/16. Гарнитура PT Serif. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 10,7. Печ. л. 11,5. Заказ 260. Тираж 11 экз.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ